

ISSN 2079-9160

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

№ 3–4(20–21)

МОСКВА
2018

ISSN 2079-9160

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители

Институт языкознания РАН
Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

К. Абдулла (Азербайджан), Ш.Х. Акалин (Турция), Х.Ч. Алишина (Тюмень), М.В. Бавуу-Сюрюн (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), Н.Х. Гаджихмедов (Махачкала), Т.М. Гарипов (Уфа), Н.И. Егоров (Чебоксары), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары), М.С. Качалин (Турция), А.Б. Куделин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), К.М. Миннуллин (Казань), А.М. Молдован (Москва), К.М. Мусаев (Москва), М.М. Репенкова (Москва), А. Рона-Таш (Венгрия), Ж.С. Сыздыкова (Москва), В.Н. Тугужекова (Абакан), М.З. Улаков (Нальчик), Д.А. Функ (Москва), Ф.С. Хакимзянов (Казань), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), Н.Н. Широбокова (Новосибирск), М. Эрдал (Израиль), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: И.В. Кормушин (Москва)
Зам. главного редактора: Е.А. Оганова (Москва), Н.Н. Телицин (Санкт-Петербург)
Отв. секретарь: О.Н. Пустогачева (Москва)
Отв. секретарь и научный редактор: З.Н. Экба (Москва)
Члены редколлегии: Т.А. Анисеева (Москва), А.В. Дыбо (Москва), Ф.Н. Дьячковский (Якутск), Л.С. Кара-оол (Кызыл), А.В. Кузнецов (Чебоксары), И.Л. Кызласов (Москва), О.А. Мудрак (Москва), И.А. Невская (Франкфурт), Ф.Ш. Нуриева (Казань), М. Ольмез (Стамбул), Ю.В. Псянчин (Уфа), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), А.В. Савельев (Москва), Л.С. Селендили (Симферополь), К.-М.А. Симчит (Кызыл), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск), М.Д. Чертыкова (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк)

«Российская тюркология» является продолжением журнала «Советская тюркология», выходившего в 1970–1990 гг. в качестве научно-теоретического органа двух академий – Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР.

После 1991 г. в Азербайджане издается журнал «Türkologiya».

Журнал «Российская тюркология» издается с 2009 г.

© Институт языкознания РАН, 2018
© Российский комитет тюркологов, 2018

№ 3–4(20–21)

COMMITTEE OF RUSSIAN TURCOLOGISTS
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS
DEPARTMENT OF HISTORICAL AND PHILOLOGICAL SCIENCES

Russian TURCOLOGY

Founded by

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
The Committee of Russian Turcologists, Russian Academy of Sciences,
Department of Historical and Philological Sciences

Advisory Board

K. Abdulla (Azerbaijan), Sh. Akalın (Turkey), Kh.Ch. Alishina (Tyumen), M.V. Bavuu-Syuryun (Kyzyl), A.A. Chechenov (Moscow), M. Erdal (Israel), D.A. Funk (Moscow), N.Kh. Gadzhikhmedov (Makhachkala), T.M. Garipov (Ufa), Yu.N. Isayev (Cheboksary), J. Janhunen (Finland), M.S. Kachalin (Turkey), F.S. Khakimzyanov (Kazan), F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.B. Kudelin (Moscow), I.V. Kul'ganek (Saint-Petersburg), K.M. Minnullin (Kazan), A.M. Moldovan (Moscow), K.M. Musayev (Moscow), M.M. Repenkova (Moscow), A. Róna-Tas (Hungary), N.N. Shirobokova (Novosibirsk), Zh.S. Syzykova (Moscow), V.N. Tuguzhekova (Abakan), M.Z. Ulakov (Nal'chik), I. Vásáry (Hungary), N.I. Yegorov (Cheboksary), P. Zieme (Germany), M.Z. Zakiyev (Kazan)

Editorial Board

Editor-in-Chief: I.V. Kormushin (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: E.A. Oganova (Moscow), N.N. Telitsin (Saint-Petersburg)
Executive Secretary: O.N. Pustogacheva (Moscow)
Executive Secretary and Scientific Editor: Z.N. Ekba (Moscow)

Members of the Editorial Board: T.A. Anikeeva (Moscow), A.V. Dybo (Moscow), M.D. Chertykova (Abakan), F.N. Dyachkovsky (Yakutsk), L.S. Kara-ool (Kyzyl), A.V. Kuznetsov (Cheboksary), I.L. Kyzlasov (Moscow), O.A. Mudrak (Moscow), I.A. Nevskaya (Frankfurt), F.Sh. Nuriyeva (Kazan), M. Ölmez (Istanbul), Yu.V. Psyanchin (Ufa), S.B. Sarbasheva (Gorno-Altaysk), A.V. Savelyev (Moscow), L.S. Selendili (Simferopol), I.V. Shentsova (Novokuznetsk), K.-M.A. Simchit (Kyzyl), L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk)

The scientific journal "Russian Turcology" is a continuation of the journal "Soviet Turcology" that was published from 1970 to 1990 as a scientific and theoretical print media of two academies – the Academy of Sciences of the USSR and the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR.

After 1991 in Azerbaijan the "Türkologiya" journal is being published.

The journal "Russian Turcology" is being published since 2009.

© Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2018

© The Committee of Russian Turcologists, 2018

№ 3–4(20–21)

Редакционная коллегия и Редакция журнала «Российская тюркология» (РТ) выражают свою искреннюю и глубокую благодарность руководству АО «Комбинат автомобильных фургонов» в лице А.А. Чеченова и С.И. Васильева за финансовую помощь в подготовке и издании номеров 18–19–20–21 РТ в 2018 году.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

КАКОМУ ТЮРКОЯЗЫЧНОМУ НАРОДУ МОГЛИ ПРИНАДЛЕЖАТЬ ЕНИСЕЙСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ С ТЕРРИТОРИИ ХАКАСИИ? (ЕНИСЕЙСКИЕ СТРАДАНИЯ-2)¹

И.В. Кормушин

г. Москва

Резюме: Данная статья посвящена заключениям, которые вытекают из сопоставления частичных содержательных совпадений текстов двух тюркских рунических эпитафий – очень известного памятника из Приорхонья в Монголии в честь Бильге-кагана (БК) и менее известной небольшой надписи из Приабаканской степи в Хакасии (Е-28). Наша оценка этих совпадений значительно отличается от интерпретации, которую дал им проф. С.Г. Кляшторный [Кляшторный 1976]. Мы оставили в силе рациональное, на наш взгляд, зерно его мысли, и это привело к закономерному выводу о том, какому же тюркоязычному этносу принадлежат надписи с территории нынешней Хакасии. Этот вывод однозначен. И, на наш взгляд, он имеет большее историческое значение, чем постулируемые «совпадения» Е-28 и БК в отношении имени предводителя кыргызов и даты описываемых в Е-28 событий. С другой стороны, такой вывод принципиально расходится с определением Дж. Клосона «хакасских» надписей как оставленных здесь «вождями западных тюрков», откочевавших сюда после падения Тюркского каганата в середине VIII в. [CIEDT 1972: XIV].

Ключевые слова: тюркские рунические надписи, палеографические приемы датирования надписей, проблемы этноязыковой дифференциации надписей разных регионов

На начальных этапах изучения енисейских рунических надписей, с момента первых публикаций В.В. Радлова в 1894–95 гг. [РАИМ] и в первые десятилетия после окончания II мировой войны, в тюркологии было все еще принято объединять рунические надписи, найденные в Хакасии, Туве и на прилежащих территориях Верхнего и Среднего Енисея, единым понятием «енисейские». Многими

---

¹ Из цикла заметок о разногласиях в чтении и интерпретации енисейских рунических текстов, а также по времени их создания, подробнее см. [Кормушин 2015]. В основу настоящей статьи положен наш доклад на Международной конференции в Стамбульском университете 28 ноября 2018 г., посвященной памяти выдающегося турецкого тюрколога проф. Талыта Текина.

считается, что енисейские надписи принадлежат государству древних (енисейских) кыркызов, или, по-современному, – кыргызов, центр которого располагался в *Кёгмене* (совр. Минусинская котловина).

В целом енисейским надписям географически и историко-политически противостоят так называемые «орхонские» рунические надписи из *Отюкена* (совр. монг. Хангай, в северной части Центральной Монголии). Орхонские надписи принадлежат двум тюркоязычным государствам: Второму восточнотюркскому каганату (время существования: 688–745 гг., с центром на р. Орхон) и Древнеуйгурскому каганату (время существования: 745–840 гг., с центром вблизи Орхона).

Орхонские надписи либо имеют прямые датировки времени их создания, либо – при отсутствии прямых – поддаются различным косвенным приемам датирования, но все они определенно укладываются в рамки существования указанных государственных образований: кон. VII – первая пол. VIII вв. В отличие от орхонских, ни одна енисейская надпись не имеет прямой датировки, а попытки хронологических привязок событий и лиц, встречающихся в их текстах, к историческим персонажам и местам часто оказываются не вполне достоверными (один такой важный случай мы разберем здесь, см. ниже). Более того, лишь 40–50 лет тому назад ученые на основании выкладок археологического порядка [Кызласов 1960, 1965] и системы палеографических датирующих примет [Кормушин 1975] постепенно согласились с общим положением о том, что енисейские надписи принадлежат более позднему времени, чем орхонские. Ранее высказывалось мнение о том, что определенная нестрогость, вариативность, даже неряшливость в начертаниях енисейских графем свидетельствуют о «неустоявшемся», т. е. очевидно (для сторонников данной точки зрения) более раннем характере их дукта. Собственно говоря, разноречивые суждения тюркологов по поводу тех или иных хронологических оценок надписей данной историко-культурной группы памятников и составляют суть «енисейских страданий», как мы назвали цикл наших заметок, затрагивающих именно эту проблематику – вопросы хронологизации «енисеики» более ранним или более поздним временем создания относительно «орхоники», а также этноязыковой (диалектной) принадлежности различных территориальных групп енисейских текстов.

При разности исторических и географических характеристик четырех групп тюркоязычных рунических надписей – отюкено-тюркских, отюкено-уйгурских, кёгмено-хакасских и кёгмено-тувинских, – их объединяют следующие непреложные закономерности. Первое. Все они написаны единым руническим алфавитом, начальные формы которого представляют отюкено-тюркские надписи – в честь Тоньюкука (Тон), Кюль-тегина (КТ) и Бильге-кагана (БК), надпись из Чойра (Чйр) и др., – с последующим палеографическим развитием как на этапе древнеуйгурском, так и особенно на этапах применения этого письма в древнекыргызских надписях Хакасии и Тувы. Второе. Все они написаны на едином древнетюркском койне, в котором только как исключение либо по недосмотру автора текста могут «проскочить», «вылезти» какие-либо идиоэтнические особенности языка «писателя». Но не стоит сбрасывать со счетов некоторые нестандартные моменты в содержании текстов. Данная статья посвящена именно таким особенностям «хакасских» надписей.

Очевидно, первым, кто решительно высказался за разноэтничность надписей с территории Хакасии и остальных «енисейских», был Дж. Клосон. По его мнению, «хакасские» надписи были оставлены западными тюрками, бежавшими сюда после разгрома их каганата китайцами. Мотивировал он это тем, что в надписях встретился этноним *тёлес* [С1 1962: 69], а телесы, «действительно», входили в западнотюркский каганат. На наш взгляд, это недоразумение, которое возникло из-за неполного, местами неправильного прочтения текста Абаканского памятника (Е-48), которое имелось в книге С.Е. Малова [МЕРТ 1952: 93–96], что было исправлено мною [Кормушин 1997: 44–60], когда появилась возможность более детально распознать плохо различаемые знаки. По уточненному чтению, героем надписи был покойный *тутук* народа *тёлес*, который удостоился этого славного звания от своего хана за свои ратные заслуги: ‘за свои сорок девять лет он убил пятьдесят девять мужей-воинов [врага]’ – из строки (11) надписи Е-48. Поскольку *тутук* – это должность военного губернатора области с иноязычным населением, которого обычно назначало центральное правительство из членов правящего дома или близких к династии людей, то, следовательно, этот *тутук* был, скорее всего, не из подчиненных телесов. Более того, памятник, скорее всего, был сооружен не на землях телесов, а в родном юрте меморианта.

Необходимо отметить еще одну характеристику, проливающую свет на некоторые особые этнические черты народа, к которому принадлежал губернатор. Она содержится в строках 12–13 Абаканской стелы: (12) *ič jār äliki artzun atči alp tutuq joq...* ‘пусть множатся косули внутренних земель: того, кто мог их подстрелить (на охоте), – отважного тутука (больше) нет’ (13) *toɣdaj turñazi artzun qušladači bilgä tutuq joq artzun alp kögšün oluru qaltı* ‘пусть множатся журавли Тогудая: того, кто мог охотиться на них с ловчей птицей, – мудрого тутука – нет, пусть множатся. Отважная ловчая птица осталась одна’.

Следовательно, высокопоставленное лицо из правящего клана, назначенное управлять народом телесов, имеет похвальные характеристики в посвященном ему некрологе по двум аспектам: как доблестный воин и как меткий охотник. Причем мы узнаем, что охота мужчин правящего клана была двух видов: обычная, с луком и стрелами (на косуль), где нужны были сила и меткость, и охота с ловчими птицами (на крупных птиц типа журавлей, дроф). Последнее, как известно, – сфера пристрастия высшего слоя знати у многих европейских и азиатских государств, но в нашем случае мы скорее связали бы это с кыргызским этносом, у которого и тысячу с лишним лет спустя на новой этнической территории также распространена охота, в том числе сохраняется охота с ловчими птицами.

Привлечем к сравнению с указанными особенностями содержания текста мемориальной Абаканской надписи содержание эпитафии Е-28 с озера Алтын-кель, находившейся немного выше по течению р. Абакан от надписи Е-48. Здесь, в Алтынкельской надписи, присутствует поразительно схожая метафора похвалы меморианту – обращение к фауне с констатацией наступившей привольной жизни для зверья в связи со смертью меткого охотника:

(Е-28, 9) *altun : soŋa y(i)š : käyiki : artyıl : tašyıl : atdači : opa barsim adirilu bardı ayıta* ‘размножайтесь, расселяйтесь косули черни Золотая Сонга: тот, кто мог [вас] поразить на охоте, – мой Опа Барс – он удалился, о горе!’.

Указанная своеобразная метафора, на наш взгляд, определенно указывает на этническую идентичность или родство людей, похоронивших героев надписей Е-48 и Е-28. С другой стороны, наличие в тексте Е-28 топонима *Сонгайская чернь* и имени *Барс* в составе сложного имени меморианта *Опа Барс* перебрасывает мостик от Е-28 к тексту БК. В последней надписи фигурирует тот же топоним – *Сонгайская чернь* – как конечный пункт похода тюрков зимой 710 г. против кыргызов и их кагана Барс-бега, которого тюрки убили:

(БК Вост 26) *yäti otuz yaşıma : qırqız : tapa : sülädim : süñüg batimī : (27) qarıy : sökipän : kögmän : yışıy : toya : yorıp : qırqız : bodunıy : uda : basdım : qayanın : birlä : soña yışda : süñüšdim : qayanın ölürtim : ilin : anta altım* ‘на двадцать седьмом году моей жизни я пошел войском на кыргызов. Прокладывая себе дорогу через снег глубиною с копьё (1,5 м), я взшел на Кёгменскую чернь, на кыргызский народ я напал неожиданно для них, а с их каганом я сразился в Сонгайской черни’.

Указанное совпадение (имени и топонима) дало повод нашему выдающемуся тюркологу С.Г. Кляшторному более 40 лет тому назад [Кляшторный 1976], во-первых, отождествить Барс-бегах обеих надписей – БК и Е-28, во-вторых, датировать памятник Е-28, опираясь на точную дату похода тюрков против кыргызов в соответствии с текстом БК. Выходил 710 г. из расчета: год рождения Бильгекагана $683 + 27 = 710$. Это основывалось на предположении, что в Е-28 речь идет об абсолютно той же, что и в БК, войне тюрков с кыргызами. Однако это оказалось не так.

Наше собственное тщательное исследование надписи много лет спустя [Кормушин 1997: 74–90] позволило нам не согласиться с доводами С.Г. Кляшторного и присоединиться к мнению другого крупного тюрколога, большого знатока проблем хронологизации тюркских памятников, – Луи Базэна, оценившего возраст надписи Е-28 серединой IX в. [Bazin 1976: 9; 1991: 95–96]. Если выводы Л. Базэна покоились на аргументах историографического порядка, то наши основывались на редком палеографическом свидетельстве: в надписи Е-28 оказалась дважды, в строках 2 и 9, употреблена восточно-туркестанская руна *Ḫ* : *ʕ* в имени собственном меморианта: (Е-28, 2₂₅₋₃₇) $\gg$ $\forall$ Ч₃₅ $\text{J}\text{J}\text{Ḫ}\text{Ḫ}$ ₃₀ $\text{ʕ}\text{Ḫ}$ $\text{ʕ}\text{Ḫ}$ ₂₅ *alig bört ora barsım* ‘мой Элиг Бёрт Опа Барс’; пример из строки Е-28, 9 см. чуть выше; подробнее см. [Кормушин 2008: 118–119].

Чтобы понять значение руны *Ḫ* : *ʕ* как хронологического маркера разных этапов изменений тюркского рунического алфавита – орхонско-тюркского и орхонско-уйгурского (= восточно-туркестанского), – укажем, что сходная (или даже, может быть, послужившая начальным образцом для нее) орхонско-тюркская руна *Ḫ* : *Ḫ* изменила свое прямолинейное начертание колен, сомкнув их со штамбом в виде «очков»: *Ḫ*, в том же значении *Ḫ*. Именно такое начертание мы как раз имеем в рассматриваемых енисейских надписях Е-48 и Е-28, где этот знак обычно встречается в слове *bḪmādi* ‘не наслаждался (не пресытился)’. Если в Абаканской надписи Е-48, по крайней мере в ее сохранившейся (не разрушенной) части, руна *Ḫ* : *ʕ* еще (?) не встречается, то в Алтынкельской надписи Е-28 этот знак, как было сказано выше, употреблен дважды.

Что касается хронологии подобного развития, то при отсутствии конкретики можно в общем виде высказать предположение, что в руническом алфавите уйгуров знак $\mathfrak{R} : \mathfrak{C}\mathfrak{P}$ не мог появиться ранее начала их гегемонии на Хангае и в других землях после победы над тюрками в 745 г., а скорее всего, это произошло позже.

Итак, если вернуться к сопоставлению текстов БК и Е-28 на новой основе, согласно нашим предложениям – отбросив ошибочное отождествление мемориантов этих текстов, Барс-бегов, и упозднив датировку Е-28 на основании ее палеографии, – то следует вычленить рациональное зерно в открытии С.Г. Кляшторного, которое, на наш взгляд, перекрывает его поспешные суждения о персонаже и датировке надписи Е-28. В действительности сопоставление енисейского и орхоно-тюркского текстов **удостоверяет** нахождение «внутренних земель» кагана кыркызов в северной части Минусинской котловины, по р. Сонга (в совр. русск. адаптации: р. Сона // Сон), стекающей с Батеневского кряжа и через 50 км впадающей в оз. Шира. А из этого факта следует, кроме того, что енисейско-хакасские надписи, в частности Абаканская (Е-48), обе Алтынкельские, посвященные братьям-близнецам (Е-28 и Е-29), а также определенно еще какие-то, принадлежали не западным тюркам, как полагал один из крупнейших современных западных тюркологов – Джерард Клосон, а именно енисейским кыркызам. К этому положению нас подвело сопоставление, впервые высказанное С.Г. Кляшторным, к чему следует присовокупить, как мы старались показать, некоторые наши соображения и поправки.

Сокращения

совр. – современный

монг. – монгольский

русск. – русский

Литература

- Кляшторный 1976 – *Кляшторный С.Г.* Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников) // *Turcologica*. К 70-летию акад. А.Н. Кононова. Л., 1976. С. 258–267. {*Klyashtorny S.G.* Steles of the Golden Lake (to the dating of the Yenisei runic monuments) // *Turcologica*. To the 70th anniversary of Acad. A.N. Kononov. L., 1976. P. 258–267.}
- Кормушин 1975 – *Кормушин И.В.* К основным понятиям тюркской рунической палеографии // *Советская тюркология*, 1975. № 2. С. 25–47. {*Kormushin I.V.* To the main concepts of the Turkic runic paleography // *Sovyet Turcology*, 1975. № 2. P. 25–47.}
- Кормушин 2008 – *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика. Текстология. М., 2008. {*Kormushin I.V.* The Yenisey Turkic epitaphs. Grammar. Textual Studies. M., 2008.}
- Кормушин 2015 – *Кормушин И.В.* Енисейские страдания: о разногласиях в чтении и интерпретации енисейских рунических текстов // *Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем: Научная конференция памяти Сергея Григорьевича Кляшторного (1928–2014). 16–17 февраля 2015 г.* Санкт-Петербург. Программа. Тезисы. СПб., 2015. С. 27. {*Kormushin I.V.* Yenisei sufferings: on disagreements in reading and interpretation of Yenisei runic texts // *Turkic-Mongolian world in the past and present: Scientific conference in memory of Sergey G. Klyashtorny (1928–2014). February 16–17, 2015 St. Petersburg. Program. Theses.* SPb., 2015. P. 27.}
- Кызласов 1960 – *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // *Советская археология*, 1960. № 3. С. 93–120. {*Kyzlasov L.R.* The New Dating of the Yenisei Script Monuments // *Sovyet Archaeology*, 1960. № 3. P. 93–120.}
- Кызласов 1965 – *Кызласов Л.Р.* О датировке памятников енисейской письменности // *Советская археология*, 1965. № 3. С. 38–49. {*Kyzlasov L.R.* On the Dating of the Yenisei Script Monuments // *Sovyet Archaeology*, 1965. № 3. P. 38–49.}

- МЕПТ 1952 – *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков / Тексты и переводы. М.; Л., 1952. {*Malov S.Ye.* The writing of the Yenissei Turks / Texts and translations. М.; Л., 1952.}
- Clauson 1962 – *Clauson G.* Turkish and Mongolian Studies. London, 1962.
- CIEDT 1972 – *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteen Century Turkish. Oxford, 1972.
- Bazin 1976 – *Bazin L.* Eine Inschrift vom Oberen Jenissei als Quelle zur Geschichte Zentralasiens // *Materialia Turcica*. Bochum, 1976. Bd.2.
- Bazin 1991 – *Bazin L.* Les systèmes chronologiques dans le monde turc ancien. Budapest; Paris, 1991 (Bibliotheca Orientalia Hungarica. T. 34).
- RAIM – *Radloff W.* Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Liefer. 1–3. St. Petersburg, 1894–1895.

TO WHICH TURKIC-SPEAKING POPULATION COULD BELONG THE YENISSEI RUNIC INSCRIPTIONS FROM THE TERRITORY OF KHAKASSIA?

Igor Kormushin

Moscow

Summary: This article is devoted to evidence that follows from a comparison of the in a way similar texts of two Turkic runic epitaphs – a very famous monument from the steppe near the Orkhon-river in present-day Mongolia in honor of Bilge Khagan (BK) and a less well-known small inscription from the steppe of the banks of the Abakan river in modern Khakassia (Ye-28). Our assessment of the “similarities” of the E-28 and the BK is significantly different from the interpretation given by its author, prof. S.G. Klyashtorny in 1957. We left in force the rational, in our opinion, grain of his thought, which led to an unexpected conclusion about to what kind of Turkic-speaking ethnos belong the inscriptions from the territory of what is today Khakassia. This conclusion is unambiguous. And, in our opinion, it has more historical significance than the postulated “coincidences” of E-28 and BK in relation to the name of the leader of the Kyrgyz people and the date of the events described in E-28. On the other hand, such a conclusion is fundamentally at variance with the definition of G. Clauson of “Khakass” inscriptions as left by the “leaders of the Western Turks” who migrated here after the fall of the Turkic Khaganate in the middle of the 8th century. [CIEDT 1972: XIV].

Key words: Turkic runic inscriptions, palaeographic techniques of dating the inscriptions, problems of ethnic-lingual differentiation of inscriptions of different regions

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ НАДПИСИ БИЧИКТУ-БООМ-III ПО ДАННЫМ ТРЁХМЕРНОЙ ФИКСАЦИИ

И.А. Невская, Л.Н. Тыбыкова

г. Новосибирск / Франкфурт – Германия, Горно-Алтайск¹

Резюме: Рунические надписи Горного Алтая очень трудны для исследования, в частности, из-за того, что они часто написаны очень тонкими линиями на поверхностях, которые использовались для нанесения петроглифов, граффити и надписей на протяжении нескольких тысячелетий. Линии надписей и рисунков часто пересекаются или накладываются друг на друга. Детальная трёхмерная фиксация поверхностей с руническими надписями позволяет различить разные типы линий и определить, которые из них относятся к надписи. Трёхмерная фиксация рунических надписей началась на Горном Алтае в 2017 году и уже принесла важные результаты.

В данной статье мы представим новое прочтение надписи Бичиктуу-Боом-III, которое отталкивается от её трёхмерной документации, позволившей уточнить состав её рунических знаков. Как оказалось, в этой надписи имеется очень редкое для Алтая использование одного из религиозных терминов, который дает возможность пролить свет на историю религиозных течений на Алтае во времена создания этой надписи.

Ключевые слова: древнетюркский язык, рунические надписи, Республика Алтай, трёхмерная документация, Бичиктуу-Боом-III

1. Вводные замечания

Самые ранние письменные источники на тюркских языках – это рунические надписи, распространенные практически по всей территории Евразии, в частности, в Монголии, России, Киргизии. Эти надписи составляют значительный корпус из нескольких сотен текстов и являются важнейшим источником наших знаний об истории, культуре, мировоззрении, религии и, конечно же, языке древних

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014 «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур») и гранта РГНФ е(р) 17-14-04602 («Поиск, документация и дешифровка новых древнетюркских рунических памятников Горного Алтая»).

Невская Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, профессор Университета г. Франкфурт на Майне, Германия; e-mail: nevskayairina60@gmail.com

Тыбыкова Лариса Николаевна – кандидат филологических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета; e-mail: lar.tybykova@yandex.ru

тюркских народов. Имперские эпитафийные надписи Монголии особенно известны и в наибольшей степени изучены.

Древнетюркские рунические надписи, расположенные в Республике Алтай, ранее представлялись образцом угасающей рунической традиции [Щербак 2001: 45]. Исследования последних десятилетий и публикации их результатов в ряде статей и в 3 монографиях, посвященных рунике Алтая [Тыбыкова и др. 2012; Васильев 2013; Конкобаев и др. 2015], а также открытия, совершенные уже после публикации данных собраний надписей, показали, что надписи Алтая отражают не только широкое распространение рунической письменности и её региональные особенности в Южной Сибири, но и дают нам образцы древнетюркских текстов более широкого жанрового диапазона, чем знаменитые эпитафийные надписи Монголии. В частности, на Алтае мы наряду с эпитафиями находим молитвенные, философские, владельческие и т. п. надписи.

Несмотря на определенные успехи в изучении надписей Алтая, нам придется признать, что прочтения многих из них, в том числе и представленные в вышеупомянутых публикациях, являются предварительными, как это признают и сами их авторы. Дело в том, что ряд особенностей рунических надписей Алтая делают их особенно трудными для расшифровки. Так, их орфография отличается от правил древнетюркской руники в классических памятниках Монголии, а также имеет место использование ряда знаков, отсутствующих в составе классического алфавита. Не облегчают прочтения разрушения, иногда значительные, письменных поверхностей камней, в результате атмосферных и иных влияний, как природных (землетрясения, паводки, эрозия камней и т. п.), так и связанных с деятельностью человека (с его хозяйственной деятельностью, а также с вандализмом туристов и местного населения).

И все же главная трудность идентификации знаков в рунических надписях Горного Алтая связана, на наш взгляд, с тем, что они часто написаны очень тонкими линиями на поверхностях, которые использовались для нанесения петроглифов, граффити и надписей на протяжении нескольких тысячелетий. Линии надписей и рисунков часто пересекаются или накладываются друг на друга, поэтому определение линий, относящихся именно к надписи, и, соответственно, состава использованных знаков, нередко оказываются ключевой задачей при их расшифровке, помощь в решении которой нам оказывают современные трёхмерные технологии фиксации надписей.

Совместно с Лабораторией цифровой археологии Томского государственного университета мы в 2017 году начали трёхмерную фиксацию рунических надписей на Горном Алтае и продолжили её в 2018 году. Она уже принесла важные результаты, так как детальная трёхмерная фиксация не только тех фрагментов скал, на которых расположена сама надпись, но и поверхностей с руническими надписями в целом позволяет различить разные типы линий на ней и определить, которые из них относятся к надписи. Наиболее приемлемой и результативной для трёхмерной фиксации надписей на месте их нахождения высоко в горах оказалась технология цифровой грамметрии. Подробно мы описываем эту технологию и опыт её использования в статьях [Вавулин и др. 2018; Nevskaya & others 2018], где мы также даем примеры новых прочтений ряда надписей Алтая на основе результатов анализа их трёхмерной фиксации. В настоящей статье впервые

публикуется на русском языке наше новое прочтение надписи Бичиктуу-Боом III, основанное на анализе состава её знаков методом цифровой грамметрии, проведенном М.В. Вавулиным и изложенном им в статье [Vavulin 2017].

2. Предыдущие прочтения надписи Бичиктуу-Боом III (А-16)

Эта наскальная надпись находится на южной окраине села Бичиктуу-Боом, размещена на небольшой скальной плоскости 65×52 см, обращенной к югу, почти у подножья горы. Она была обнаружена в конце 50-х годов Т.И. Сабаевой. Это двухстрочная вертикальная надпись. Индекс по «Древнетюркскому словарю» – А8в [ДТС]. В *Каталоге* [см. Каталог], при нумерации надписей хронологически по годам их обнаружения, она получила номер А-16 [Тыбыкова и др. 2012: 57–59].

Надпись при первом издании К. Сейдакматова в 1964 году получила наименование «правая надпись». По его данным, подтверждённым нашими исследованиями в 2003–2012 годах, надпись состоит из 38 знаков; 3 в первой строке и 35 – во второй строке. Длина первой строки – 4,5 см, длина второй – 45 см. Высота букв 1,0–3,2 см. Начало надписи лишь на 5–6 см отстоит от земли. Возможно, что человек писал, лежа на животе. Таким образом, надпись состоит из двух вертикально размещенных строк, читаемых справа налево и снизу вверх; см. Рисунок 1.

Попыток её прочитать было немало.

Прочтение К. Сейдакматова.

Транслитерация:

- 1) Ыь Гь Ы
- 2) Ыь Гь Ть М Ш А Кь Ш Ль Гь А Кь Гь Ль
Ы А Ть Гь А Сь Нь Ы А Н ч М Дь Й Нь
А Кь Ы Кь З Дь

Транскрипция:

- 1) йеги
- 2) йег этмиш а киши элиг а кг эли а тег а
сени анчам эд й не кик зд

Рис. 1. Фотография надписи Бичикту-Боом III

Перевод:

- 1) благо его
- 2) сделал добро. Человек, народ... тебя столько...
[Сейдакматов 1964: 101]

Прочтение Е.И. Убрятовой (сверху вниз).

Транслитерация:

d² z t l t q^u : n² j γ m nč q l š y q n q b r q l l² k^ü ü s² ä g^ä l² š t q l b i l p k^ü j² l j²

Транскрипция:

äd'z tol t^uq, än j^aγ^ym i^{nč} q^{yl}, šyq, ^yn^aq b^ar q^{yl}, ^öl k^{üsäg}ič, šat q^{yl}, b^aj^aγ^p k^ö: a^l k^ö:

Перевод:

- Высоко наполнись, изобилие;
Главный враг – мой, мир сделай;
Удача – дружба, установись (досл. наличной сделай);
Пожелай же [хотя бы] первой степени насыщения;
Довольство сделай;
Богатый могучий Кёй (Обильный?);
Священный Кей (Обильный?).
[Убрятова 1966: 161].

Прочтение Э.Р. Тенишева.

Транскрипция:

- 1) jäg aŋ
- 2) jäg ätmiš ä kää älig käg äli ä ätig ä säni ä anča ma (?) jan²a kik azad²
- 1) хорошая охота;
- 2) устроил хорошо, колчан, пятьдесят (?), знать, дружина, тебя, так (?), вражда
уменьши(лась)
[Тенишев 1966: 265].

Прочтение И.Л. Кызласова.

Транслитерация:

- 1) j²gi(i)
- 2) j²gt²mšä(a)kš²l²gä(a)k²gl²i(i)ä(a)t²gä(a)s²n²
i(i) ä (a)nčmu(o)d²j¹n²ä(a)ki(i)kzš²

Транскрипция:

- 1) j(e)g(i)
  - 2) j(e)g(i) (e)tm(i)š k(i)š(i)l(i)g ekg(ä)li teg (i)s(i)ni inč(?) (a)mul (?) j(i)n (i)ki k(e)z(i)š
- Перевод:
- 1) Следуй хорошему (~добру).
  - 2) Доброе сотворив, для того, чтобы посеять человечность, приободряясь, ищи смирения (?) (~покоя) и вдвоем (со мною? С богом в душе?) странствуй!
[Кызласов 2001a: 115].

Прочтение Тыбыковой и др. [2012: 57–60].

Запись текста рунами:

Γ € Q (1)

✦ ✧ (°) Γ Γ Π Γ Γ € κ ° Γ Γ Υ € √/∪ Γ Γ € Υ ^ (°) √ Γ κ/ ^ ✦ κ € Q (2)

Ч √/∪ Γ √/∪/∪ Γ Π D X (°) >

Транслитерация:

- 1) $y^2 g^2 I$
- 2) $y^2 g^2 t^2 m \check{s}^1/t^2 A k^2 \check{s}^1 l^2 g^2 A s^2 \eta^2/k^2 g^2 l^2 I A? t^2 g^2 A s^2 n^2 I A n\check{c} m U d^2 y^1 n^2 A \eta^2/n^1/k^2 I \eta^2/k^2 z$

Транскрипция:

- 1) y(e)gi
- 2) y(e)g (e)tm(i)š k(e)šl(i)g s(ö)kg(ä)li täg! (ä)s(ä)ni (e)nč mu? ....

Перевод:

- 1) его/их благополучие
- 2) (Вы), которые имеете прекрасные (прекрасно сделанные) колчаны, атакуйте (линии врагов), чтобы их разорвать! Их ум спокоен/безмятежен ли? ...'

Прочтение Д.Д. Васильева [2013: 87]

Транскрипция:

- 1) j(e)g (i)g(ä)
- 2) j(i)g(i)rm(i) (o)q / (e)η (a)š (e)l(i)g / s(a)η(i)g (e)l(i) (e)t/d (e)t(i)g s(e)ni (e)r (a)nčm(a) (e)d(e) (a)ja (a)nĭn (i)d(i)m

Перевод:

- 1) Добрый владыка / хозяин!
- 2) Двадцать стрел. Прежде всего – страна пятидесяти монастырей, богатство, обустройство. О, как много я воздал твоей памяти, тебя, муж, почитаю добром!

Прочтение К. Конкобаева и др. [2015: 54]

Транслитерация:

- 1) $i/i g_2 y_2$
- 2) $z_2 k_2 i/i k_2 e/a n_2 y_1 d_2 m n\check{c} e/a i/i n_2 s_2 e/a i/i l_2 g_2 k_2 s_2 e/a g_2 l_2 \check{s}_2 k_2 e/a \check{s}_2 m t_2 g_2 y_2$

Транскрипция:

- 1) y(e)gi
- 2) y(e)g(e)tm(i)š k(e)šl(i)g s(ö)kg(e)li t(e)g (e)sni (i)nç(i)m (e)d (a)y(i)n (e)ki k(e)z

Перевод:

- 1) благополучие
- 2) (Воины) с победоносными колчанами, чтобы разгромить (врага) нападите (на них). Помните (примите во внимание). (Мои) опечаленные, очень бойтесь два раза.

Мы не анализируем каждое из этих прочтений, так как совершенно очевидно, что они основаны на различном видении состава рун; достаточно сказать, что ни одно из них не дает цельного, связного и логичного текста. На рисунке 1 видны трещины и различные линии, которые присутствуют на поверхности камня с надписью и которые легко принять за части рун, поэтому такие разночтения закономерно возникают при использовании традиционных методов фиксации надписей.

Кроме того, обращает на себя внимание то, что в большинстве прочтений присутствуют главным образом основы слов без каких-либо грамматических по-

казателей. Это приводит к прочтениям, содержащим призывы, в которых глагол стоит в форме императива 2-го л. ед. ч., а также к множеству назывных предложений, в которых существительные стоят в форме именительного падежа, так как это формы, которые не имеют эксплицитных грамматических показателей в тюркских языках. Для агглютинативных тюркских языков, которые обычно имеют сложные грамматические словоформы, состоящие из нескольких аффиксов, такое построение текста выглядит очень искусственно.

3. Новое прочтение надписи

В статье [Vavulin 2017]² опубликован трёхмерный анализ поверхности камня с данной надписью. Автор обнаружил пять типов линий на поверхности камня. Они в основном отличаются своей глубиной и размерами. В большинстве случаев можно было легко идентифицировать линии надписи: её знаки не более чем 5.0 см длиной, 0.6 мм шириной и 0.06–0.12 мм глубиной. Они значительно светлее, чем сама поверхность камня (см. Рисунок 1). В результате была сделана новая прорисовка надписи, где несколько более светлых линий по своим параметрам приближаются к линиям надписи (Рисунок 2). На рисунке 2 мы видим слева новую прорисовку надписи, а справа прорисовку, опубликованную в *Kataloge* и служившую нам основой для предыдущего прочтения [Тыбыкова и др. 2012].

Полученная новая прорисовка (2а) стала основой нашего нового прочтения этой надписи.

Запись текста рунами:

Г € Q (1)

к/ч 4/4 Г 3 J H D X > * > J Г H I J € к J Г Y € Ч I J € Y ^ 3 J ^ * к € Q/4 (2)

Транслитерация:

- 1) y² g² I
- 2) s¹/y² g² t² m š A k² š l² g² A s² η g² l² I A t² g² A s² n² I A nč m U d² y¹ n² l¹ k² I η/š z/t²

Транскрипция:

- 1) y(e)gi
- 2) (a)s(i)g / y(e)g (e)tm(i)š A k(i)š(i)l(i)g A s(a)η(i)g (e)li A t(ä)g A (ä)s(ä)ni A (a)nč(a)m(a) ud(u)y(u)n (a)lk(i)z /(a)lkiš (e)t

Перевод:

- 1) Его благополучие.
- 2) Подобно людям, принадлежащим к монастырскому сообществу, состоящему из индивидуумов (досл.: с людьми), которые приносят (ему) пользу / делают добро, вы, следуя (им, т. е. этим людям), безмерно благословляйте его благополучие!

Комментарии:

² В этой же статье же опубликована прорисовка полученных линий надписи, см. Рисунок 2 [Vavulin 2017].

1. В данном прочтении первая строка – это заголовок к последующему тексту. То, что хорошо для его (т. е. для религиозного сообщества) благополучия, объясняется во второй строке.

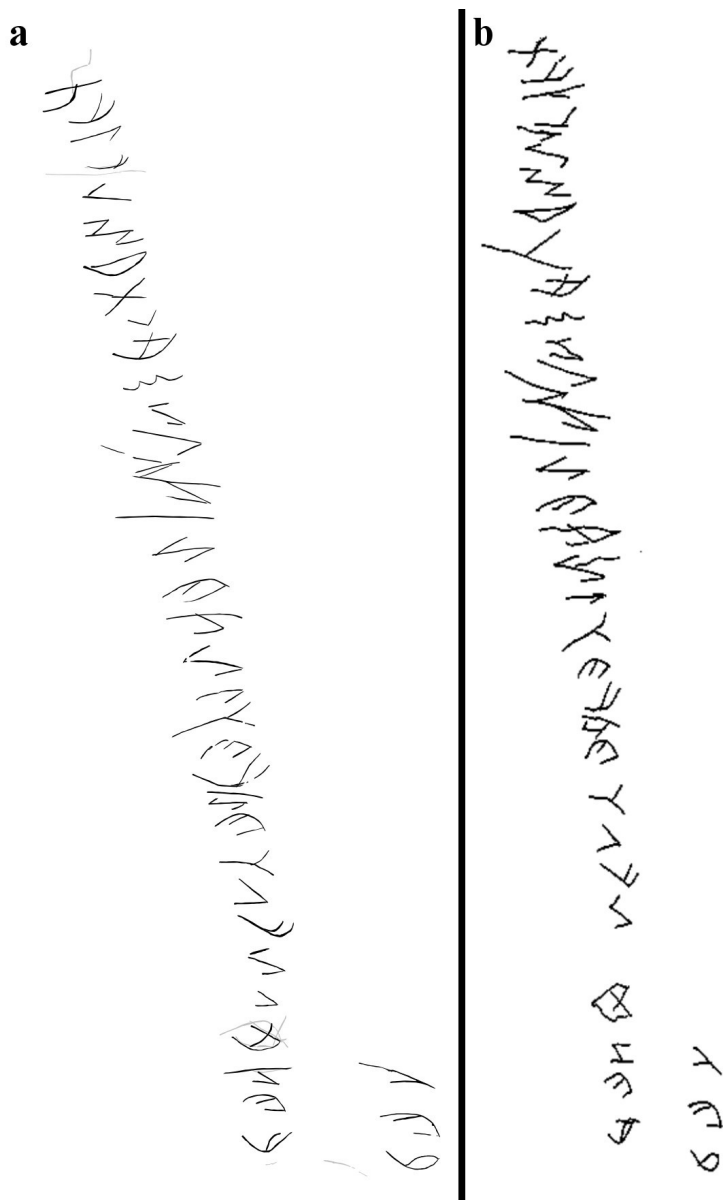

Рисунок 2. Прорисовки надписи: 2a [Vavulin 2017], 2b [Тыбыкова и др. 2012]

2. Практически все тюркологи, которые работали с этой надписью, видели первый знак второй строки как y^2 . Однако по данным трёхмерного анализа петля в верхней части данного знака не закрыта, как это требуется для y^2 . Правда, рядом с этой петлей имеется длинная вертикальная черта, более широкая и менее глу-

бокая, чем линии надписи, и, видимо, нанесенная иным инструментом, которую можно ошибочно принять за недостающую часть петли. Возможно, что автор надписи также принял эту линию за часть руны. Если согласиться с этим предположением, то мы можем прочесть первые 5 знаков второй строки как $y(e)g(e)tm(i)š$ ‘делающие добро (или: добрые дела)’. Если же интерпретировать только те линии, которые действительно относятся к надписи, то мы можем прочесть этот фрагмент как $(a)s(i)g(e)tm(i)š$ ‘приносящие пользу’, т. е. дословно ‘делающие прибыль’, так как открытый верх петли руны y^2 даёт нам руны s^1 . Слово $asig \sim asag$ встречается в базе данных VATES 72 раза, в основном в религиозных буддийских или манихейских текстах. Сама же руна s^1 , хотя и близка по своей форме руны η , имеет по сравнению с нею несколько более изогнутые верхние отростки.

3. Мы читаем знаки 12–14 второй строки $s^2 \eta g^2$ как $s(a)\eta(i)g$ ‘монастырская община или сообщество’ [см. ДТС; Clauson 1972], следуя чтению этого фрагмента, предложенному Д.Д. Васильевым [2013: 8]. Вместе с последующими и предыдущими знаками получается ‘подобно людям, принадлежащим к монастырскому сообществу, состоящему из индивидуумов (досл.: с людьми), которые приносят (ему) пользу / делают добро’. Поскольку в слове используются руны s^2 и g^2 , возможно, что данное заимствованное слово стало подчиняться гармонии гласных и его нужно транскрибировать как $s(\ddot{a})\eta(i)g$.

4. Мы понимаем $el-i$, стоящее после слова ‘принадлежащий к монастырскому сообществу’, как относящееся к людям, принадлежащим к этому сообществу, а не к стране или государству, как это делает Д.Д. Васильев [2013: 87]. Слово el ‘люди, нация’ весьма частотно в рунических надписях. Посессивный аффикс в этом слове относится к сообществу людей, проживающих в монастыре: ‘люди монастырского сообщества’.

5. Следующее слово – это $täg$, являющееся симилиативным послелогом ‘как, подобно’.

6. Слово $(\ddot{a})s(\ddot{a})ni$ – может быть прямым объектом глагола $alka-/alki-$ ‘восхвалять, превозносить, почитать’, а $(a)nč(a)m(a)$ – это относящееся к данному глаголу наречие степени, т. е. восхвалять его (сообщества) благополучие до такой (высокой) степени, т. е. безмерно. Тут мы снова следуем предложению Д.Д. Васильева [2013: 87].

7. Поскольку $(\ddot{a})s(\ddot{a})n-i$ имеет посессивный показатель, оно в функции прямого объекта должно было бы быть оформлено аффиксом аккузатива, но это правило не всегда соблюдалось, см. многочисленные примеры на использование прямых объектов, оформленных посессивными аффиксами, без аффикса аккузатива в древнетюркском языке [Erdal 2004: 362–363]. Тем не менее, $(\ddot{a})s(\ddot{a})n-i$ могло быть и восклицанием, которое произносилось при упоминании дорогих сердцу лиц или предметов, т. е. ‘(Пусть будет) его благословение/благополучие!’. Тогда интерпретация надписи была бы такой:

1) (Пусть будет) его благополучие!

2) Подобно людям, принадлежащим к монастырскому сообществу, состоящему из индивидуумов, которые приносят (ему) пользу, – (пусть будет) его благополучие! – вы, следуя (им, т. е. этим людям), безмерно благословляйте (его)!

8. Деепричастие $ud(u)y(u)n$ в $ud(u)y(u)n (a)lkij(i)z$ ‘следуя, восхваляйте’ является очень редкой формой на $-(X)yXn$, которую мы также встречаем в $i\ddot{y}in$ ‘сле-

дую' (стянувшегося путем гаплогонии из *iy-iyin*) в Майтрисимит, а также в *tilä-yin* 'железа' в биографии буддийского монаха Сюаньцзана (данные VATEC).

9. Последнее слово *(a)lki-η(i)z* могло быть нетипичной формой императива 2 л. мн. ч. *-(X)η(X)z* глагола *alka-/alki* 'восхвалять, благословлять'. Согласно Марселю Эрдалу [Erdal 2004: 237], в древнетюркских текстах *-(X)η* используется исключительно для вежливого обращения к одной персоне, а *-(X)ηlAr* к многим. Однако, Махмуд Кашгарский [DLT: fol. 289] упоминает императивные формы 2 л. мн. ч. *koymañiz* и *kīymañiz*, соответствующие тому, что в его диалекте было бы *kodmañ* и *kīdmañ*, и пишет, что именно так огузские и кыпчакские племена выражают императив в данном лице и числе. Формы 2 л. мн. ч., которые распространены в огузских языках и сегодня, возникли по образцу, используемому также и в личных местоимениях и possessивных аффиксах, в то время как *+lAr* других тюркских языков было перенесено на императивные формы 2 л. мн. ч. из именного склонения. Если предложенное прочтение является правильным, то мы могли бы предположить здесь использование данной диалектной черты, отмеченной Махмудом Кашгарским. Но предположение, что в рунической надписи Алтая встречается огузский императив, маловероятно. Соответственно, нам нужно искать иное толкование данного фрагмента.

Как мы уже отмечали, знаки η и s^1 имеют в данной надписи похожие формы. При этом последняя буква надписи может быть z или t^2 , так как изогнутая линия слева у предполагаемого z проблематична и, возможно, не принадлежит к линиям надписи. Без неё мы имеем тут знак t^2 . Тогда последовательность $l^1 k^2 l s^1/\eta z/t^2$ может читаться либо как *(a)lkiη(i)z* либо как *(a)lkiš (e)t*. Вторая версия прочтения относится к одному адресату: 'Подобно людям, принадлежащим к монастырскому сообществу, состоящему из индивидуумов, которые приносят (ему) пользу, – (пусть будет) его благополучие! – ты, следуя (им, т. е. этим людям), безмерно благословляй его!'

10. Обращает на себя последовательное использование в данной надписи руны А как словоразделителя и знака препинания. Это является одной из ярких особенностей алтайского варианта древнетюркского рунического письма [Кызласов 2002]; [Nevskaya 2015a].

И.А. Невская недавно обсуждала возможные интерпретации данной надписи с Дитером Мауэ, который высказал предположение, что, возможно, эта надпись обращена к адресату, которого автор надписи пытается обратить в свою веру, чтобы тот присоединился к общине и тоже получил благодать, подобно членам монастырского сообщества. Приобрести нового члена для общины стало бы и для автора надписи огромной религиозной заслугой. Следуя этой идее, мы предлагаем следующее возможное прочтение данной надписи:

(a)s(i)g (e)tm(i)š A k(i)š(i)l(i)g A s(a)η(i)g (e)li A t(ä)g A (ä)s(ä)ni A (a)nč(a) m(u)ud(u)y(u)n (a)lkiš (e)t

'Как люди, принадлежащие к монастырскому сообществу, состоящему из индивидуумов, которые приносят (ему) пользу, – (пусть будет) его благополучие! – так же и ты, следуя (им), получи (досл.: сделай) благодать!'

В данном прочтении мы рассматриваем *t(ä)g...* *(a)nč(a)...* как двойной сравнительный союз: 'как ..., так и ...' в сочетании с частицей *m(u)*.

4. Обсуждение и заключительные замечания

Вне зависимости от того, какая из предложенных интерпретаций является наиболее адекватной, все они базируются на уточненном составе рунических знаков, достигнутом с помощью трёхмерных технологий. Как мы видим, эти технологии не снимают всех проблем при интерпретации той или иной надписи, так как есть вполне объективные факторы, которые остаются, даже если мы смогли уточнить состав знаков, насколько это возможно: 1) есть объективные вариации в глубине линий надписи, обусловленные самим материалом, на котором делается надпись, например, вкрапления более плотных фрагментов скалы; иногда мы не можем однозначно отнести ту или иную линию к надписи или, наоборот, однозначно сказать, что она к надписи не относится; 2) даже если мы имеем адекватную прорисовку в максимально возможном приближении, остаются сложности, связанные с индивидуальными особенностями написания знаков тем или иным автором; нередко различия между некоторыми знаками настолько малы, что приходится учитывать обе из возможных их интерпретаций с соответствующими последствиями для расшифровки надписи; 3) ну и, конечно, разрушения поверхности, на которой находится надпись, могут быть настолько значительными, что нет возможности восстановить состав знаков. Тем не менее, без современных технологий прочтение многих надписей было бы невозможным или же весьма дефектным, как показывает пример Бичиктуу-Боом-III.

Во всех интерпретациях данной надписи мы не могли обойтись без термина *s(a)ŋ(i)g* ‘принадлежащий к религиозной общине/сообществу’. Без него не получалось связного текста. Тем самым мы, по всей вероятности, фиксируем в данной надписи ещё один однозначно религиозный термин, которых так мало в рунических надписях в целом, а особенно в Сибири, см. также проблематичный из-за плохой сохранности поверхности камня случай использования термина *äzrua* ‘Зерван’ в одной из енисейских надписей [Кормушин 1997, 2008]. На Алтае *s(a)ŋ(i)g* – это второй однозначно религиозный термин, вслед за термином *arži* ‘святой’, который был найден на Калбак-Таше [Nevskaya 2015b].

Все данные интерпретации подтверждают идею И.Л. Кызласова о существовании монастыря на Алтае вблизи деревни Бичиктуу-Боом, который он, опираясь также на исследования Л.Р. Кызласова, считает манихейским [И.Л. Кызласов 2001, 2004, 2015; Л.Р. Кызласов 1998, 1999, 2001]. На горах в непосредственной близости от этой деревни находится около двух десятков рунических надписей, и каждый год приносит новые находки. Даже само имя деревни означает по-алтайски ‘гора с надписями’. Но к какой религии принадлежал автор надписи? Мы не можем ответить на этот вопрос однозначно, исходя из того лингвистического материала, который мы находили на Алтае до сих пор. Термин *sanig/sanjik* используется в базе данных VATEC 2 раза, оба раза в буддистских текстах; аналогична ситуация с термином *arži*, что можно объяснить количественным преобладанием буддистских текстов как в этой базе данных, так и в целом среди источников на древнетюркском языке, т. е. эти факты не относят данные термины автоматически к буддийским. Тем самым, вопрос о том, какова была религия местного населения в древнетюркскую эпоху, или же какова была религия автора данной надписи, остается без ответа. Тем не менее совершенно очевиден тот

факт, что территория сегодняшней Республики Алтай была вовлечена в сферу распространения мировых религиозных течений уже в древнетюркскую эпоху.

В настоящее время методами трёхмерной фиксации обследовано около 30 надписей Алтая. Фотограмметрия оказалась как наиболее дешевым, так и наиболее эффективным методом документации надписей, находящихся на скалах, часто в очень отдаленных местах. Работу эту нужно продолжать, чтобы сделать надписи Алтая более доступными для исследования всеми тюркологами, а также чтобы способствовать применению методов трёхмерной фиксации к другим корпусам рунических надписей России. Наша работа является редким опытом таких исследований в России, где подобные методы ещё в очень недостаточной степени используются не только в рунологии, но и, в целом, в археологии, см. [Plets et al., 2012; Plisson and Zotkina, 2015; Pushkarev et al., 2016; Zaitceva et al., 2016; Vavulin 2017; Vavulin et al. 2014, Вавулин и др. 2018].

Литература

- Вавулин М.В., Зайцева О.В., Водясов Е.В., Тыбыкова Л.Н., Невская И.А. 2018. Документирование древнетюркских рунических наскальных надписей Горного Алтая на основе технологии фотограмметрии // Виртуальная археология (с воздуха, на земле, под водой и в музее). Материалы Международного форума, состоявшегося в Государственном Эрмитаже 28–30 мая 2018 года. Санкт-Петербург: Эрмитаж, 2018. – С. 29–37 {Vavulin, M. V. & Zaytseva, O. V. & Vodyasov, E. V. & Tybykova, L. N. & Nevskaya, I. A. 2018. Dokumentirovanie drevnetyurkskikh runicheskikh naskal'nykh nadpisey Gornogo Altaya na osnove tekhnologii fotogrammetrii [Documentation of Old Turkic runic inscriptions on rocks in the Mountainous Altai basing on the photogrammetry technology]. In: *Virtual'naya arkhologiya (s vozdukh, na zemle, pod vodoy i v muzee). Materialy Mezhdunarodnogo foruma, sostoyavshegosya v Gosudarstvennom Ermitazhe 28–30 maya 2018 goda.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyj Ermitazh. 29–37.}
- Васильев, Д.Д. Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири. Том 1. Древнетюркская эпиграфика Алтая. Астана: Международная тюркская академия, 2013. {Vasil'yev, D. D. *Korpus tyurkskikh runicheskikh nadpisey Yuzhnoy Sibiri* 1. *Drevnetyurkskaya epigrafika Altaya* [A corpus of Turkic runic inscriptions of South Siberia 1. Old Turkic epigraphy of Altai]. Astana: International Turkic Academy.}
- ДТС = Наделяев. В.М., Насилов, Д.М., Тенишев, Э.Р., Щербак, А.М. (Редакторы). Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. {DTS = Nadelyayev, V. M. & Nasilov, D. M. & Tenishev, E. R. & Shcherbak, A. M. (eds.) 1969. *Drevnetyurkskiy slovar'* [An Old Turkic dictionary]. Leningrad: Nauka, 1969.}
- Каталог = Тыбыкова и др.: Тыбыкова, Л.Н., Невская, И.А., М. Эрдал. Каталог древнетюркских рунических памятников Республики Горный Алтай. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное изд-во, 2012. {Katalog = Tybykova et al. = Tybykova, L. N. & Nevskaya, I. A. & Erdal, M. 2012. *Katalog drevnetyurkskikh runicheskikh pamyatnikov Respubliki Gornyy Altay* [A catalogue of Old Turkic runic written monuments of the Republic Mountainous Altai]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskoye knizhnoye izdatel'stvo.}
- Конкобаев и др. 2015 = Конкобаев К., Усеев Н., Шабданалиев Н. Атлас древнетюркских письменных памятников Республики Алтай. Астана: Международная тюркская академия, 2015. {Konkobayev, K. & Useyev, N. & Shabdanaliev, N. 2015. *Atlas drevnetyurkskikh pis'mennykh pamyatnikov Respubliki Altay* [An atlas of Old Turkic written monuments in the Republic of Altai]. Astana: International Turkic Academy.}
- Кормушин, И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика и текстология. М.: Наука, 2008. Kormushin, I. V. 2008. *Tyurkskiye eniseyskiye epitafii. Grammatika i tekstologiya* [Turkic Yenisei epitaphs. Grammar and textology]. Moskva: Nauka.}
- Кормушин, И.В. Тюркские енисейские эпитафии. М.: Наука, 1997. {Kormushin, I. V. 1997. *Tyurkskiye eniseyskiye epitafii. Teksty i issledovaniya* [Turkic Yenisei epitaphs. Texts and studies]. Moskva: Nauka.}

- Кызласов И.Л. 2001. «Добро сотворив, посеять человечность» (Манихейские миссионеры у вершин Алтая) // Средневековые древности евразийских степей. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Воронеж. 111–129. {Kyzlasov, I. L. 2001. “Dobro sotvoriv, poseyat’ chelovechnost’” (Manikheyskiye missionery u vershin Altaya) [“Making good deeds, foster humanity”] (Manichaean monasteries at the Altai heights)] // Srednevekovyve drevnosti yevraziyskikh stepey – Arkheologiya vostochno-yevropeyskoy lesostepi. Vypusk 15. Voronezh, 2001. 111–129.}
- Кызласов И.Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая. Часть I. Горно-Алтайск, 2002. {Kyzlasov, I. L. Pamjatniki runicheskoy pis'mennosti Gornogo Altaja. [Written runic documents of the Mountainous Altai]. Chast' I. Gorno-Altajsk, 2002.}
- Кызласов И.Л. 2004. Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. Сборник к 80-летию профессора Л.П. Кызласова. М., 2004. С. 111–129. {Kyzlasov, I. L. 2004. Manikheyskiye monastyri na Gornom Altaye [Manichaean monasteries in the Altai Mountains]. In: *Drevnosti Vostoka. Sbornik k 80-letiyu professora L. P. Kyzlasova*. Moskva. 111–129.}
- Кызласов И.Л. 2015. Религиозная природа енисейской письменности (первое приближение) // Nevskaya, I. & Erdal, M. (eds.) Interpreting the Turkic runiform sources and the position of the Altai corpus. Berlin: Klaus Schwaz Verlag, 2015. {Kyzlasov, I. L. 2015. Religioznaya priroda yeniseyskoj pis'mennosti (pervoye priblizheniye) [Religious origin of the Yenisei writing (the first approach)]. In: Nevskaya, I. & Erdal, M. (eds.) Interpreting the Turkic runiform sources and the position of the Altai corpus. Berlin: Klaus Schwaz Verlag} Кызласов Л.П. 1998. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 3. 8–35. {Kyzlasov, L. R. 1998. Severnoye manikheystvo i yego rol' v kul'turnom razvitii narodov Sibiri i Tsentral'noy Azii. [The Northern Manichaeism and its role in the cultural development of the peoples of Siberia and Central Asia]. In: *Vestnik MGU. Seriya 8. Istoriya*. № 3. 8–35.}
- Кызласов Л.П. 1999. Манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // Российская археология, № 2. 181–206. {Kyzlasov, L. R. 1999. Manikheyskiy khram v kotlovine Sorga (respublika Khakasiya). [A Manichaean temple in the Sorgha depression (Republic of Khakassia)]. *Rossiyskaya arkhologiya* 2, 181–206.}
- Кызласов Л.П. 2001. Сибирское манихейство // Этнографическое обозрение, № 5. 83–90. {Kyzlasov, L. R. 2001. Sibirskoye manikheystvo [Siberian Manichaeism]. *Etnograficheskoye obozreniye* 5, 83–90.}
- Наделяев, В.М. Древнетюркские надписи Горного Алтая // Алтайский язык на современном этапе его развития. Горно-Алтайск, 1984. С. 81–103. {Nadelyayev, V. M. 1984. Drevnetyurkskiye nadpisi Gornogo Altaya [Old Turkic inscriptions of the Mountainous Altai]. In: *Altayskiy yazyk na sovremennom etape ego razvitiya*. Gorno-Altajsk. 81–103.}
- Сейдакматов, К. Древнетюркские надписи в Горном Алтае // Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе, 1964. С. 95–101. {Seydakmatov, K. 1964. Drevnetyurkskiye nadpisi v Gornom Altaye [Old Turkic inscriptions in the Mountainous Altai]. In: *Materialy po obshchej tyurkologii i dunganovedeniyu*. Frunze. 95–101.}
- Тенишев, Э.Р. Древнетюркская эпиграфика Алтая // Избранные труды. Книга первая. Уфа: Гилем, 2006. С. 140–143. {Tenishev, E. R. 2006. Drevnetyurkskaya epigrafika Altaya [Old Turkic epigraphy of Altai]. In: *Izbrannyye trudy. Kniga pervaya*. Ufa: G(h)ilem. 140–143.}
- Убрятова Е.И. Древнетюркская руническая надпись из Бичиктуу-боома // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск, 1974. – С. 156–162. {Ubryatova E.I. Drevnetyurkskaya runicheskaya nadpis' iz Bichiktuu-Booma // Bronzovyy i zheleznyy vek Sibiri. Novosibirsk, 1974. P. 156–162.}
- Щербак, А.М. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования. Санкт-Петербург: Наука, 2001. {Shcherbak, A. M. 2001. *Tyurkskaya runika, Proiskhozhdeniye drevneyshey pis'mennosti tyurok, granitsy yeyo rasprostraneniya i osobennosti ispol'zovaniya* [Turkic runic writing. The origin of the most ancient Turkic writing, the borders of its spreading and peculiarities of its usage]. Sankt-Peterburg: Nauka.}
- DLT = Dankoff, R. & Kelly, J. = Maḥmūd al-Kāšgārī, 1982–1985. *Compendium of the Turkic dialects (Dīwān Luyāt at-Turk)* 1–3. (Turkish Sources 7.) Harvard: Harvard University.
- EDPT = Clauson G. Sir 1972. *An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish*. Oxford: Clarendon Press.
- Erdal M. 2004. *A grammar of Old Turkic*. Leiden & Boston: Brill.
- Nevskaya et al. = Irina Nevskaya & Larisa Tybykova & Mikhail Vavulin & Olga Zaytseva & Evgeniy Vodyasov: 3D documentation of Old Turkic Altai runiform inscriptions and revised readings of the

- inscriptions Tuekta-V and Bichiktu-Boom-III // *Turkic Languages*, Volume 22, 2018, Number 2. – P. 194–216.
- Nevskaya I. 2015a. Some orthographic features of Altai runiform inscriptions. In: Nevskaya, I. & Erdal, M. (eds). *Interpreting runiform sources and the position of the Altai corpus* (Studien zur Sprache, Geschichte und Kultur der Türkvölker 21.) Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 103–212.
- Nevskaya, I. A. 2015b. Old Turkic runiform inscriptions of religious content in the Republic Altai: Myths and linguistic evidence. In: Raganin, E. & Wilkens, J. (eds.) *Kutadgu Nom Bitig. Festschrift für Peter Laut zum 60. Geburtstag*. Wiesbaden: Harrassowitz. 313–326.
- Plets G. & Gheyle W. & Verhoeven G. & De Reu J. & Bourgeois J. & Verhegge J. & Stichelbaut B. 2012. Three-dimensional recording of archaeological remains in the Altai Mountains. *Antiquity* 86, 884–897.
- Plisson, H. & Zotkina, L. V. 2015. From 2D to 3D at macro and microscopic scale in rock art studies. *Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage* 2–3, 102–119.
- Pushkarev et al. = Pushkarev, A. A., Zaytceva, O. V., Vavulin, M. V. and Skorobogatova, A. Y., 2016. 3D recording of a 19-century Ob River Ship. In: *The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences*, Prague, Czech Republic, Volume 61–B5, 377–381.
- Vavulin et al. = Vavulin, M. V. & Zaytseva, O. V. & Pushkarev, A. A. 2014. 3D scanning techniques and practices used for different types of archaeological artifacts. *Siberian Historical Research* 4, 21–37.
- Vavulin, M. V. 2017. Documentation of Old Turkic runiform inscriptions of the Altai Mountains using photogrammetric technology. *The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences* 42–2–W8, 257–261.
- Zaytseva et al. = Zaitceva, O. V. & Vavulin, M. V. & Pushkarev, A. A. & Vodyasov, E. V. 2016. Photogrammetry: From field recording to museum presentation (Timiryazev burial site, Western Siberia). *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*, 16: 5, 97–103.

Электронные ресурсы: VATEC: vatec2.fkidg1.uni-frankfurt.de
 {Electronic resources VATEC: vatec2.fkidg1.uni-frankfurt.de}

THE NEW WAY OF READING OF THE ANCIENT TURKIC INSCRIPTION BICHIKTU-BOOM-III ACCORDING TO THE 3D FIXATION DATA

Irina Nevskaya, Larisa Tybykova
 (Novosibirsk/Frankfurt, Gorno-Altaysk)

Summary: The ways Altai runiform inscriptions were carved is a great problem for their deciphering: they are written with very thin lines, often on surfaces that carry petroglyphs and graffiti made in the course of several millennia and crossing each other and the signs of inscriptions. A detailed 3D documentation of rock surfaces allows to discern various types of lines, and to determine the lines that belong to an inscription. 3D documentation of Altai runic inscriptions started 2017 in the Republic of Altai and has already brought very important results.

Here, we will present a new reading of the inscription Bichiktuu-Boom-III based on its 3D documentation which allowed to determine the composition of its signs. It has turned out that this inscription contains a very rare usage of a religious term that can shed light on the history of religious confessions in that area at the time of the creation of those inscriptions.

Keywords: Old Turkic, runiform inscriptions, Republic Altai, 3D documentation, The inscription Bichiktu-Boom-III

**PRELIMINARY READINGS AND NOTES
ON THE ANCIENT TURKIC INSCRIPTION
FROM THE *HIRGISIYN OVOO* AREA IN MONGOLIA**

Mehmet Ölmez

Istanbul

Abstract. It has been more than 125 years since Kül Tëgin and Bilge Kagan inscriptions were discovered and deciphered. Since that time, many new Old Turkic runic inscriptions were discovered in Mongolia. In 2016 another inscription, a new inscription in Bayankhongor aimag, was discovered by Mongolian scholars. It is a inscription smaller than 90 × 40 cm. Three of its four sides are written and on the other side there is a Turkic tamgha. The first attempt at interpretation of the inscription was made by Mongolian Turcologist Ts. Battulga. In this paper, I will present my attempt at interpretation of this inscription. In the future, there will be better and more detailed publications about the inscription.

Key words: Old Turkic, Mongolia, runic inscriptions, Turkic kaghanate.

In the year 2016, Mongol archeologists and linguists found an inscription in the middle of an *ovoo* which is sort of a hallow for Mongols, located 45–50 km west of Buutsagan district (Бууцаган сум) of Bayanhongor province (Баянхонгор аймаг). The study which is actually based on a research trip of some university students was conducted in June of 2016 by T. Iderhangay, academic member of the department of History-Archeology in Ulanbaatar University and Ts. Battulga, an academic member of Asian Studies department in National University of Mongolia (Battulga 2017: 62).

The first information about the inscription, its whereabouts and origin was provided by Ts. Battulga. (Battulga 2017). The detailed article is about how many lines the inscription has, how many letters it contains, the mountain goat stamp on it and the historical issues it mentions. Ts. Battulga had read his first paper on the subject in fact, in December of the same year, in a meeting in Inner Mongolia, China, in Hohhot (*Köke Qota*<*n*>), I attended it and saw the photographs related to the inscription.¹

---

¹ Paper at 4th December 2016: 09:00-09:20 Ts. Battulga: “Newly Found Documents in Runic Script in Mongolia”; *The First International Symposium on Ancient Scripts of Northern Nationalities*, Inner Mongolia University, School of Mongolian Studies Inner Mongolia University, Research Center for Ancient Scripts of Northern Nationalities, 2nd–4th December 2016, Hohhot Inner Mongolia. Because they weren’t yet published at that time, at the request of

In the study of Battulga, the three sides of the inscription are called *a*, *b* and *c*. Transliteration, transcription and Mongolian translation of the inscription is given. The inscription, which is analysed in terms of language and history, is also presented by two photographs of it.

My work on the other hand is based on the research trip conducted at the helm of Prof. Dr. Bai Yudong 白玉冬 who is from the Institution of Dunhuang Studies in Lanzhou University (兰州大学敦煌学研究所) located in Gansu province, called ‘The study of collecting and dating non-Chinese inscriptions of Tang era in Northern Uplands’.² We were there between August 15th – 17th, 2018 and we spent a whole day on August 16th in Khircisiyn Ovoo doing research on the inscription.

To reach the area via Kharkhorin, do field work and then return to Ulaanbaatar took three days of this research trip, aiming the most important of the Old Turkic Inscriptions in Mongolia. The GPS information of the inscription is as follows 45°52'16.0"N 99°17'33.0"E.

Sadly, the inscription isn't complete today. It is obvious that the inscription used to be longer but the lower part of it seems to be broken and lost now. Apart from a *tamgha* of goat, some faint motifs can be seen on that side of the inscription.

I would like to share my temporary reading with my colleagues below until working again with Professor Bai Yudong and his team in the future. Because the context of the text is not properly analysed, I give only the meaning of words or combined units rather than giving an entire translation.

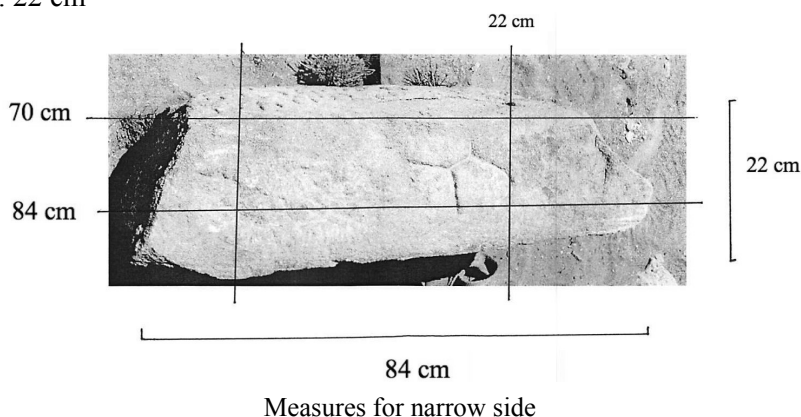
Elevation: 1500 m.

Measures:

Side D, the side with the *tamgha* (s. Photo 2)

highness: right 84 or 85 cm, left 70 cm

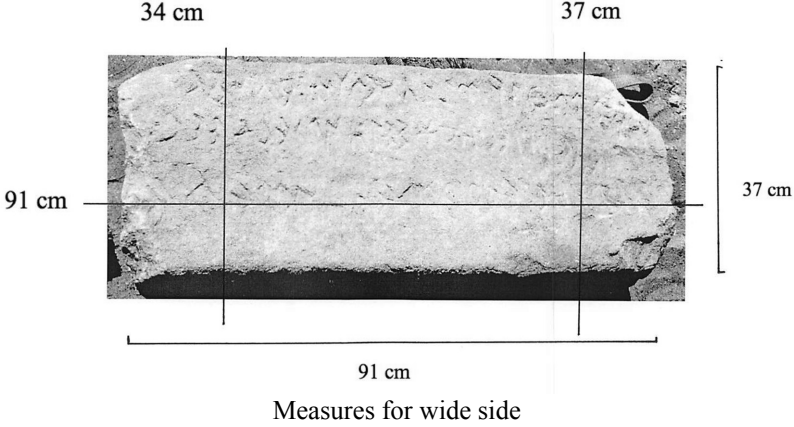
width: 22 cm

Mr. Ts. Battulga, I didn't use any photographs or information presented at the meeting. The information presented in this paper is based on the articles published in *Altaica XIII* (Ulaanbaatar) in 2017 and the presentation Mr. Battulga made in Korea on the same subject. But mainly, this paper is based on the data I collected during my field research in 2018. (This research was supported by 北方草原唐代胡汉语碑刻的解读整理与历史学研究, 兰州大学历史文化学院敦煌学研究所).

² I would like to thank Lanzhou University Dunhuang Academy and my colleague Prof. Dr. Bai Yudong 白玉冬 for their invitation to this field trip.

Side A of the inscription (s. Photo 03)
 height: 91 cm (from middle of the inscription)
 width, from up side 37 cm, from down 34 cm

Runic Text, Transliteration and Transcription

A (Photo 03)

> ǰ λ ρ : n̄ Y Γ > n λ N J T T I Y J ω 1 ǰ ǰ ? Y ... 1
 > ǰ > ρ Y T N k Γ ǰ ǰ D n̄ ǰ N k N Y λ ρ) 2
 Y T N k Γ ǰ T ǰ ǰ ρ Γ Y > n H ǰ ǰ J 3
 ... /š? t¹ t¹ pnt Ak² s² r² AÜčk¹ n¹ II² n² : y² č At¹ U (1
 .. /n¹ b² č k² Ü t² Ü mn² y¹ š d¹ It² Ü r² k² b¹ Ud¹ n¹ (2
 I¹ t¹ r¹ k¹ n¹ k² Iy² g² r² m It² Ü r² k² (3

... /š / ttp anta kėsre üç kan ělin yiçe tut!.. 1
 .. /n bčkÜ tümen yaşadı türk bodun 2
 [o]gul tarkan ěki yėgirmi türk ??? 3

B (Photo 04)

k λ ρ > n̄ Y J > ǰ Y > ǰ ǰ > ρ Y > ǰ n̄ H > ǰ ǰ 1
 λ ǰ Γ > Y ǰ n̄ H > λ n̄ ǰ ǰ ρ ǰ > Y n̄ 2
 t¹ U k¹ z g¹ z b¹ U d¹ n¹ g¹ t¹ U I¹ g¹ k¹ n¹ A t¹ /.. (1
 k¹ ŋ U t¹ y² g² n² č r¹ k¹ z g¹ n¹ I t¹ č /.. (2

tokuz oguz bodunug tolug kan āt!.. 1
 .. /Ut yėgen čor kazgamı tč!.. 2

C (Photo 05)

ǰ λ ρ Y ǰ H > λ λ ρ ǰ Y . 1
 k : I ǰ k Γ : Y Y J > ρ k T 2
 Y : Γ k T N J λ Y i . . . . ρ J 3
 I² g² A č U r¹ m g¹ A t¹ (1
 .. /r² t² b¹ U I¹ ŋ g¹ : I t² m s² : t² /.. (2
 I¹ b¹ . . . . I š č A Ü r² t² I : š /.. (3

..lge čor maga t/. 1
 [tō]rt buluŋug étmiš té[rmiš] 2
 ...lb ...[m]IščA örti : š/// 3

Short Notes on selected Phrases

For the name *xurɣucийн овоо* s. Written Mongolian *obuya(n)* “heap, pile, mass; heap of stones, specially an obo, a mound or cairn of rough stones built as a landmark or monument where special religious ceremonies are performed in honour of genius loci” Lessing p. 598 b.

A 1 ʏ, the first letter at the beginnings of the line could be also ʏ. It is not very clear.

A 1 The word can be as read **artatıp too**; however it is not clear if there is another word before *artatıp* or not. I can see a *š* letter before *artatıp*; for *artat-* see Clauson “to damage, or spoil (something)” (208 b); “губить; приводить к гибели” ДТС 56 b; Röhrborn 2010: 80-82.

A 1 yiče “as before, as previously” Clauson 882b, *ječä* “снова” ДТС 252 b.

A 2 Unfortunately I am not sure about the reading of letters before *tümen*.

A 3 ogul tarkan: His name was mentioned in the KT inscription (North 12), s. ДТС 364 a-b; he was one of two people who came for a visit of condolance from *bukarak uluŋ bodun* “Buhara”: *bukarak uluŋ bodunta nek seŋün ogul tarkan kelti* “from Buhara, general Nek and Oghul Tarqan have come” (Ölmez 2015)

B 1 tokuz oguz occurs in the following inscriptions: *begleri (...) eşid* KT South 2, BK North 1; *tokuz oguz bodun yağı ermiş* KT East 14, BK East 12; *tokuz oguz bodun kentü bodunum erti* KT North 4; *tokuz oguz bodun (...) bardı* BK East 35; *tokuz oguz bodun üze kagan olortı* T 1st stone, South 2; *tokuz o guz t'g³ yağı ermiş* O 6; *tokuz oguz (...) üze kagan olortum* BK East 1; *tokuz oguz meniŋ bodunum erti* BK East 29; *tokuz oguzka yëti süñüş süñüşdökde ...* KÇ 16; *tokuz oguz üze yüz yıl olorup ...* MÇ North 3; *tokuz oguz ...* MÇ East 10; *tokuz oguz bodunumın tērü kuvratı altım* MÇ North 5 (for cited lines see Ölmez 2015). For *tokuz oguz* see James Hamilton, “Тогуз Огуз et On-Ууур”, *Journal Asiatique*, 1962.

B 1 tolug / tulug (?): I cannot decide about the reading and meaning of the passage yet. Battulga reads it as *tuliy qan* based on 突利可汗 according to I. Togan (pp. 112–113); cf. Liu Mau-Tsai I, p. 184; see also Battulga pp. 74-75. He reads the whole passage as *tuliy qana [tutdı]*.

B 2 yëgen čor: For the title *čor* Clauson p. 427b, also see Ölmez 1997, pp. 183-184; *yëgen čor* was attested twice in the Küli Çor inscription: *sir : erkin : ogli : yëgen čor : kelti* “Sir Irkin’s son Nephew Çor came” KÇ 21; [...] *çoruŋ : ogli : yëgen čor : kelti* “[...] Çor’s son Nephew Çor came” KÇ 26 (for cited lines s. Ölmez 2015); s. also *jegän čur* ДТС 252 b (*jegän II*). The first letter at 𐰽𐰺𐰸 look likes *b²* too: 𐰽𐰺𐰸.

B 2 kazgan- “to earn (wages by labour); to strive success” Clauson 683a, “приобретать, добывать” ДТС 439 a.

B 2 tč/...: The letters following *č* are unreadable. Battulga: *yägänčur qazyani tač[iqdi] = tašiqdi*. But there isn’t any historical data which support the hypothesis of Battulga that the phrase in question should be completed and interpreted as *tač[iqdi]*.

The verb *taşık-* is considered to be the origin of the modern *çık-*; however the hypothesis that the consonant cluster *tş-* became *ç-* in word-initial position with the weakened /a/ vowel in the first syllable is rather questionable. Even if that were the case, *tçık-* form, where there is a *tç* cluster instead of *tş*, would be impossible. For *çık-* see Clauson pp. 405-406; for *taşık-* Clauson p. 562 a-b, ДТС 540 a; for *š ~ ċ* alternation *yapşır- ~ yapçur-* etc. see T. Tekin 1988.

C 1 The last letter (𐰇) at 𐰇𐰣𐰚... could be 𐰇 too?

C 1 *../lge čor (a)mga / ../lge čor m(a)ga?* Battulga: *[bi]lgä čurimya* “to Bilge chur”. Battulga’s interpretation seems to be acceptable and reasonable; however there are two questionable points of this interpretation: 1) In the Turkic inscriptions found in Mongolia, the dative is always attained by *+ka/+ke* suffix; there is no *+ga/+ge* forms seen in those inscriptions so far. Such *k > g* change can be found in the inscriptions from Siberia. 2) The dative/locative suffix is usually *+A* following a first person possessive suffix, whereas the *+kA* form is rarely used: *bodunuma, kaganima, ogluma, yašımka* (see T. Tekin 1968: 131, § 3.2144. 3°.)

C 2 *[tö]rt buluğug èt- tèr-*: Battulga reads this phrase as *tört buluniy itmis t[ägmis]* “I have pacified [peoples of] four directions, [after] reaching [them]”. It cannot be completed as *t[ägmis]* because we need a synonym word with the same meaning as *èt-* “to organize”. If we check Turkic and Uyghur inscriptions from Mongolia, we can get the following phrases: BK North 9 *tört buluğdaki bodunug èt- yarar-* “to organize people from four directions”; Ongi West 1 *tört buluğug èt- yig-* “to organize and to collect people from four directions”; MÇ North 5 *tèr- kuvrat-* “to collect, cause to assemble, to gather”. According to those examples, we can fill the gap as *tèr-* “to collect, cause to assemble, to gather” Clauson 529 a-b, “собирать объединять” ДТС 559 b.

C 3 *-mlšča ör-*: I cannot fill the gap. Battulga fills it as *yašča örti*. For now I won’t try to fill the gap. We can find some examples as *-mlšča* in Old Turkic (s. Erdal 2004: 468-469); for *ör-* “to rise” s. Clauson 195 a (1) “показываться подниматься” ДТС 388 a-b (*ör* II-).

Abbreviations and literature

BK: Bilge Kaghan
 KÇ: Küli Çor
 KT: Kül Tëgin
 MÇ: Moyun Çor inscription
 O: Ongi
 T: Tunyukuk

Battulga, Ts., 2017: “Хиргисийн овооны гэрэлт хөшөөний бичээс”, *Altaica*, XIII, Ulaanbaatar: 62–78.

Clauson, Gerard 1971: *An etymological dictionary of pre-thirteenth-century Turkish*. Oxford.

ДТС: В. М. Надеяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак, *Древнетюркский словарь*, Ленинград 1969.

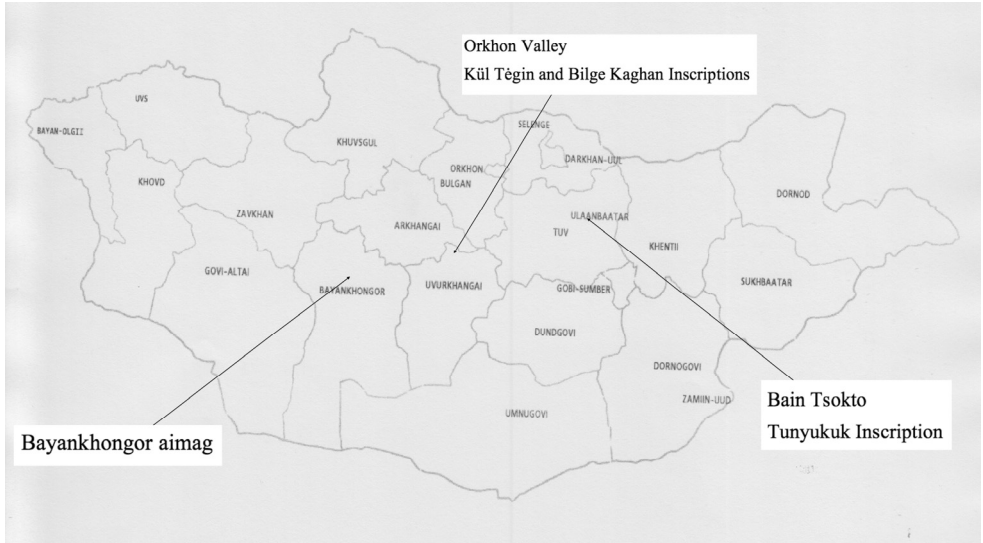
Erdal, Marcel, 2004: *A Grammar of Old Turkic*, Brill, Leiden.

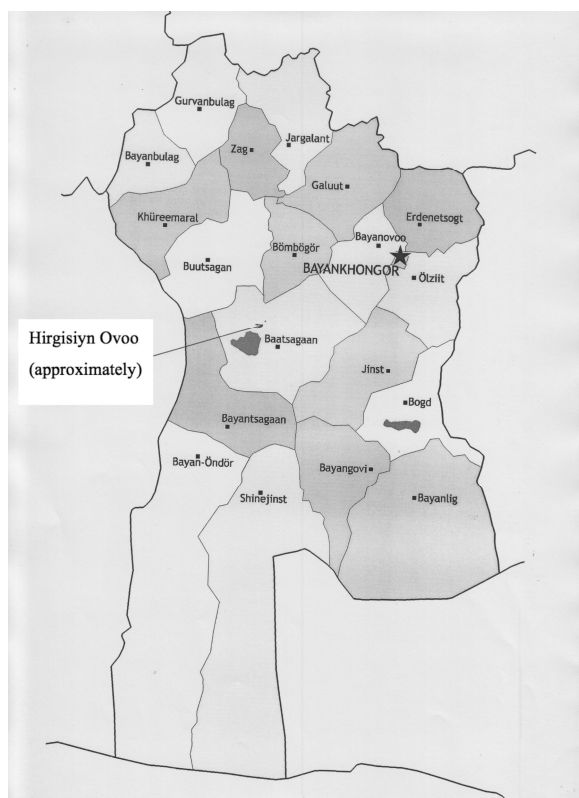
Hamilton, James, 1962: “Тоғуз Оғуз et On-Уғғур”, *Journal Asiatique*, vol. CCL: 23–63.

Lessing, Ferdinand D., 1960: *Mongolian English Dictionary*, University of California press, Berkeley and Los Angeles.

- Liu, Mau-Tsai, 1958: *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-türken*, Otto Harrassowitz, Wiesbaden.
- Ölmez, Mehmet, 1997: “Eski Türk Yazıtlarında Yabancı Ögeler (2)”, *Türk Dilleri Araştırmaları*, 7 (1997): 175–186.
- , 2015: *Orhon-Uygur Hanlığı Dönemi Moğolistan’daki Eski Türk Yazıtları*, *Metin-Çeviri-Sözlük*, BilgeSu Publications, Ankara.
- , 2017: *Köktürkçe ve Eski Uygurca Dersleri*, Kesit Publications, İstanbul.
- , (compiled at 2011–2012, Forthcoming): *Uygur Kağanlığı Yazıtları*, *Metin – Çeviri – Açıklamalar – Sözlük*.
- , (compiled at 2012, Forthcoming): *Moğolistan’daki Türk ve Uygur Kağanlığı Yazıtları*, *Metin – Çeviri – Sözlük*.
- Röhrborn, Klaus, 2010: *Uigurisches Wörterbuch. Sprachmaterial der vorislamischen türkischen Texte aus Zentralasien*. Neubearbeitung I: Verben. Band I: *ab- - äzüglä-*, Franz Steiner Verlag, Stuttgart.
- Tekin, Talat, 1968: *A Grammar of Orkhon Turkic*. Indiana University Publications, Bloomington.
- 1988: “Turkic /š/, Chuvash /ś/ and Mongolian /č/”, *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı-Belleten 1986*, TDK, Ankara 1988: 65-69.
- Togan, Isenbike, Gülnar Kara, Cahide Baysal, 2006: *Eski T’ang Tarihi (Chiu T’ang-shu) 194a: “Türkler” Bölümü*, TTK, Ankara.

Appendix: Map of Mongolia and Bayankhongor aimag

Source of maps:

<http://www.mongoliatourism.info/1/menu/118/7>

https://en.wikipedia.org/wiki/Bayankhongor_Province

Предварительное чтение и примечания к древнетюркской надписи из местности Киргизское обоо в Монголии

Мехмет Ольмез

(Стамбул)

Резюме: Вот уже более 125 лет прошло, как были открыты и расшифрованы надписи Кюль-Тегина и Бильге-Кагана. С тех пор многие тюркские рунические надписи были обнаружены на территории Монголии. В 2016 году в Баянхонгорском аймаке монгольские учёные нашли ещё одну надпись. Размеры её менее, чем 90 на 40 сантиметров. Три из её сторон покрыты надписями, а на тыльной стороне находится тюркская тамга. Первые попытки серьёзного изучения этого памятника были предприняты монгольским исследователем (тюрколог Ц. Баттулга). В нашей статье мы рассмотрим иную интерпретацию надписи, которая, надеемся, предвещает целую череду обширных статей, посвящённых этому замечательному памятнику письменности.

Ключевые слова: древнетюркский, Монголия, рунические надписи, тюркский каганат

ЗВУКОТИПЫ «Ө», «Э» СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ДИАЛЕКТА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА. ПО ДАННЫМ МРТ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Н.С. Уртегешев
г. Новосибирск

Резюме: Статья представляет собой одну из работ, посвященных соматическим методам исследования фонетики башкирского языка.

Гласные типа «э» и «ө» северо-западного диалекта башкирского языка могут быть как переднерядными сильноотодвинутыми (после умереннопалатализованных и среднеязычных), так и центральнозаднерядными сильновыдвинутыми (в абсолютном начале слова и после слабопалатализованных согласных). В нейтральных позициях вокальные настройки сдвинуты к центру резонаторной полости – в зону реализации центральнозаднерядных артикуляций, как у сибирских тюрок.

Ключевые слова: тюркские языки Южной Сибири, северо-западный диалект башкирского языка, вокальные системы, соматические методы исследования, МРТ

В своей работе мы ограничимся только мягкорядными широкими вокальными настройками типа «ө», «э» северо-западного диалекта башкирского языка. Данный выбор был сделан совсем не случайно. На слух гласные типа «ө» и «э» в инициальной позиции и в постпозиции к слабопалатализованным согласным реализуются в настройках, несколько отодвинутых назад, в отличие от постпозиционных к среднеязычным и умереннопалатализованным. Кроме того, от языка к языку у таких гласных сильно варьирует раствор: от полуузких (практически узких) до очень широких (последней ступени отстояния). Поэтому для анализа были привлечены по 3 томограммы артикуляционных настроек гласных типа «ө», «э» и по одной томограмме на каждую серию с нейтральным снимком (*Рис. 1, 5*) для наглядности. Таким образом, для выявления артикуляторных характеристик соответствующих аллофонов в программу томографирования были включены мягкорядные слова *мөгүс* (лит. *мөгөз*) ‘рог’, *төш* = ‘спускаться’ и *көл* ‘зола’; *эт* ‘собака’, *тел* ‘язык’ и *оцә* = (лит. *әсеү*) ‘киснуть’. По ряду причин все томограммы выполнены только с одного диктора¹. Собственно говоря, цель эксперимента –

---

¹ Диктор – Ахметова Гульшат Ринатовна, башкирка. Родилась в 1989 г. в с. Верхнекудашево Татышлинского района Республики Башкирия. Башкирским и русским языками владеет с детства.

подтвердить или опровергнуть данные, ранее полученные слуховым методом, а также внести некоторые уточнения (не всегда уловимые на слух) в артикуляторное описание.

МРТ-съемка производилась по методике, принятой в ЛЭФИ Института филологии СО РАН². Снимаемые звуки одновременно записывались на цифровой диктофон для контрольного протокола эксперимента и для последующего слухового анализа.

Для определения артикуляторной рядности гласных применялась методика, разработанная В.М. Наделяевым [Наделяев 1980: 44–91; Селютина 1998: 50–58] (Таблица 1), для определения ступеней отстояния использовалась «Универсальная таблица» [Уртегешев 2007: 10–16].

Анализ томограмм позволил сделать следующие выводы:

Постсонантный гласный типа «ө» в мягкорядной словоформе *məʁʏs* (лит. *məʁəz*) (Рис. 2) можно определить как *передний сильноотодвинутый третьей сильнопризакрытой ступени отстояния неогубленный неназализованный вуларизованный фарингализованный с ө-образным звучанием*; точная фоническая транскрипция: $\langle \text{ø}^{\text{с}}_{\text{мф}} (\text{°}/\text{γ}) \text{с} // \text{8} // \text{32} = \text{1}/\text{5} \text{с} \text{д}; (\text{78}^{\text{1}}/\text{8})^{\text{1}}/\text{8} \rangle$.

В словоформе *toɨɨ* = ‘спускаться’ (рис. 3) гласный типа «ө» – *переднерядный сильноотодвинутый четвертой сильнопризакрытой ступени отстояния огубленный неназализованный вуларизованный фарингализованный с ө-образным звучанием*; точная фоническая транскрипция: $\langle \text{œ}^{\text{с}}_{\text{мф}} (\text{α}/\text{ө}) \text{с} // \text{8} // \text{43} = \text{1}/\text{9} \text{с} \text{д}; (\text{78}^{\text{1}}/\text{8})^{\text{1}}/\text{8} \rangle$.

Таблица 1

Классификационная система гласных В.М. Наделяева

ряды ступени	смешаннорядные									
	переднерядные индекс-7		индекс-59		центральнозаднерядные индекс-60		центрально- заднерядные индекс-6		заднерядные индекс-60	
1	i	y	ы	и	ш	й	ш	й	ш	й
2	ɪ	ʏ	ь	у	б	ю	б	ю	ш	у
3	e	ø	э	о	ѣ	ө	ѣ	ө	у	о
4	ɛ	œ	э	э	я	я	я	я	я	я
5	æ	æ		э	я	я	я	я	я	я
6	a	ɑ		э	я	я	я	я	я	я

Гласный типа «ө» в словоформе *kəl* ‘зола’ (рис. 4) можно определить как *центральнозаднерядный сильновыдвинутый вперед третьей сильноприот-*

² МРТ-съемка проводилась в Институте «Международный томографический центр» СО РАН (г. Новосибирск).

крытой ступени отстояния назализованный огубленный увуларизованный нефарингализованный; точная фоническая транскрипция: « $\dot{\text{ö}}_{\text{н-4}}^{\text{ö}/\text{3}} \text{d}/\text{8}/\text{34} = \text{cd}^1/6; (78^4/9)^1/9$ ».

Рис. 1. Нейтральный снимок

Рис. 2. Томограмма звука
« $\dot{\text{ö}}_{\text{н-4}}^{\text{ö}/\text{3}} \text{c}/\text{8}/\text{32} = {}^1/5\text{cd}; (78^1/8)^1/8$ »
в словоформе **мөүс** (лит. мөүс) 'рог'

Рис. 3. Томограмма звука
« $\text{œ}_{\text{н-4}}^{\text{œ}/\text{6}} \text{c}/\text{8}/\text{43} = {}^1/9\text{cd}; (78^1/8)^1/8$ »
в словоформе **төш** 'спускаться'

Рис. 4. Томограмма звука
« $\dot{\text{ö}}_{\text{н-4}}^{\text{ö}/\text{3}} \text{d}/\text{8}/\text{34} = \text{cd}^1/6; (78^4/9)^1/9$ »
в словоформе **көл** 'зола'

Обобщая результаты МРТ и слухового анализа по гласным настройкам типа «ө», можно сделать следующие выводы:

1. В зависимости от позиционно-комбинаторных условий гласные типа «ө» северо-западного диалекта башкирского языка могут быть как **переднерядными**

сильноотодвинутыми (после умереннопалатализованных и среднеязычных), так и *центральнозаднерядными сильновыдвинутыми* (в абсолютном начале слова и после слабопалатализованных согласных). Ранее подобная закономерность была выявлена для шорского языка [Уртегешев 2013: 61–65].

2. По степени раствора рта гласные можно определить как *полуширокие*: третья и четвертая ступени отстояния.

3. Некоторой неожиданностью оказалась тотальная увуларизация исследуемых гласных.

4. В словах *məγʊc* (лит. *məgəz*) ‘рог’, *təʃi* = ‘спускаться’ звукотип «ө» имеет дополнительную фарингализованную артикуляцию, которую можно объяснить препозитивными фарингализованными согласными.

5. Фактически у всех гласных констатируется методом МРТ разогубление (делабиализация), но при этом сохраняется акустический эффект лабиализованного гласного (гортанно-округлённый гласный). Гортанно-округлённые гласные были ранее зафиксированы в языке калмаков как аллофоны самостоятельной фонемы [ɔ].

Далее рассмотрим томограммы гласных типа «э».

Инициальный гласный типа «э» в мягкорядной словоформе *эт* ‘собака’ на томограмме (Рис. 6) – *центральнозаднерядный сильновыдвинутый шестой основной ступени отстояния огубленный неназализованный увуларизованный фарингализованный с э-образным звучанием*; точная фоническая транскрипция: $\langle \underset{\sim}{\underset{\sim}{\text{a}}}_{\text{д/8/6}} = (\text{cd}^2/5)^{1/5}; (78^1/5)^{1/5} \rangle$.

Гласный типа «э» в словоформе *тел* ‘язык’ (Рис. 7) определяется как *центральнозаднерядный сильновыдвинутый четвертой основной ступени отстояния неогубленный назализованный увуларизованный фарингализованный с э-образным звучанием*; точная фоническая транскрипция: $\langle \underset{\sim}{\underset{\sim}{\text{a}}}_{\text{д/8/4}} = {}^{1/10}\text{cd}^{1/2}; (78^1/6)^{1/2} \rangle$.

У этого же диктора на томограмме, полученный гласный типа «э» в словоформе *ощә* (лит. *әсеү*) (Рис. 8) – *переднерядный сильноотодвинутый четвертой основной ступени отстояния неназализованный неогубленный увуларизованный фарингализованный*; точная фоническая транскрипция: $\langle \underset{\sim}{\underset{\sim}{\text{e}}}_{\text{с/8/4}} = {}^{1/5}\text{cd}; (78^4/9)^{1/9} \rangle$.

Обобщая результаты МРТ и слухового анализа по гласным настройкам типа «э», можно сделать следующие выводы:

1. В зависимости от позиционно-комбинаторных условий гласные типа «э» северо-западного диалекта башкирского языка могут быть как *переднерядными сильноотодвинутыми* (после умереннопалатализованных и среднеязычных), так и *центральнозаднерядными сильновыдвинутыми* (в абсолютном начале слова и после слабопалатализованных согласных), как и при артикулировании настроек типа «ө».

2. По степени раствора рта гласные можно определить как *полуширокие* (четвертая ступень отстояния) в словах *тел* ‘язык’ (Рис. 7) и *ощә* (лит. *әсеү*) (Рис. 8) и *широкий* (шестая ступень) в словоформе *эт* ‘собака’ (Рис. 6).

3. Некоторой неожиданностью оказалась тотальная фарингализация и увуларизация исследуемых гласных.

Рис. 5. Нейтральный снимок

Рис. 6. Томограмма звука
 $\langle \tilde{\varepsilon} \rangle_{d/8/6} = (\text{сд}^2/5)^{1/5}; (78^1/5)^{1/5}$
 в словоформе **эм** 'собака'

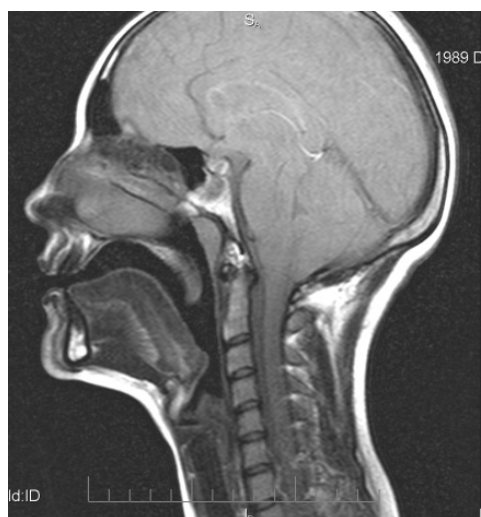

Рис. 7. Томограмма звука
 $\langle \tilde{\varepsilon} \rangle_{d/8/4} = {}^{1/10}\text{сд}^{1/2}; (78^1/6)^{1/2}$
 в словоформе **тел** 'язык'

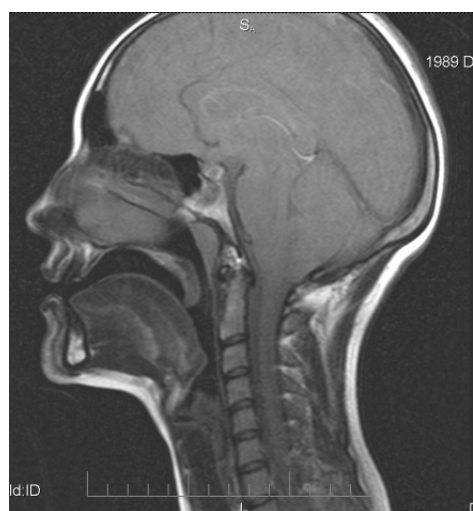

Рис. 8. Томограмма звука
 $\langle \varepsilon_{\text{Ф}} \rangle_{c/8/4} = {}^{1/5}\text{сд}; (78^4/9)^{1/9}$
 в словоформе **ощэ** = (лит. *әсегү*) 'киснуть'

4. Не поддается объяснению ни с точки зрения истории языка, ни с точки зрения позиционно-комбинаторного использования лабиализация гласного типа «э» в слове **эм** 'собака'; хотя подобные вещи ранее были зафиксированы в тюркских языках Сибири, но только для консонантных настроек [Селютина и др. 2012].

Подытоживая всё вышеизложенное, можно сказать, что в зависимости от позиционно-комбинаторных условий гласные типа «э» и «ө» северо-западного диалекта башкирского языка могут быть как **переднерядными сильноотодвинутыми** (после умереннопалатализованных и среднеязычных), так и **центральнозад-**

нерядными сильновыдвинутыми (в абсолютном начале слова и после слабопалатализованных согласных). Ранее на материале тюркских языков Южной Сибири И.Я. Селютиной было установлено, что «в южносибирских тюркских языках констатируется тенденция к *деполяризации характеристик гласных* по параметрам артикуляторного ряда. Функционально твердоярдные гласные реализуются, как правило, не в заднерядных, а в более передних – *центральнозадних* настройках. Вместе с тем, в подсистемах мягкорядного вокализма происходит обратный процесс передвижения гласных назад – процесс активного *вытеснения переднерядных гласных центральнозаднерядными* (реже – центральнорядными) настройками [Селютина 2000: 20].

Далее И.Я. Селютина делает вывод о том, что «вследствие *передвижения гласных* – прежде всего, мягкорядных – для ареала распространения тюркских языков Южной Сибири характерна низкая продуктивность переднерядных и заднерядных гласных при очень высокой частотности центральнозаднерядных настроек – как мягкорядных с точки зрения сингармонизма, так и твердоярдных. Вокальные настройки как бы сдвинуты к центру резонаторной полости – в зону реализации *центральнозаднерядных* артикуляций, нет контрастности в дифференциации гласных по ряду, отмечаемой в тюркских языках уйгуро-огузского типа, вокализм которых четко структурирован в соответствии с одной из основных его функций обслуживания потребностей сингармонизма по ряду (передний – задний), подъему (узкий – широкий), огублению (неогубленный – огубленный)» [Селютина 2000: 72–75].

Если посмотреть с этой точки зрения на северо-западный диалект башкирского языка, то мы увидим ту же тенденцию: вокальные настройки сдвинуты к центру резонаторной полости – в зону реализации *центральнозаднерядных* артикуляций. Переднерядные же артикуляции зафиксированы в постпозиции к умереннопалатализованным и среднеязычным согласным.

Интересно провести сравнительный анализ вокальных настроек типа «э» и «ө» северо-западного диалекта башкирского языка с похожими артикуляциями в языках сибирских тюрков.

В работе А.А. Шалдановой по вокализму онгудайского диалекта алтай-кижи представлена шкала артикуляторной рядности настроек гласных в южносибирских тюркских языках (Рис. 9) [Шалданова 2007: 238]. Если в нее подставить исследуемый диалект, то по особенностям реализации мягкорядных единиц он будет примыкать к группе «кумандинский, чалканский, сагайский».

Рис. 9. Шкала артикуляторной рядности настроек гласных в южносибирских тюркских языках.

По шкале подъема (Рис. 10), приведенной в той же работе [Шалданова 2007: 241], вокальные настройки северо-западного диалекта займут срединное положение на шкале закрытости-открытости артикуляторных настроек.

Рис. 10. Шкала закрытости-открытости артикуляторных настроек гласных в южносибирских тюркских языках.

Языки и диалекты

алт.лит.яз. – алтайский литературный язык;
 бачатско-телеутский – бачатско-телеутский, или телеутский язык;
 каа-хемский – каа-хемский говор тувинского языка;
 качинский – качинский диалект хакасского языка;
 кумандинский – кумандинский язык;
 онгудайский – онгудайский говор диалекта алтай-кижи алтайского литературного языка;
 сагайский – сагайский диалект хакасского языка;
 теленгитский – теленгитский диалект алтайского литературного языка;
 туба – туба диалект алтайского литературного языка;
 чалканский – чалканский язык.

Литература

- Наделяев 1980 – *Наделяев В.М.* Экспериментально-фонетическое рентгенографирование артикуляторных настроек гласных (методические заметки). Приложение к статье «Артикуляционная классификация гласных» // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980. С. 44–91. {*Nadelyayev V.M.* The experimental-phonetical roentgenography of articulatory settings of vowels. (Methodological notes.) Appendix to the article “The articulative classification of vowels” // The phonetical research on the languages of Siberia. Novosibirsk, 1980. P. 44–91.}
- Селютина 1998 – *Селютина И.Я.* Кумандинский вокализм. Новосибирск, 1998. С. 50–58. {*Selyutina I.Ya.* The vowel system of the Kumandin language. Novosibirsk, 1998. P. 50–58.}
- Селютина 2000 – *Селютина И.Я.* Фонетика языка кумандинцев как историко-лингвистический источник (экспериментально-фонетическое исследование): Автореф. дис. ... д. филол. наук. Якутск, 2000. {*Selyutina I.Ya.* The phonology of the language of Kumandin people as a historical and linguistic source (an experimental-phonetical research): An abstract of a Doctoral thesis. Yakutsk, 2000.}
- Селютина и др. 2012 – *Селютина И.Я., Уртегешев Н.С., Летагин А.Ю., Шевела А.И., Добринина А.А., Эсенбаева Г.А., Савелов А.А., Резакова М.В., Ганенко Ю.А.* Артикуляторные базы коренных тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии). Новоси-

- бирск, 2012. Серия: «Интергационные проекты». Вып. 41. {*Selyutina I.Ya., Urtegeshev N.S., Letyagin A.Yu., Shevela A.I., Dobrinina A.A., Esenbayeva G.A., Savelov A.A., Rezakova M.V., Ganenko Yu.A.* The articulatory settings of indigenous Turkic peoples of Southern Siberia (on the base of MRI – magnetic resonance imaging and digital roentgenography). Novosibirsk, 2012. Series: “Integration projects”. Edition 41.}
- Уртегешев 2007 – *Уртегешев Н.С.* Артикуляторные характеристики гласных: методика определения ступеней отстояния // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2007. С. 10–16. {*Urtegeshev N.S.* The articulatory settings of vowels: the method of defining of equidistance degrees // The human sciences in Siberia. Novosibirsk, 2007. P. 10–16.}
- Уртегешев 2013 – *Уртегешев Н.С.* Широкие мягкорядные гласные шорского языка (по соматическим данным) // Вопросы тюркологии. Вып. 9. Махачкала, 2013. С. 61–65. {*Urtegeshev N.S.* The flat front vowels in the Shor language (according to the somatic data) // The questions of turcology. Edition 9. Makhachkala, 2013. P. 61–65.}
- Шалданова 2007 – *Шалданова А.А.* Вокализм диалекта алтай-кижи в сопоставительном аспекте. Новосибирск, 2007. {*Shaldanova A.A.* The vowel system of the Altai-Kizhi dialect in the aspect of comparative linguistics. Novosibirsk, 2007.}

“Ө” and “е” sound types of the north-western dialect of the Bashkir language by the MRI data in the comparative aspect

Nikolay Urtegeshev

Novosibirsk

Summary: The article represents one of the works devoted to studying the phonetics of the Bashkir language by the somatic methods.

The vowels of the “e” and “ө” type of the North-Western dialect of the Bashkir language can have both strongly pushed backward front (after a moderately palatalized and palatal consonants) and greatly pushed forward central realizations (in the absolute beginning of a word and after weakly palatalized consonants). In the neutral position the vocal settings (articulatory features of the vowels) are shifted to the center of the resonant cavity into the area of formation of the central-back articulations similar to the Siberian Turkic languages.

Key words: Turkic languages of Southern Siberia, North-Western dialect of the Bashkir language, vocal system, somatic research methods, MRI

ОНОМАСТИКА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТОПОНИМА «ЧИМБАЙ» В КАРАКАЛПАКСТАНЕ

Г.М. Абишов

г. Нукус (Узбекистан)

Резюме: Чимбай – один из самых известных и старинных городов Каракалпакстана. Он отличается от других населенных пунктов республики своим природно-географическим расположением и богатым топонимическим материалом. В данной статье рассматривается происхождение топонима *Чимбай*, а также приводится информация историографического характера о Чимбайском районе.

Ключевые слова: этноним, топоним, Кердер, Шахтемир, Чимбай

Чимбай (на каракалпакском языке *Шымбай*) – один из древнейших городов Каракалпакстана с богатой историей. Он находится в северном районе республики, расположенном на берегу Кегейлийского канала на правом низовье Амударьи в передней дельте Аральского моря. В настоящее время Чимбай с севера-запада и с севера граничит с городом Муйнаком, с северо-востока и с востока – с городом Караузяком, с юго-востока, с юга и с юго-запада – с городом Кегейли.

Первые сведения о городе и о его истории встречаются в XVIII в., в письменных источниках востоковедов – с 1730 г., а в русскоязычных письменных источниках – с 1810 г. Самые ранние упоминания можно встретить в трудах русских ученых, которые побывали на территории этого района и интересовались историей, культурой, экономикой, этнографией, литературой и некоторыми топонимическими наименованиями проживавших здесь народов. Об этом писали русские послы Д. Гладышев и И. Муравин, посетившие этот край в 40-х годах XVIII в. Последующие данные о Чимбае встречаются в работах путешественников, исследователей, послов, историков и других людей, которые посетили эту местность в более позднее время.

В 1875 г. иранский принц, полковник гвардии и флигель-адъютант императора Риза-Кули Мирза в своем докладе сообщает, что подробную информацию об Амударьинском крае он собирал у местных жителей, и рассказывает о домах, жителях, социальном положении, языке, культуре, быте, одежде, еде, профессиях

Абишов Генжебай Матжанович – докторант базовой докторантуры Каракалпакского государственного университета им. Бердаха; e-mail: genjebaya@mail.ru

и торговле в городе. Он также отмечает, что основным населением являются ка-ракалпаки [Риза-Кули Мирза 1992: 92].

Каждый город имеет свою историю и определенные этапы своего развития, интерес к которым со стороны этнографов, археологов и историков вполне естественен.

Наименование *Чимбай*, по некоторым историческим источникам и архивным документам, а также согласно опросам местных жителей, произошло от *Чимбай* (*Шыныбай*) – имени человека, который был основателем этого населенного пункта. Об этом свидетельствует и информант У. Рахматуллаев, узнавший этот факт от чимбайского старожилы по имени Генжекул, который умер в 1946 г. в возрасте 100 лет. По рассказам этого старика, раньше на месте города была густая роща; он утверждал, что человек по имени *Шыныбай* действительно существовал и наименование города произошло от его имени.

Еще один важный источник, который дает подробную информацию об истории Чимбая, – это труды О. Пайзуллаева. В этих работах приведены данные о происхождении города, первоначальном экономическом и социальном положении его жителей, системе образования, живших здесь известных людях. Кроме того, он пишет, что о происхождении названия города он услышал от информанта К. Косыбаева, по словам которого, несмотря на то, что Чимбай был не таким крупным по сравнению с другими городами, здесь был большой рынок, и хронологически это относится к 1830 г. [Пайзуллаев 1993].

В годы независимости республики историк А.Р. Кудияров проводил специальные исследования и защитил диссертацию по истории Чимбайского района [Кудияров 2013]. В этой работе, а также в пособиях и в научных статьях по истории района Чимбай он написал об административном управлении города, внутренних и внешних торговых связях, хозяйственной жизни народа, культурном и духовном состоянии и образовательной системе Чимбая.

В лингвистических работах имеются разные точки зрения на происхождение топонима Чимбай.

В.А. Никонов отмечал, что *чимбай* – это наименование одного из тюркских народов, которые в XV–XVI вв. жили на этой территории, дальнейшая этимология слова неизвестна. Он же указывает, что, согласно другим источникам, этноним *Чимбай* восходит к тюркскому *чим* ‘камыш’, которое в ряде тюркских языков имеет значение ‘трава, растение’ [Никонов 1966: 470].

Знаменитый топонимист Е.М. Поспелов пишет, что *чимбай* – это название одного из узбекских родов [Поспелов 1998: 463]. Такое мнение встречается и в трудах другого известного ученого, изучавшего топонимы Узбекистана, С. Кораева. Автор утверждает, что слово *чимбай* происходило от названия узбекского родового племени, т.к. такие топонимы встречаются и в Ташкенте [Кораев 2005: 21]. Эта же точка зрения представлена и в работах З. Дусимова и Х. Эгамова. Они утверждают, что *чимбай* – это название одного из узбекских племен, в республике есть место в Самаркандской области, названное этим этно-топонимом [Дусимов, Эгамов 1977: 145].

Э.А. Бегматов приводит несколько значений слова *чимбай*: одно из значений слова происходит от слова *шым* ‘глина’; другой перевод – *крепкий* или *крепкий парень*; возможен также перевод ‘прегражденный, окруженный’, или же ‘маль-

чик из племени *чимбай*'. Есть также предположение, что *чимбай* переводится с узбекского как 'правый, честный, справедливый мальчик' [Бегматов 2016: 480].

По мнению О.Ж. Юсупова, название *чимбай*, *чинбай* происходит от названия 92-й племенной ветви узбеков и, возможно, восходит к тотему волка, потому что *чино* с монгольского переводится как 'волк' [Юсупов 1985: 62]. Во всех вышеизложенных трудах указано, что лексема *чимбай* встречается как название одного из племен узбеков.

Однако другой исследователь, Т. Канаатов, указывает, что *чимбай* – это название племени каракалпаков, потомки которого существуют и ныне, и называют себя каракалпаками «высшего класса». Он также указывал на то, что в районе Тамды Навоинской области есть колодец, который называется *Чимбаем*. Появлению этого наименования способствовали племена, входившие в состав кыпчакских племен, которые переселились сюда со стороны *Бескалы* (Каракалпакстана) [Канаатов 1993: 63].

Сведения о Чимбае мы встречаем и в трудах К. Кунназарова [Кунназаров 2016: 49]. Автор утверждает, что происхождение и развитие этого города тесно связано с памятниками *Куюккалы* (Сгоревший город), *Багдадкалы* (город Багдад), *Ахун бабы* (исламская святыня), *Сасык бия* (господин Сасык), *Ережеп тентека* (шаловливый Ережеп). Он отмечает, что здесь проживает народ, сохранивший свои традиции, обычаи и чистоту каракалпакского литературного языка. Кроме того, он раскрывает значения других топонимов этого района – *Арбаши аул* (село производителей телег), *Кокши аул* (село производителей зеленой краски), *Кумбышы аул* (село производителей жженных кирпичей) и *Кониши аул* (село производителей кожи). Как видно из примеров, все эти топонимы появились от названий видов деятельности проживавших здесь жителей.

Слово *Чимбай* в виде топонима встречается в Казахстане и в Таджикистане как название аула. В Ташкенте, Ферганской и Самаркандской областях Узбекистана, а также в районе Китаб в Кашкадарье есть места, которые также названы этим этнонимом. Так как название *Чимбай* встречается и на других территориях Средней Азии, то возможно, что места, населенные этими племенами, и получили их названия.

Происхождение названия современного города *Чимбая* в Каракалпакстане, может быть, также связано с названиями вышеупомянутых племен. Возможно, когда-то здесь жили выходцы из племени *Чимбай*. Однако в материалах, собранных по рассказам представителей народов, живших в этих местах, в трудах ученых, а также в источниках Чимбайского национального музея указано, что название города известно с начала XIX в. и связано с антропонимом.

В трудах известного исследователя топонимов К. Абдимуратова тоже приведены сведения о топониме *Чимбай* [Абдимуратов 1965: 60]. Он указывает на происхождение названия *Чимбай*, географическое расположение города, удобное для торговли, водные магистрали и пути, по которым проходили торговые караваны, и отмечает, что название топонима *Чимбай* исторически восходит к имени собственному.

Наименование *Чимбай* также можно встретить в работе известного ученого К. Айымбетова, изучавшего каракалпакское устное народное творчество [Айымбетов 1988: 258]. Резюмируя все собранные материалы о становлении и развитии

города в конце XIX – начале XX вв., он пишет: «До основания города здесь жил человек по имени *Чин-бай*. В зимние месяцы кочевые племена приходили сюда, чтобы продать скот, купить зерно и ремесленные товары. Поздней весной с наступлением лета Чимбайский базар закрывался и прекращал свою деятельность. Впоследствии базар начал функционировать постоянно, и *Чимбай* превратился в большой город».

В произведениях каракалпакского устного народного творчества существует множество легенд о происхождении города *Чимбай*, в которых также утверждается, что в основе этого названия лежит память о людях, которые первыми освоили эти территории. По преданиям, среди народа жил некий бедный человек по имени *Шыныбай (Чинибай)*, который, лишившись своей родины, поселился в этих местах, на левом берегу Кегейлинского канала, протекавшего через центр нынешнего города *Чимбая*. Кормился он, занимаясь рыболовством. Сделав водоподъемное колесо из ветвей деревьев вдоль Кегейлинского канала, он стал орошать и возделывать земли. Благодаря плодородной земле, удобным пастбищам для скотоводства и наличию озера, богатого рыбой, жизнь *Чинибая* стала лучше. Услышав об этом, народ стал переселяться сюда, постепенно объем населения стал увеличиваться. В связи с возрастанием численности населения, выросло и число ремесленников, строящих телеги и водоподъемные колеса, ювелиров, сапожников и пр. Благодаря тому, что в этом месте пересекаются Кегейлинский канал и сухопутный торговый путь, стала быстро развиваться торговля, постепенно увеличилось оседлое население и село разрослось до города. Название этого места произошло от имени его первого поселенца – человека, которого звали *Чинибай*.

Соответственно, топоним *Чимбай* связан с антропонимом *Чимбай (Чинибай)* – именем человека, который первым поселился на этой территории. Предположительное время появления этого названия приходится на конец XVIII – начало XIX вв.

Основываясь на различных сведениях о Чимбае, становление и развитие этого города можно разделить на три этапа:

1. По историческим и другим научным источникам VIII–XIII вв., а также по мнению большинства ученых, на месте нынешнего города Чимбая был расположен город-государство Кердер. Существовали такие известные центры государства Кердер, как *Төкқала* (Токкала), *Хайўан қала* (Хайуанкала) и *Күйікқала* (Куюккала).

Название *Кердер* происходит от наименования Кердерского владения, которое было расположено в окрестностях Арала в VIII–XIII вв. Впервые местонахождение города Кердер попытался определить С.П. Толстов, который первым из ученых предположил, что Кердер (*Курдер*) был расположен на месте нынешнего Чимбая. Позже Я.Г. Гулямов поддержал гипотезу о расположении Кердера на месте нынешнего города Чимбая [Андрианов 1958: 55]. В источниках Чимбайского национального музея имеется несколько вариантов названия города Кердер – *Курдар*, *Кардар*, *Кердар*. В них также указано, что *Кардар* – это город с плодородной пахотной землей, расположенный на месте нынешнего *Чимбая*, и название его произошло от имени человека, который его основал.

2. К XVII–XVIII вв. Чимбай был известен под названием *Шахтемир*. Письменные источники 1643 г. повествуют о том, что человек по имени Абулгази был

ханом аральских племен, центром поселения этого народа была крепость Шахтемир. В XVI–XVIII вв. по этому населенному пункту проходил торговый караванный путь под названием *Кесе жол* (Поперечная дорога), он улучшал торговлю между населенными пунктами *Қара терең* (Чёрная глубина) – *Тахтакөпир* (район Тахтакупир) – *Шойыншы ауыл* (аулом Шойыншы – аул занимающийся чугуном), *Айымбет ийшан* (ийшаном Айимбет), – *Торғай терек* (Высокое дерево) – *Бийик мешит* (Большая мечеть) – *Ахунбаба қойымылыгы* (кладбище Ахунбабы) – *Зайыр* (название местности) – *Арал теңизи* (Аральское море) через оседлые южные племена с северными казахскими степями и с Россией. В исторических сведениях и в трудах ученых приводятся данные о том, что на этой дороге был большой торговый центр *Шахтемир* [Камалов, Есбергенов, Мамбетуллаев 1986: 46]. В топографической карте, составленной поручиком Д. Гладышевым и геодезистом И. Муравиным изображено, что в 1740–1743 гг. на территории Каракалпакстана (на дороге, проходившей через Шахтемир в 1741 г.) вдоль озера Машать в местности *Араллылар ийелиги* (владение аральцев) в 53 метрах позади от Нукусской крепости расположен город Шахтемир. В докладе о своем прибытии в 1740 г. в Хиву Д. Гладышев сообщил, что в нижнем течении Амударьи был только город Шахтемир. Д. Гладышев и И. Муравин описали город Шахтемир так: «Дома в этом городе построены из глины, окружены рвом, имеют поблизости озеро, население пьет воду из колодца, в окрестностях города встречаются одиноко растущие камыши, расстояние между морем и городом составляет два дня» [Абдимуратов 1965: 63].

Доктор исторических наук Б.В. Андрианов указал, что в первой половине XVIII в. вторым торговым центром северного Хорезма (после Кунграда) был Шахтемир [Андрианов 1958: 55]. Он находился на побережье Кегейлинского канала в нынешнем Чимбайском районе. Торговые и политические связи между сырдарьинскими каракалпаками и казахами малого жуза осуществлялись через Шахтемир. Другой ученый, Т. Канаатов, писал, что «после смерти Шердалинского хана, в 20–30 гг. XVIII в. при поддержке хакимов-аральцев Адам бия, Бегмурат бия и Мухаммад Бахий бия четырнадцатилетний Шахтемир, потомок Мусахана из бухарских каракалпаков, стал ханом. Главным городом Аральского ханства был нынешний город *Чимбай* (прежний Шахтемир)» [Канаатов 1993: 63].

19–21 мая 1874 г. петербургский корреспондент Л.Н. Соболев напечатал сведения о Чимбае в газете «Русский инвалид» по материалам, которые он услышал от некоего Ережеп-бия во время пребывания в Чимбае. В них указывается, что на месте нынешнего Чимбая был город Шахтемир. Название города связано с именем Шахтемира, который построил этот город и управлял им 150 лет тому назад (т.е. около 1727–1728 гг.) [Кудияров, Раматуллаев 2013: 6]. В те времена в городе жили узбекские племена мангытов под предводительством человека по имени Артык Сердалы (?–1745). Спустя приблизительно 10–20 лет (около 1748–1758 гг.) основатель города Шахтемира был убит. Спустя ещё 50 лет после этого (1792–1793 гг.) жители города Шахтемир переселяются в Чигирь-Буги (на карте Чилпак, на каракалпакском языке *Шылтық*), и Шахтемир превращается в развалины. Позже некий богач по имени Чимбай, который жил на берегу Кегейлинского канала, пришел и восстановил его, после чего город стал называться именем этого человека. До этого здесь была лишь пустыня и кроме саксаула ничего не росло.

Окружавшие город стены были построены Ауезжаном Матемом в 1868 г. По словам киргиза Козы, который жил в Чимбае примерно в эти годы и работал начальником собирателей закята на базаре, здесь постоянно проживали около 50 семей [Усенов 2016: 60]. Таким образом, происхождение названия города связано с именем хана Шахтемира, правителя аральцев.

В 1976–1977 гг. при проведении археолого-этнографических работ по определению возраста города Чимбая группа исследователей из Института истории, языка и литературы имени Н. Давкараева на основе анализа найденных предметов, монет и осколков вазы подтвердила, что в XVII–XVIII вв. в этой местности находился город Шахтемир. В это время он был городом с развитой культурой, торговлей и ремеслом и находился в дельте Амударьи. Опираясь на эти данные, С. Камалов и другие исследователи приходят к заключению, что предшественником нынешнего города Чимбая мог быть город Шахтемир.

3. С. Камалов и другие исследователи утверждают, что основание города Чимбай относится к началу 1728 г., но его современное название начинает встречаться в литературе только в первом десятилетии XIX в. [Камалов, Есбергенов, Мамбетуллаев 1986: 46]. По сведениям Л.Н. Соболева, который побывал в Чимбае в 1847 г., название Чимбай появилось примерно в 1800-е гг. [Пайзуллаев 1993: 17]. Об этом можно узнать и из работы Б.В. Андрианова «Хорезмский оазис в первой половине XIX в.» [Андрианов 1958: 72], где Чимбай обозначен знаком на карте.

Таким образом, основываясь на фактах, изложенных в трудах различных ученых, привлекая данные народных преданий и легенд, а также сведения информантов пожилого возраста, можно утверждать, что появление самого города относится к началу XVIII в, а его современное название *Чимбай* впервые встречается в источниках в начале XIX в.

Литература

- Абдимуратов 1965 – *Абдимуратов К.* Почему так названо? Нөкис, 1965. {Abdimuratov, K. 1965. *Why it is called...? Nukus.*}
- Айымбетов 1988 – *Айымбетов Қ.* Халық даналығы. Нөкис, 1988. {Ayymbetov, Q. 1988. *The Wisdom of Folk.* Nukus. (In Karakalpak.)}
- Андрианов 1958 – *Андрианов Б.В.* Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме (XVIII–XIX вв.) // Материалы и исследования по этнографии каракалпаков. М., 1958. Т. III. {Andrianov, B.V. 1958. *The Ethnic Territory of Karakalpaks in the Northern Khwarazm (18th–19th centuries).* // Data and research on Karakalpak ethnography. Volume 3. Moscow.}
- Бегматов 2016 – *Бегматов Э.А.* Ўзбек исмлари изохи. Тошкент, 2016. {Begmatov, E.A. 2016. *The Meanings of Uzbek Names.* Tashkent. (In Uzbek.)}
- Дусимов, Эгамов 1977 – *Дүсимов З., Эгамов Х.* Жой номларининг қискача изоҳли луғати. Тошкент, 1977. {Dusimov, Z., Egamov, Kh. 1977. *A Concise Toponymic Dictionary.* Tashkent. (In Uzbek.)}
- Камалов, Есбергенов, Мамбетуллаев 1986 – *Камалов С.С., Есбергенов К., Мамбетуллаев М.* Основание и развитие города Чимбая // Вестник Каракалпакского филиала Академии Наук Республики Узбекистан, 1986. № 1. С. 46–50. {Kamalov, S.S., Yesbergenov, K., Mambetullayev, M. 1986. *The Foundation and Development of the City of Chimbay* // Bulletin of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of Uzbekistan. # 1. PP. 46–50.}
- Канаатов 1993 – *Канаатов Т.* Тауелибай тарийхынан там-тум сыр. Нөкис, 1993. {Kanaatov, T. 1993. *Mysteries of the Tauyelibay History.* Nukus. (In Karakalpak.)}

- Кораяев 2005 – *Кораяев С.* Ўзбекистон вилоятлари топонимлари. Тошкент, 2005. {Korayev, S. 2005. *The Toponyms of Viloyats (Regions) of Uzbekistan*. Toshkent. (In Uzbek.)}
- Кудияров, Раматуллаев 2013 – *Кудияров А.Р., Раматуллаев М.* Шымбай тарихи ҳаққинда. Нөкис, 2013. {Kudiyarov, Ramatullayev. 2013. *On Chimbay History*. Nukus. (In Karakalpak.)}
- Кунназаров 2016 – *Кунназаров К.* Қарақалпақстанның қала хәм районлары. Нөкис, 2016. {Kunnazarov, K. 2016. *Cities and Regions of Karakalpakstan*. Nukus. (In Karakalpak.)}
- Никонов 1966 – *Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966. {Nikonov, V.A. 1966. *A Concise Toponymic Dictionary*. Moscow.}
- Пайзуллаев 1993 – *Пайзуллаев О.* Шымбай изертлеўлер хәм аңызларда. Нөкис, 1993. {Payzullayev, O. 1993. *Chimbay in Scientific Research and Oral Folk Tradition*. Nukus. (In Karakalpak.)}
- Поспелов 1998 – *Поспелов Е.М.* Географические названия мира. Топонимический словарь. М., 1998. {Pospelov, Ye.M. 1998. *Geographic Names of the World. Toponymic Dictionary*. Moscow.}
- Риза-Кули Мирза 1992 – Риза-Кули Мирза. Ёмиўдәрья областының қысқаша баянламасы // «Ёмиўдәрья» журналы, 1992. № 2. Б. 92–103. {Riza-Kuli Mirza. 1992. *The Concise Report on Amu Darya Region*. // “Amu Darya” magazine. #2. PP. 92–102. (In Karakalpak.)}
- Усенов 2016 – *Усенов Е.* Мениң әййемги Қарақалпақстаным. Нөкис, 2016. {Usenov, Ye. 2016. *My Ancient Karakalpakstan*. Nukus. (In Karakalpak.)}
- Юсупов 1985 – *Юсупов О.Ж.* «Алпамыс» дэстанындағы антропонимлер хәм этнонимлер ҳаққинда жаңа ой-пикирлер // Ўзбекстан Республикасы Илимлер Академиясы Қарақалпақстан Бөлими Хабаршысы, 1985. № 1. Б. 56–63. {Yusupov, O.Zh. 1985. *A New Research on Anthroponyms and Ethnonyms of the “Alpamys” Epic Poem*. // Bulletin of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of Uzbekistan. #1. PP. 56–63. (In Karakalpak.)}

The Origins of Chimbay – Toponym in Karakalpakstan

Genzhebay Abishov

Nukus

Summary: Chimbay is one of the well-known as well as one of the most ancient cities of Karakalpakstan. It differs from other cities of the region by its natural and geographical arrangement and rich toponymic materials. This article deals with the Chimbay district toponym, and provides the information about the area related to the origins of the name *Chimbay*.

Key words: ethnonym, toponym, Kerder, Shakhtemir, Chimbay.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Я.К. ЗАНКИЕВ И А.М. ГИЛЯЗОВ. ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Х.Ч. Алишина
г. Тюмень (Россия)

Резюме: Огромное эпистолярное наследие великих татарских писателей Аяза Мирсаидовича Гилязова и Якуба Камалиевича Занкиева относится к малоизученному пласту истории татарской литературы. В письмах содержатся откровенные размышления о литературе, о людях, об истории; письма писателей отражают их мировоззрение, душевную боль за судьбы родного языка и татарского народа.

Ключевые слова: Аяз Гилязов, Якуб Занкиев, Сибирь, татарский язык, эпистолярный жанр, премия имени Тукая, сохранение и развитие родного языка и культуры, многонациональное государство.

Основоположнику литературы сибирских татар, знаменитому писателю Якубу Камалиевичу Занкиеву в этом году исполнился бы 101 год, классику современной татарской литературы Аязу Мирсаидовичу Гилязову – 90 лет. Их разделяли 11 лет разницы в возрасте, но объединяла любовь к татарскому народу, родному языку, стремление оставить духовное завещание, силой пера воспитать не только детей, но и внуков и правнуков настоящими людьми. Оба писателя верили, что потомки и соотечественники будут помнить и чтить их, что родной татарский народ будет жить в веках. «Я верю, что сыновья мои меня не забудут, я останусь в их крови и памяти, в определенных жизненных ситуациях они будут оглядываться на меня... Твой сын, мои сыновья понесут наши фамилии в XXI век!» – написал Аяз Гилязов писателю-прозаику Мухамету Магдиеву [Письма 2009: 128].

Аяз Мирсаидович был отцом троих сыновей, Якуб Камалиевич – отцом пятирех сыновей и двух дочерей. Супруги обоих писателей Гилязова Накия Игламовна и Занкиева Рашида Шарафулловна до пенсии преподавали в школе татарский язык и литературу. Отец Аяза Мирсаидовича был сельским учителем, преподавал математику и географию, химию и биологию, а Якуб Камалиевич – учителем физики и математики, завучем, директором сельской школы. Одним из

Алишина Ханиса Чавдатовна – доктор филологических наук, проф., академик АН РТ, директор Центра тюркологии Тюменского государственного университета; e-mail: kaf_tatarlit@utmn.ru

Якуб Камалиевич Занкиев

первых в педагогическом пространстве, охватывающем большую Тюменскую область с входящими в нее Ямалом и Югрой, Якуб Занкиев в 40 лет был награжден высоким званием «Заслуженный учитель школы РСФСР». Высшую награду профессионального признания «Народный писатель Республики Татарстан» Аяз Мирсаидович получил в 65 лет. Якуб Занкиев в 27 лет был награжден орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны I степени. Аяз Гилязов в 50 лет стал Заслуженным деятелем искусств РТ, в 57 лет – Заслуженным деятелем искусств РСФСР. Я.К. Занкиев в 85 лет стал Заслуженным гражданином Тобольска. Аяз Гилязов в 59 лет получил премию имени Максима Горького. Якуб Камалиевич в 78 лет стал членом Союза писателей РТ. Аяз Мирсаидович получил удостоверение члена Союза писателей СССР в 33 года. Оба писателя были удостоены самой престижной награды Татарстана – Премии имени Габдуллы Тукая. С полным правом можно утверждать, что А.М. Гилязов и Я.К. Занкиев – одни из лучших представителей татарского народа.

Своей дружбе с Якубом Занкиевым я обязана журналу «Казан утлары». Ни одного дня не учившаяся в татарской школе, родившаяся и выросшая в городе, я выписала журнал «Казан утлары». Первое открытие: в нем опубликовали дастан «Идегей» с предисловием Флоры Урманче; второе открытие: напечатали первую книгу романа «Иртеш таңнары» (Зори Иртыша). Как и сотни восхищенных читателей, я написала автору в Епанчино (Хужайлан) письмо, в котором спросила, будет ли роман переведен на русский язык.

Через несколько лет я приехала по приглашению на работу в Тобольский пединститут и первым делом направилась к Якубу Камалиевичу Занкиеву. Робко нажимаю кнопку звонка. Дверь открывается, и на пороге вижу улыбающегося и очень доброго человека в очках. Здравуемся, знакомимся. Якуб-абый такой радостный и по-отцовски заботливый. Приветливая и словоохотливая Рашида-апа

сразу начала хлопотать. Якуб-абый из другой комнаты вынес ворох бумаг, среди которых виднелся почтовый конверт. Это было мое письмо...

В Казани успешные писатели, снискавшие всенародную популярность, уважение, авторитет, мечтают о премии Тукая. Тяжелый путь предстоит пройти претенденту от момента представления документов в государственную комиссию при президенте РТ до получения диплома и нагрудного знака...

Аяз Мирсаидович Гилязов

Аяз Мирсаидович Гилязов, написавший к тому времени около десяти произведений, мечтал получить Тукаевскую премию именно за повесть «Три аршина земли», где непокоренный кулак возвращается на Родину и отказывается просить прощения у односельчан. Они разорили его и сделали скитальцем, а он всего лишь мечтал стать хлеборобом на родной земле... Когда Гилязов в очередной раз выставился с «Тремя аршинами земли» на премию Тукая, в правлении писателей ему сказали: «Аяз, да петухом ты можешь прокукарекать, но, если ты будешь продолжать упорствовать и толкать эту повесть, ты никогда не получишь премию». Аяз Гилязов вернулся домой и написал повесть «Этэч менгэн читэнгэ» («Взлетел петух на плетень»). После этого обкомовская цензура стала чесать затылок: как можно с таким нелитературным названием выставляться на премию? Однако талант и упорство победили: в 1983 г. Аяз Мирсаидович Гилязов был награжден Государственной премией РТ имени Габдуллы Тукая за повести «В пятницу вечером» и «Взлетел петух на плетень».

Занкиев Якуб-абый прославил татар Сибири на просторах всего Советского Союза и мы, благодарные читатели и земляки, стали думать о престижной награде для него. Мы делились радостью друг с другом: роман «Иртеш таңнары» шагает по планете! В правлении СП РТ тоже возникал вопрос о высокой награде: нельзя ли дать автору премию имени Г. Тукая? Но один из критиков заявил, что литературным редактором романа «Иртеш таңнары» является обладатель тукаевской премии Аяз Гилязов, а дважды премию не дают.

Я дружила с Якубом Камалиевичем с 1992 по 2003 г. Мое уважение и почтение к нашему первому писателю было настолько велико, что я решила в одиночку добиться для него премии Тукая, чего бы мне это ни стоило! В отделе наград губернаторского дома, где я завела речь об ордене Дружбы, спросили, какие награды у него есть. Имеет ордена Красной звезды, Отечественной войны I и II сте-

пени, 10 медалей, в 1957 г. получил звание Заслуженного учителя. Где он работает? Пенсионер, ветеран войны и труда...

Председатель Союза писателей Мухамадиев Ринат Сафиевич благосклонно отнесся к нашей просьбе. Удостоверение о приеме Я.К. Занкиева в Союз писателей РТ само стало наградой. Почетную грамоту Тюменской областной Думы и денежную премию Я.К. Занкиеву вручал директор Тобольского НХК и депутат Тюменской областной Думы Владимир Васильевич Юдин, приехав в летнюю резиденцию писателя в д. Хужайлан. На наше ходатайство о том, чтобы Я.К. Занкиеву присвоили звание почетного гражданина Тобольска, откликнулся бывший ректор Тобольского пединститута, депутат Госдумы РФ профессор Юрий Михайлович Конев. Так Якуб Камалиевич стал сначала почетным гражданином Загваздинского сельсовета Тобольского района, а потом – Заслуженным гражданином Тобольска.

Долог путь настоящего писателя к тукаевской премии. К счастью, в этот период учитель английского языка, к. п. н., доцент ТГПИ Нафиля Сайфуллина успела перевести роман «Иртеш таңнары» на русский язык; он вышел в Тюмени под названием «Зори Иртыша». А Якуб Камалиевич тем временем написал и в 1999 г. издал новое произведение «Ялкында өтелгән мэхэббэт» («Любовь, объятая пламенем»), литературным редактором которого стала к. ф. н., доцент ТГПИ Флера Сагитовна Сайфулина. Якуб-абый попросил меня перевести книгу на русский язык. Отказать столь глубоко уважаемому человеку было невозможно, хотя в эти годы я вела напряженнейшую работу, создавая свой «роман» под названием «Обучение студентов отделения татарского языка и литературы Тюменского государственного университета, защита докторской диссертации, открытие первой в Тюменской области аспирантуры по татарскому языку, создание диссертационного совета, первые защиты». Для вуза, факультета, кафедры все это было новым направлением.

Роман «Ялкында өтелгән мэхэббэт» был издан в Тюмени при поддержке редактора газеты «Янарыш» А.Г. Сагитова. Кстати, в 1994 г. в редакции «Янарыш» вышла книга рассказов для детей «Кайчыколак» («Остроушко») Я.К. Занкиева. Роман «Любовь, объятая пламенем» выдержал два издания – в 2001 и 2008 гг.

Победа окрыляет. Изучить правила представления на премию Тукая не составило труда. Требовалось, чтобы большой коллектив во главе с авторитетным руководителем выдвинул кандидатуру и выдал протокол, заверенный гербовой печатью. Тобольский пединститут проигнорировал просьбы о выдвижении кандидатуры писателя на Ученом совете ТГПИ. А ректор ТюмГУ профессор, академик РАО Г.Ф. Куцев не отказал, внял убедительному доводу: «Якуб Занкиев – почетный выпускник Тюменского учительского института. Он учился в этих стенах!»

Большое дело влечет за собой знакомство с большими людьми. Я познакомилась с председателем СП РТ, писателем, публицистом, редактором, лауреатом премии имени Тукая Ринатом Сафиевичем Мухамадиевым, общественными деятелями Зилей Рахимьяновной Валеевой, Фаридом Хайрулловичем Мухаметшиным.

В 2001 г., когда президентом Всемирного конгресса татар работал историк, общественно-политический деятель, участник переговорного процесса между Татарстаном и Россией в 1990–1994 гг., академик, профессор, доктор исторических наук, депутат Верховного Совета, Государственного Совета РТ Индус Риза-

кович Тагиров, в Татарстане проходило одно из многочисленных мероприятий, приуроченных к этому конгрессу. Приехав в Казань, записалась на прием к вице-премьеру, министру культуры З.Р. Валеевой, чтобы ходатайствовать о премии имени Габдуллы Тукая.

Валеева Зили Рахимьяновна, государственный деятель РТ и деятель культуры РФ, кандидат философских наук, сыграла ключевую роль. Она – самая влиятельная женщина-политик Татарстана, в течение 30 лет одна из ключевых фигур политической жизни. В настоящее время — директор ГБУ «Государственный историко-архитектурный и художественный Музей-заповедник “Казанский Кремль”», председатель республиканской общественной организации «Женщины Татарстана», председатель Комиссии РТ по делам ЮНЕСКО.

Всемирный конгресс татар пригласил меня на съезд знатных женщин России, трибуна которого пришлась очень кстати [Бадрутдинов 2002; 3]. В зале, где собралось около 500 женщин, прозвучала моя пламенная речь о Я.К. Занкиеве. Меня слушали очень внимательно, потому что я старалась говорить на татарском литературном языке, но с сибирским акцентом. И вот, когда кульминационным моментом стала моя эмоциональная фраза: «Неужели сибирский писатель не достоин премии Тукая?», спикер Госсовета Республики Татарстан Ф.Х. Мухаметшин тихо сказал: «Анлашылды» («Понятно»).

Таким образом, на каждом этапе мы встречали доброжелательных и умных людей. Я с честью прошла труднейший путь, добываясь премии Тукая для нашего классика, в начале которого находился Марат Якубович Занкиев, а на финише – Минтимер Шарипович Шаймиев. Жалею только об одном: мне не довелось встретиться и поговорить по душам с А.М. Гилязовым.

*Слева направо: Аяз Гилязов, Якуб Занкиев, Рашида Занкиева
Ксерокопия фото из музея Епанчинской школы*

В 2012 г. учительница татарского языка и литературы Акияровской средней школы Тюменского района, отличник просвещения РСФСР Люция Бадретдиновна Хабибуллина рассказала о многолетней переписке с Я.К. Занкиевым. Письма, которые она дала мне для перевода, характеризуют самый плодотворный этап в жизни писателя – с 1987 по 1997 г. Счастливая пора всенародного признания, читательской любви и уважения. В эти годы были опубликованы роман-диалогия «Иртеш таннары», его перевод на русский язык «Зори Иртыша», рассказы для детей «Кайчыколак» («Остроушко»). Помощь А.М. Гилязова во всем этом трудно переоценить.

В письме в Акияры 11 апреля 1988 г. Я.К. Занкиев просит учительницу: «...если будете писать в редакцию, скажите и об Аязе Гилязове». Сегодня мне приятно присоединиться к наказу аксакала, прозвучавшего 30 лет назад, и выполнить его.

«Раньше авторитет и роль учителя в селе были велики, – повествует Я.К. Занкиев в одном из писем. – После войны возникла мысль написать книгу об учителях, переплетая это с жизнью, историей, обычаями, предрассудками, этнографией моих земляков – коренных сибирских татар Прииртышья. Но у меня не было опыта писательской работы. Писал по интуиции. Когда эти мысли окончательно скрутили, захватили все мое существо, не давая покоя, к счастью, в наши края приехали писатели из Татарии Фатих Хусни, Шаукат Галеев, Аяз Гилязов. Они мне посоветовали довести это дело до конца. В то время еще молодой писатель Аяз Гилязов, не жалея дорогого времени, рецензировал мои рукописи, помог литературно обработать материал. В результате этого появился на свет роман-диалогия „Иртеш таннары“. Это первое художественное произведение из жизни сибирских татар Прииртышья. В конкурсе „Книга года“ за 1988 г. этот роман получил второе место среди множества книг, изданных в Татарстане. Я очень благодарен Аязу Гилязову за бескорыстную помощь».

Церемония вручения премии имени Г. Тукая.

В центре – Я.К. Занкиев, слева – глава Тобольска Е.М. Воробьев, справа – Х.Ч. Алишина

Излюбленным жанром Аяза Гилязова были повести, в которых он затрагивал острые проблемы современности. Одна за другой у него выходили произведения «Өч аршин жир» («Три аршина земли»), «Урталыкта» («Посередине»), «Язгы карваннар» («Весенние караваны»), «Этэч менгэн читэнгэ» («Взлетел петух на плетень») и другие. Произведения А.М. Гилязова отличаются удивительно ярким, мелодичным и естественным стилем письма.

Откликаясь на социальные проблемы, вставшие перед татарским народом в 1980-х, остро почувствовав утрату исторических корней в процессе урбанизации, Аяз Гилязов, а также его соратники на литературном поприще Мухаммет Магдеев, Вакиф Нуруллин, Рафаэль Тухватуллин, продолжили разрабатывать в своем творчестве деревенскую прозу.

В повести „Этэч менгэн читэнгэ“ Аяз Гилязов продолжает исследовать духовное состояние современной татарской деревни, подчеркивая своеобразие национальной психологии и с горечью осознавая, что корысть, зависть, жадность, погоня за материальными благами проникли в жизнь деревни и сознание ее жителей. Исследователи творчества маститого писателя подчеркивают, главным «прототипом в его произведениях был он сам, в судьбе положительных героев отражена и его судьба. Естественно, литературные герои – образы собирательные. Но все же большей частью он писал о своей судьбе» [Хабутдинова 2015: 32].

Тема сталинских лагерей также находила отражение в творчестве татарских писателей. Она раскрывается у Аяза Гилязова в произведении «Йәгез, бер дога» («Давайте помолимся»), а также в произведениях других писателей той эпохи: «Колымские рассказы» Ибрагима Салахова, «Обманчивый рассвет» Факиля Сафина и др. Талантливый прозаик имел звания и награды, но книга «Йәгез, бер дога» в силу объективных причин долго не выходила в свет, ее напечатали лишь в годы «перестройки» в 1991–1993 гг. Писатель, бывший узник ГУЛАГа, обо многом не мог говорить открыто, по его признанию: «...никогда не дышал свободно». А на русском языке роман-воспоминание, автобиографическое эссе, путевые заметки «Давайте помолимся!» («Йәгез, бер дога») вышел после смерти автора в 2017 г. Сейчас книга доступна массовому читателю в сети Интернет.

Творчество Аяза Мирсаидовича в последние годы получило не только российское, но и мировое звучание благодаря признанному специалисту, литературоведу и театральному критику, кандидату филологических наук, доценту КФУ Милеуше Мухаметзяновне Хабутдиновой. Молодая ученая буквально вдохнула жизнь в теорию татарской литературы. Ею проведено тщательное текстологическое изучение рукописного и печатного творчества А.М. Гилязова, установлена история бытования художественных текстов, созданных в 1950–1970 гг., систематизирована и уточнена библиография писателя. С большой любовью и знанием дела подготовлены и изданы три тома «Избранных сочинений» А.М. Гилязова, написаны великолепные вступительные статьи. Перу М.М. Хабутдиновой принадлежат научные труды, написанные на татарском, русском, английском, турецком языках. Изучая творчество прозаика и драматурга Гилязова, она делает одно научное открытие за другим, щедро делится знаниями с творческим сообществом, выводит нашего классика на мировую арену, обогащает представление о татарской литературе на российском, евразийском и европейском уровне. Благодаря ее высококвалифицированной и системной работе, интеллигенция Татар-

стана, семья Аяза Гилязова получила возможность общения с венгерским писателем и переводчиком Арпадом Галгоци. Достойным продолжением ее деятельности является международная научно-практическая конференция «Аяз Гилязов и его наследие в мировой и отечественной культуре», проведенная в этом году КФУ.

Как отмечает кандидат филологических наук М.М. Хабутдинова, «Аяз Гилязов создал картину быта татар второй половины XX в. На примерах своих героев он показал морально-нравственные и культурно-эстетические основы народа. Эти уроки должны быть усвоены и восприняты в новом тысячелетии».

Аяз Гилязов и Якуба Занкиева сближает огромная воспитательная сила их литературного творчества. Аяз Гилязов по своей натуре был отзывчивым, благородным человеком. Он дружил с такими писателями Татарстана, как Шаукатом Галеевым, Ильдаром Юзеевым, Гарифом Ахуновым, Шарифом Хусаиновым, Туфаном Миннуллиным, Мухамметом Магдиевым, живо интересовался проблемами татарских писателей из регионов России. Хорошо известно, как его положительная оценка могла окрылить начинающих литераторов. Житель Тобольска, наш великий земляк Якуб Занкиев был старше Аяза Гилязова на 11 лет, но считал его своим учителем, и, как благодарный ученик, при каждом удобном случае стремился выразить ему свою признательность. Это отчетливо читается в письмах, адресованных педагогам Хабибуллиным в с. Акияры Тюменского района Тюменской области.

«... вещь, которую задумал написать, десятки лет не давала мне покоя. Трижды ездил в Казань, консультировался в Союзе писателей. Произведение исполнил в трех вариантах. Дело сдвинулось с места только тогда, когда за него взялся видный писатель Аяз Гилязов. И он много сил потратил. Моя благодарность к нему безгранична. Таким образом, мы вместе обработали роман («Иртеш таңнары». – *Прим. Х.А.*). Сегодня завершаю третий вариант второй книги. Думаю, в таком виде издательство не примет. Когда прикоснутся руки опытных литераторов, книга станет лучше. Поскольку я не очень здоров, на большее, думаю, меня не хватит. Прошу Аяза стать соавтором. Работы еще достаточно много, надо привести в соответствие с литературными нормами. Если Аяз возьмется, он сделает быстро. Только вот здоровья бы ему побольше». (Я. Занкиев, 17 мая 1988 г.)

Аяз Мирсаидович Гилязов оказывал нашему выдающемуся земляку всемерную поддержку и помощь, использовал широкие творческие связи и возможности. Он был очень прозорлив и предвидел, что роман «Иртеш таңнары» будет переведен на русский язык и что когда-нибудь осуществится экранизация этого широкомасштабного эпического полотна. 6 декабря 1988 г. Якуб Занкиев писал в Акияры: «Первое письмо Люции Бадретдиновны с анализом произведения отправил для ознакомления своему литературному редактору писателю Аязу Гилязову. Он интересуется отзывами, сообщил о письме жительницы г. Ялта, которая написала: „По этому произведению необходимо снять кинофильм“. Мы ведь вместе с Аязом писали это произведение. И сейчас обмениваемся новостями. В 1989 г. в журнале „Казан утлары“ должна выйти его повесть „Яра“. Чтобы перевести „Иртеш таңнары“ на русский язык, он связался с сыном Мустая Карима Илгизом. Говорит, Илгиз – очень хороший переводчик, но занят работой по договору, пока не может дать положительный ответ».

Аяз Мирсаидович приезжал в Тюменскую область в феврале и августе 1966 г. С благодарностью я прочитала присланные мне тексты 20 писем того периода, перевела их на русский язык. Письма произвели на меня неизгладимое впечатление. Мне близки и понятны сомнения и душевные терзания Аяза Гилязова, которые он доверяет «равному» себе писателю М. Магдееву: «Ты никогда не был так одинок, как я. Ты всегда был в центре майдана, заполненного народом. Народ мой никогда не был у меня в друзьях. Я это давно знаю. И мучаюсь, зная это...» Аяз Гилязов открыл мне глаза на значение театра в культурной жизни татар. Поддержка театра, создание и сохранение библиотек, изучение татарского языка, подготовка национальных кадров – актуальные задачи для татар Тюменской области.

Самые тяжелые строки в письмах автора – о Салехарде. «Татары в Салехарде невежественны, живут бессмысленной жизнью, любят только есть и пить водку... Мне хотелось, увидев такое, бросить все и уйти куда глаза глядят! Никакой национальной гордости, человеческих качеств я у них не нашел. На рыбокомбинате работают рабы. Они не знают, что такое родной народ, родная культура, родная страна, родная земля. На самой грязной и черной работе работают татары. Самую дешевую работу выполняют татары. Я не увидел у них стремления к знаниям. Что я делаю здесь, среди них??? Кому я нужен?»

«Татары, забывшие родной язык, отказавшиеся от своей национальной принадлежности, тянут наш народ назад. Мне кажется, они не могут стать настоящими людьми. Рост нации определяется развитием ее духовного потенциала». «Я думаю о своем народе – татарах. И предаюсь унынию. Течение моих мыслей несется куда-то и, словно разбившееся зеркало, крошится на мелкие кусочки, и я вижу свой народ в отдельных осколках. В одном – лицо. В другом – уши, в третьем – подбородок и т.д.» Колыбель татарского народа – деревня. Численность татар сокращается, писал в те годы писатель. А что бы он сказал сейчас?

Знакомство с Якубом Камалиевичем Занкиевым и его семьей немного смягчило тягостное впечатление, полученное им от общения с татарами на севере. Занкиевы стали самыми «светлыми друзьями» казанского писателя.

Семья Я.К. Занкиева помнит и благодарит семью Гилязовых. Вот слова дочери писателя, Алсу Якубовны Шайповой, кандидата педагогических наук, доцента кафедры математики Тобольского пединститута: «Мама тепло отзывается о Гаяз-абые. Говорит, что если бы не он, папа не смог бы стать писателем, так как тонкостям писательской работы папа научился у него... Мама моя говорит, что Аяз-абый – счастливый семьянин, у него прекрасная жена. Они вырастили замечательных талантливых сыновей. Мои родители радовались успехам детей Аяз-абыя. Мама любит смотреть передачи по каналу татарскому телевидения о работах ученого-историка Искандара, хвалит постановки по пьесам Мансура, говорит, что младший сын стал врачом» (из электронного письма от 25 октября 2018 г).

Таким образом, народный писатель Татарстана Аяз Мирсаидович Гилязов был не только литературным редактором романа «Иртеш таңнары», но и преданным другом, наставником, соратником и единомышленником нашего именитого земляка. Пример литературного сотрудничества двух знаменитых личностей современной эпохи в целом свидетельствует о широте души, о доброте и благородстве А.М. Гилязова, о его целенаправленной поддержке и помощи в становлении региональной литературы сибирских татар.

Народная поговорка гласит: «Большое видится на расстоянии». Талантливый, скромный, благородный человек был Аяз Мирсаидович Гилязов. Считаю, что оба писателя – Якуб Занкиев и Аяз Гилязов – совершили гражданский подвиг. Они были и остаются яркими звездами на небосклоне современной татарской литературы. В целях увековечения их светлой памяти было бы справедливо поставить в Казани или Тобольске памятник, символизирующий дружбу двух великих граждан России, учредить литературную премию имени Аяза Гилязова и создать литературный фонд.

Литература

- Бадрутдинов 2002 – *Бадрутдинов Х.* Дәүләт Советында // Шәһри Казан. 2002. 8 марта. – С. 1. {*Badrutdinov, Kh.* 2002. In the State Soviet. // *Shahri Kazan.* 2002. May, 8th. P. 1.}
- Исмай – *Исмай Т.* Аяз Гилязов: сквозь призму ГУЛАГа // Казань. Интернет-журнал «Кара аккош». <http://karaakkosh.com/h31012018.html> {*Ismay, T.* *Ayaz Gilyazov: through the experience of the GULAG* // *Kazan.* Web-edition “Kara akkosh”}
- Письма 2009 – Письма Мухамету Магдееву. Опубликовала *Гилязова Н.И.* Перевод Ахата Мушинского, Ахата Сафиуллина // Казанский альманах, 2009. № 5. С. 118–130. {*Letters to Mukhamet Magdeyev.* Published by *Gilyazova, N.I.* Translated by *Akhat Mushinsky, and Akhat Safiullin* // *The Bulletin of Kazan,* 2009. #5. PP. 118–130.}
- Хабутдинова 2015 – *Хабутдинова М.М.* Новаторство А.М. Гилязова в повести «Посередин» (1969–1970) // Казанская наука. 2015. Казань, 2015. № 4. С. 145–148. {*Khabutdinova, M.M.* *Originality of A.M. Gilyazov in the novel “Poseredin” (1969–1970)* // *Kazan Science.* 2015. Kazan, 2015. #4. PP. 145–148.}

Работы и источники о А.М. Гилязове и Я.К. Занкиеве

- Алишина Х.Ч.* Луноликая красавица Сузге: лит.-крит. сб., посвящ. 80-летию видного обществ. деятеля, заслуж. учителя РФ, чл. Союза писателей РТ Я.К. Занкиева / Авт.-сост. *Алишина Х.Ч.* Тюмень, 1997. {*Alishina, Kh.Ch.* *Suzge, the Moon-Faced Beauty: the literary and critical compendium, devoted to the 80th anniversary of a well-known public figure, merited teacher of Russia, member of Tatarstan Union of Writers named after Ya.K. Zankiev.* / Author: *Alishina, Kh.Ch.* Tyumen, 1997.}
- Алишина Х.Ч.* На соискание премии имени Габдуллы Тукая. В поддержку кандидатуры Я.К. Занкиева // Татарские края. Казань. 29 марта 2002; Тобольская правда. Тобольск. 3 марта 2002; Тюменская правда сегодня. Тюмень. 3 апреля 2002; Советская Сибирь. Тобольск. 4 марта 2002; Тюменский эфир. Тюмень. 8 апреля 2002. {*Alishina, Kh.Ch.* *Theses to award the Gabdulla Tukey prize. In support of Ya.K. Zankiev's candidature.* // *Tatarskie kraja.* Kazan. March 29, 2002; *Tobol'skaya Pravda.* Tobol'sk. Mart 4, 2002; *Tyumenskaya Pravda segodnya.* Tyumen. April 3, 2002; *Soviet Siberia.* Tobol'sk. Mart 4, 2002; *Tyumenskiy efir.* Tyumen. April 8, 2002.}
- Алишина Х.Ч.* Гуманитарная культура педагога Якуба Камалиевича Занкиева // Занкиевские чтения. Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (Тобольск, 6–7 апреля 2007 г.). Тобольск, 2007. С. 7–13. {*Alishina, Kh.Ch.* *The Humanitarian Culture of Yakub Kamalievich Zankiev, the Schoolmaster* // *Zankiev Readings. The Data of All-Russian Scientific and Practical Conference.* (Tobol'sk, April 6–7, 2007). Tobol'sk, 2007. PP. 7–13.}
- Алишина Х.Ч.* Штрихи к биографии Якуба Занкиева: история создания романа «Иртеш таннарь» // Занкиевские чтения: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Тобольск, 2012. С. 8–13. {*Alishina, Kh.Ch.* *Some Deatails to Yakub Zankiev's Biography: on the History of Creation of the Novel “Sun- rises on the Irtysh River”* // *Zankiev Readings. The Data of All-Russian Scientific and Practical Conference.* Tobol'sk, 2012. PP. 8–13.}
- Алишина Х.Ч.* Письма в сибирское село Акияры // Татарский мир, 2013. № 2 (6349). С. 11. {*Alishina, Kh.Ch.* *Letters to the Siberian Village Akiyary* // *The Tatar World,* 2013. #2 (6349). P. 11.}

- Алишина Х.Ч. Сотрудничество двух писателей // Татарский мир, 2013. № 3 (6350). С. 5. {Alishina, Kh.Ch. The Collaboration of Two Writers // The Tatar World, 2013. #3 (6350). P. 5.}
- Алишина Х.Ч. Лауреат премии имени Габдуллы Тукая Якуб Занкиев // Тюрко-славянский диалог культур и цивилизаций: история и современность. Материалы межд. науч. конгресса, посвященного 40-летию КГУКИ. Казань, 9–10 ноября 2009 г. Казань, 2009. С. 15–20. {Alishina, Kh.Ch. *Yakub Zankiev, the Gabdulla Tukay Prize Laureate* // The Turco-Slavic Dialogue of Cultures and Civilizations: History and Modernity. The Data of an International Scientific Congress, devoted to the 40th anniversary of KGUKI. Kazan, November 9–10, 2009. Kazan, 2009. PP. 15–20.}
- Интервью с Туфаном Миннуллыным // Казанский альманах, 2009. № 5. С. 131–136. {An Interview with Tufan Minnullin // The Kazan Almanac, 2009. #5. PP. 131–136.}
- Хәбетдинова М.М. Татар сәхнәсендә – Аяз Гыйләжәв прозасы // Казан утлары, 2018. № 1. Б. 130–137. {Khabutdinova, M.M. *On the Tatar Stage – the Prose of Ayaz Gilyazov* // The Kazan Lights, 2018. #1. PP. 130–137. (In Tatar.)}
- Хабутдинова М.М. Венгерский след в жизни и творчестве А.М. Гилязова // Филологические науки в МГИМО, 2018. № 1. С. 104–112. {Khabutdinova, M.M. *The Hungarian Theme in the Works of Ayaz Gilyazov* // Philology at MGIMO Journal, 2018. #1. P. 104–112.}
- Хабутдинова М.М. Из предисловия к книге // Идель, 2018. № 3. С. 57–58. {Khabutdinova, M.M. *From Foreword of a Book* // Idel, 2018. #3. PP. 57–58.}
- Хәбетдинова М.М. Кереш сүз // Гыйләжәв А.М. Сайланма әсәрләр 6 т. Казан, 2016. Т. 6. Б. 7–18. {Khabutdinova, M.M. An Introduction // *Gilyazov A.M. Selected Works in 6 Volumes*. Kazan, 2016. V. 6. PP. 7–18. (In Tatar.)}
- Хабутдинова М.М. Его правда, его молитва. Гилязов А.М. Давайте помолимся! Казань, 2017. С. 480–491. {Khabutdinova, M.M. *His Truth, his Pray*. Gilyazov, A.M. *Let's Pray!* Kazan, 2017. PP. 480–491. (In Tatar.)}
- Хабутдинова М.М. Вместо послесловия // Гилязов А.М. При свете зарниц. Казань, 2017. С. 495–509. {Khabutdiova, M.M. *Instead of Afterword* // Gilyazov, A.M. *By the Light of Summer Lightnings*. Kazan, 2017. (In Tatar.)}
- Хәбетдинова М.М. Аяз Гыйләжәвнең 1973–1985 еллар ижатына гомуми күзәтү // Гыйләжәв А.М. Сайланма әсәрләр 6 т. Т. 4. Казан, 2015. {Khabutdinova, M.M. *The General Review of Ayaz Gilyazov's Works in the Period 1973–1985* // Gilyazov, A.M. *The Selected Works in 6 Volumes*. Volume 4. Kazan, 2015. (In Tatar.)}
- Хабутдинова М. Казань. Противостоять абсурду жизни // Страстной бульвар, 10. 2016, № 7. С. 187. {Khabutdinova, M. *Kazan. To Resist the Nonsense of Life* // *Strastnoy bul'var*, 10. 2016, #7. P. 187.}
- Хәбетдинова М. «Без бу жиргә юкка килмәгән!» // Казан утлары, 2016. № 10. Б. 94–101. {Khabutdinova, M. *"We haven't come to this land in vain!"* // The Lights of Kazan, 2016. #10. PP. 94–101. (In Tatar.)}
- Хабутдинова М.М. Его правда, его молитва // Аргамак, 2016. № 1 (24). С. 87–89. {Khabutdinova, M.M. *His Truth, his Pray* // *Argamak*, 2016. #1 (24). PP. 87–89.}
- Хәбетдинова М.М. Гыйләжәв Аяз Мирсәет улы // Габдулла Тукай. Энциклопедия. Казан, 2016. Б. 218–219. {Khabutdinova, M.M. *Gilyazov Ayaz Mirsayet uly* // *Gabdulla Tukay. Encyclopaedia*. Kazan, 2016. PP. 218–219. (In Tatar.)}
- Хәбетдинова М.М. Аяз Гыйләжәвнең 1986–1991 еллар ижатына гомуми күзәтү // Гыйләжәв А.М. Сайланма әсәрләр 6 т. Т. 5. Казан, 2016. С. 582–617. {Khabutdinova, M.M. *The General Review of Ayaz Gilyazov's Works in the Period 1986–1991* // Gilyazov, A.M. *The Selected Works in 6 Volumes*. Volume 5. Kazan, 2016. P. 582–617. (In Tatar.)}
- Хәбетдинова М.М. А. Гыйләжәвнең 1965–1972 еллар ижатына гомуми күзәтү // Гыйләжәв А.М. Сайланма әсәрләр 6 т. Т. 3. Казан, 2015. С. 611–664. {Khabutdinova, M.M. *The General Review of Ayaz Gilyazov's Works in the Period 1965–1972* // Gilyazov, A.M. *The Selected Works in 6 Volumes*. Volume 3. Kazan, 2015. PP. 611–664. (In Tatar.)}
- Хәбетдинова М.М. «Алар бит безне ташлап киттеләр...» // Казан утлары, 2015. № 5. Б. 103–112. {Khabutdinova M.M. *"So, they have left us..."* // The Lights of Kazan, 2015. #5. PP. 103–112.}
- Хабутдинова М.М. Новаторство А.М. Гилязова в повести «Посередин» (1969–1970) // Казанская наука. 2015. Казань, 2015. № 4. С. 145–148. {Khabutdinova, M.M. *Originality of A.M. Gilyazov in the novel "Poseredin" (1969–1970)* // *Kazan Science*. 2015. Kazan, 2015. #4. PP. 145–148.}

- Хәбәтдинова М.М.* А. Гыйләжәвның автобиографик әсәрләрендә жанр үзенчәлекләре // *Гыйләжәв А. Сайланма әсәрләр* 6 т. Т. 1. Казан, 2013. Б. 586–658. {Khabutdinova, M.M. *The Features of Genre in A. Gilyazov's Autobiographic Works* // Gilyazov, A. *The Selected Works in 6 Volumes. Volume 1. Kazan, 2013. PP. 586–658. (In Tatar.)*}
- Хабутдинова М.М.* Сценическая история трагедии А.М. Гилязова «Три аршина земли» (на примере одноименных спектаклей реж. Ф. Ибрагимов, М. Салимзянова) // *Филология и культура*. 2014. №1 (35). С. 215–222. {Khabutdinova, M.M. *The Scenic History of A.M. Gilyazov's Tragedy "Three Arshins of Land" (describing examples of the plays of the same name given by the directors F. Ibragimov and M. Salimzyanov)* // *Philology and Culture*, 2014. #1 (35). PP. 215–222.}
- Nasyrova A.M., Khabutdinov A.J., Khabutdinova M.M.* The role of prayer discourse for karaganda concentration camp image creation in the works of Tatar writer Ayaz Gilyazov and the Kazakh poet Halim Zhaylybay // *Astra Salvensis*, 2017. Vol. 5. Iss. 10. P. 201–207.
- Habutdinova M.* Ayaz Ğıylecev'in eserlerinde Tukay // «Кардәш Каләмләр» журналы, 2016. № 112. Б. 68–70. {Khabutdinova, M. *Tukay in the Works of Ayaz Gilyazov* // *KARDEŞ KALEMLER Journal*, 2016. #112. PP. 68–70.}
- Habutdinova M.M.* Ayaz Ğıylecev'in Hatıratında Aytmatov ve Eserleri Hakkında Değerlendirme // *KARDEŞ KALEMLER Aylık Avrasya Edebiyat Dergisi* 2014. № 85. Б. 70–75. {Khabutdinova, M.M. *The Overview of Importance of Aytmatov's Works in Tatar Writer Ayaz Gilyazov's Works* // *KARDEŞ KALEMLER Monthly Eurasian Literature Journal* 2014. #85. PP. 70–75.}

Ya.K. Zankiev and A.M. Gilyazov: the Epistolary Monuments of Life and Work

Khanisa Alishina

Tyumen

Summary: The epistolary heritage of the great Tatar writers Ayaz Mirsaidovich Gilyazov and Yakub Kamalievich Zankiev refers to a little studied aspect of the history of Tatar literature. There are frank thoughts about literature, people and history in these letters. Letters of the writers show their worldview, heartache for the fate of the native language and the Tatar people.

Key words: Ayaz Gilyazov, Yakub Zankiev, Siberia, Tatar language, epistolary heritage, Tukay Prize, preserving and developing the native language and culture, multi-ethnic state.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ВЫРАЖЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ ПОСРЕДСТВОМ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. ЮСУПОВА

Г.А. Алламбергенова
г. Нукус (Узбекистан)

Резюме: Данная статья посвящена анализу фразеологических единиц, выражающих различные психологические состояния в произведениях И. Юсупова. Эти единицы весьма многочисленны и описывают внутреннюю эмоциональную жизнь героев. С их помощью автор передает глубокий смысл произведения, точно донося задуманную мысль до читателя. Изучение подобных фразеологических единиц в произведениях народного поэта помогает выявить особенности каракалпакской культуры и языка.

Ключевые слова: фразеологизм, психологический, устойчивый, стилистический, язык, семантика, лексика.

Фразеологические единицы оживляют любой язык, придают ему иносказательность, украшают произведения художественной литературы. В каракалпакском литературном языке фразеологические единицы также занимают особое место, очень часто по отношению к ним используют определение «сливки языка».

Стилистическая окраска фразеологизмов, их экспрессивные возможности значительно шире по сравнению с отдельно взятыми словами. Благодаря этому свойству фразеологизмы придают особый стилистический оттенок сказанному.

Язык художественной литературы обладает широкими возможностями. Чаще всего эти возможности направлены на то, чтобы использовать богатство языка при построении художественных образов и для эмоционального воздействия на читателя. Стилистическое богатство художественной литературы, его разнообразие возникло и оформилось в народном языке, и именно народный язык явился тем средством, с помощью которого произошло обогащение языка письменной литературы.

В художественной литературе фразеологические словосочетания выполняют различные функции. С помощью фразеологизмов можно в красках изобразить виды природы, наиболее емко отразить изменения, происходящие в окружающем

Алламбергенова Гулжахан Айтбаевна – докторант базовой докторантуры Каракалпакского государственного университета им. Бердаха. Каракалпакстан (Узбекистан); e-mail: sapphire71@mail.ru

мире, обществе. Кроме того, они участвуют в передаче идеи произведения, в построении образов, в обрисовке характера героев.

Мастера художественного слова в своих произведениях широко используют фразеологические единицы для передачи эстетического переживания, обеспечения экспрессивного воздействия, соответствующего содержанию произведения. С целью образного, смыслового воздействия на читателя в произведениях широко применяются элементы устной речи – в этом состоит лексико-стилистическая особенность художественной литературы.

В трудах таких авторов, как А.И. Ефимов [Ефимов 1954], Х. Кожаметова [Кожаметова 1972], Б. Юлдашов [Юлдашов 1999] были показаны особенности использования фразеологизмов в художественных произведениях. В работе Б. Юлдашева отмечена особая роль фразеологизмов в передаче психологического состояния героя, прорисовке его портрета, черт характера. Данная проблема затрагивалась и в каракалпакском языкознании. Она получила освещение в работах Е. Бердимуратова [Бердимуратов 1994], Г. Айназаровой [Айназарова 2015], Б. Юсуповой [Юсупова 2014; 2016] и др.

В частности, Г. Айназаровой дана следующая классификация двухкомпонентных фразеологизмов каракалпакского языка: фразеологизмы, характеризующие человеческие качества, и фразеологизмы, иллюстрирующие действия человека [Айназарова 2015: 37]. А. Пирниязова, которая также занималась изучением данной проблемы, подразделила фразеологизмы на следующие виды: 1) фразеологизмы, выражающие радость, счастье; 2) фразеологизмы, выражающие удивление, растерянность; 3) фразеологизмы, выражающие мучение, печаль, обиду; 4) фразеологизмы, выражающие испуг [Пирниязова 2011: 63–64].

Богатство народного языка, его красота с особым мастерством показаны в произведениях народного поэта Узбекистана и Каракалпакстана И. Юсупова. В совершенстве владея красочным народным языком, поэт широко использовал его в своих произведениях.

Ибрагим Юсупов – один из ярких представителей каракалпакской поэзии XX века. Родился он в 1929 г. в Чимбайском районе Республики Каракалпакстан. Уже в середине 1940-х гг. вышли в свет его ранние произведения. С первых шагов поэта на этом поприще его главной мечтой стало «изображение с помощью поэзии красоты своего народа; желание зажечь его счастливую звезду ярче других в мире» [Пахратдинов и др. 2011: 508].

Начиная с 1946 г., с момента публикации первого сборника «Ўатаным» («Родина»), за более чем 60-летний период времени увидело свет большое количество произведений И. Юсупова: поэмы, пьесы, рассказы, очерки, критические и публицистические статьи, получившие большое признание у широкого круга читателей. Эти произведения, по оценкам исследователей его творчества, позволили ему «стать одной из ярчайших звезд на литературном небосклоне не только побережья Амударьи, но и всей Центральной Азии» [Пахратдинов и др. 2011: 509].

Произведения поэта переведены на многие языки, в частности узбекский, казахский, киргизский, русский, украинский, белорусский, грузинский, латышский и др. И. Юсупов известен и как талантливый переводчик. Его перу принадлежат переводы на каракалпакский язык произведений мировой классики: А.С. Пушкина,

М.Ю. Лермонтова, Т.Г. Шевченко, О. Хайяма, А. Навои, Хафиза, У. Шекспира, Байрона, Шиллера, Гёте.

Данная статья посвящена анализу фразеологических единиц, выражающих различные психологические состояния в произведениях И. Юсупова.

В каракалпакском языке фразеологизмы используют как для передачи красоты, к примеру девичьей: *ай десе аўзы бар, кун десе көзи бар* букв. 'назвать бы месяцем, да рот имеет, назвать бы солнцем, да глаза есть', *қаслары кәман, кирпичи оқ* букв. 'брови словно лук, ресницы словно стрелы', так и для передачи силы, мощи, отваги мужчин-богатырей: *арысландай айбатлы, қобландай гайратлы* букв. 'грозный как лев, смелый, как Коблан', *дәу жүрек* букв. 'богатырское сердце', *ер жүрек* букв. 'храброе сердце'. Существуют фразеологизмы, используемые для описания преклонного возраста и соответствующих ему жизненного опыта и немощности человека, например, *көпті көрген* букв. 'повидавший многое', *жасы жетиу* букв. 'годы подошли', *бир аяғы гәрде, бир аяғы жерде*, букв. 'одной ногой в могиле, одной ногой на земле', *жасарын жасап, асарын асап* букв. 'прожив отведенное, испробовав положенное'.

Поэт в своих произведениях широко использует возможности фразеологизмов для передачи психологических состояний героя: огорчения, радости, чувства страха, – мыслей героя, а также для раскрытия его духовного мира. Например:

<i>Көргенлер жағасын услар, тоба деп, Көрмегенлер ертек сөз деп сенбеген</i>	Видевшие изумлялись: «О Господи, Кто не видел, называли выдумкой «Өмиризация жулдызы» («Утраченная звезда»)
<i>Мириўбеттиң нурын қуйып жанларға, Жүрек шәўқилдесип, қуғантып елди.</i>	Наполнив души светом милосердия, Сердца переполняет, радуя страну. «Беглигинди бузба сен» («Не теряй достоинства»)
<i>Сары уўайымның сарсығын, Айдап шығар кеўил ханамнан.</i>	Опухоль безутешного горя Изгони из души моей. «Дәўир самаллары» («Ветры эпохи»)
<i>Хәр адым атқанда дизе қалтырап, Жүрекке ас батпас, уйқымыз жайсыз.</i>	Шаг каждый отдается дрожью, Потерян сон, а пища в горло не идет.
<i>Ықтыяры кеткендей-ақ өзинен, Отырды ол қаны қашып жүзинен.</i>	Будто воля вдруг покинула его, Опустился наземь, сильно побледнев. «Плаха излеп» («В поисках плахи»)

В приведенных выше примерах смысл, который несут данные фразеологические словосочетания, трудно передать обычными словами. Стилистическая окраска данных фразеологизмов, в отличие от нейтральных в стилистическом отношении слов, имеет более мощное воздействие.

Примеры, как мы видим, демонстрируют нам различные психологические состояния человека: *жағасын услар, тоба деп* – удивление, *жүрек шәўқилдесип* – радость, *сары уўайым, жүрекке ас батпас* – мучение, печаль, *қаны қашып жүзинен* – страх.

Как отмечала казахская исследовательница Х. Кожаметова, «производные фразеологизмы, отобранные из наиболее подходящих вариантов, используются

со всей полнотой в соответствии с эстетической мыслью, общественно-политическими и философскими взглядами» [Кожухметова 1972: 54]. Это высказывание в полной мере применимо к творениям И. Юсупова. Для наиболее полной иллюстрации эстетической идеи произведения, повышения его художественной значимости поэт в своих произведениях широко использовал образные возможности, что дало нам право говорить о его высоком мастерстве.

С большим изяществом И. Юсупов в своих произведениях использовал фразеологизмы, выражающие отрицательные душевные качества героя: спесь, высокомерное отношение к другим людям. Например:

*Жұлдыз излеп ай қасынан,
Май басыпты көзимизди.* В поисках недосягаемого
Задрали носы.
«Бул жер еле зор болады» («Эта земля еще расцветет»)

*Көп жегенлер талтаңлайды,
Көзине май питеди екен.* Те, кто пресыщен, возноситься начинают
И свысока глядят на мир.
«Пара» («Взятка»)

*Нәпсимиз ашылып кеңнен,
Пейлимиз дым тарайыпты.* Распахнулась широко жадность,
Скупость наша.

*Тойып секирип соң бирақ та,
Хәдден асып кетсек керек.* Видно, пресытившись сполна,
Мы перешли невзначай все границы.
«Бул жер еле зор болады» («Эта земля еще расцветет»)

*Ағасына арқа сүйеп өскенлер,
Ониша мисе тутпай қарады саған.* Кто привык полагаться на другого,
Со снисхождением смотрит на тебя.
«Қайта қурыұдың балларына» («Детям перестройки»)

В приведенных выше примерах фразеологизмы передают такие качества, как гордость, зазнайство, высокомерие. В первом примере *көзін май басыу* изменен порядок слов, в предпоследнем же примере фразеологизм *пейли тарайу* использован для передачи таких черт, как зависть, жадность. Вкрапление в состав данного фразеологизма слова *дым* (букв. 'очень') способствовало приданию ему большей остроты. Поэт с особой осторожностью и даже изяществом внедрил в поэтические строки фразеологизмы *тойып секиру*, *арқа сүйеу*, *мисе тутпау*.

Мастер художественного слова для конкретной и в то же время точной обрисовки психологического состояния героя, его духовного мира старается использовать наиболее подходящие фразеологизмы [Кожухметова 1972: 58]. И. Юсупов в своих произведениях также весьма умело использовал фразеологизмы с целью изображения наивности, правдивых помыслов, трудолюбия героя, а также для раскрытия его характера.

*Бар билгени аузында,
Саудырақ қарақалпағым.* Все наружу у тебя,
С открытой душой, каракалпак.
«Беглигинди бузба сен» («Не теряй достоинства»)

*Дослық десе жұлдыз тауып алғандай,
Халқымның ақ көкірегін сүйемен.* Готов на все при слове «дружба»,
За эту искренность люблю тебя, народ мой.

*Ал енди оның кең жазийра даладай,
Азаматлық кең пейилін сүйемен.*

«Қарақалпақты көп мақтама көзинше» («Не хвали сильно каракалпака»)

Особая роль фразеологизмам отводится в стихотворениях при описании жизни каракалпакских женщин, их ежедневных семейных забот, в раскрытии их трудолюбия. Профессор Е. Бердимуратов высказал следующее мнение: «Мы видим, что большинство групп словосочетаний в каракалпакском языке образованы в результате видоизменения предметов, имеющих известное значение в жизни человека» [Бердимуратов 1994: 136–137]. Именно этот прием использован И. Юсуповым в изображении каракалпакских женщин. В каждой строке стихотворения «Анемия» с помощью фразеологизмов поэт иллюстрирует тяжелую, полную хлопот жизнь молодой женщины, вызывающую у читателя чувство жалости к ней. Например:

*Енди және аұырласқан аяғың,
Жүзлериңде қан жоқ, азып қалыпсаң,
Бір жасар нәрестең қолыңда тағы
Жол бойында дилгир болып тұрыпсаң.
Жоқ енди турмыстан сен опық жесдиң
Түриң жин сорыгандай, жүзде жоқ қан.
Тәниңнен ет қашқан, диңке жоқ дизде,
Көз алдың булдырап, айланар басың.
Өзиң анемия, балаң гепатит*

Деп түйрейди базда аишы тил менен

Опять на сносях,
Исхудавшая, с бледным лицом,
С ребенком малым на руках
Стоишь ты в ожиданье на дороге.
Мученья в жизни лишь ты испытала
Ослабла и осунулась лицом.
Худое тело, в котором лишь усталость,
В изнеможенье, кругом голова.
«Сама анемична, ребенок

болен гепатитом», –

В лицо бросают, словно уколов тебя.

«Анемия» («Анемия»)

Поэт передает состояние молодой женщины, вызывающее жалость к ней, не отдельными словами, а фразеологическими словосочетаниями с высокой степенью воздействия, имеющими глубокий смысл. Образ женщины, испытывающей проблемы со здоровьем, усугубленного разразившимся в регионе экологическим кризисом, поэт передает с помощью фразеологизмов *тәниңнен ет қашыу* – худоба, *дизде диңке жоқ* – усталость, *көз алды булдырау* – головокружение, *басы айланыу* – изнеможение, *түриң жин сорыгандай* – слабость, *турмыстан опық жеу* – мучение, *дилгир болыу* – ожидание. С помощью фразеологизма *аишы тил* переданы прямые и резкие слова, сказанные женщине врачом. Здесь поэт благодаря использованию фразеологизмов, их поэтической образности обогащает язык, повышает его художественность, показывает свое стилистическое мастерство.

Для раскрытия психологического состояния героя И. Юсупов использует фразеологизмы, свойственные устной речи:

*Домбықты үйдиңиз-ау дизеге шекем,
Оған қандай пәлек көгерер екен.
Әдепсиз Арыұхан нәмәхрәм қатын,
Журтқа тийер сениң көп кесапатың.
Ал, әкеси отыр былиш етпей бунда,*

Навалили землю по колени,
Что взрастет на месте том.
Безнравственная Арухан, неверная жена,
Немало принесешь вреда ты людям.
Отец твой здесь взирает,
равнодушный ко всему,

<i>Көрмедим буныңдай арсыз әкени.</i>	Не встречал бесстыднее отца.
<i>Болды, хәй саллақы, өш аўзыңды жап</i>	Эй, довольно, бездельница, угомонись уже
<i>Хәй шақына сәлле ораган ешики,</i>	Как коза, намотавшая на рога тюрбан,
<i>Жалтырат өкшеңди, қуўың бул нести.</i>	Уходи отсюда, прочь гоните эту «проказу».
	«Актрисаның ығбалы» («Успех актрисы»)
<i>Аўзына келгенин сырттан сандалап,</i>	За глаза говорят всякое,
<i>Көзимше «қосығың - қатқан» деседи.</i>	А в лицо врут нахваливая. «Бурмалаўшыға» (Искажателю)

В приведенных примерах фразеологизмы *домбықты үйиў, кесепаты тийиў, бети были етпеў, аўзын жабыў, жалтырат өкшеңди* присущи в основном устной речи. Они использованы для раскрытия характера героя, усиления презрения читателя к отрицательному персонажу.

Таким образом, фразеологизмы, которые использует поэт в своих произведениях, не просто являются изящно построенными словосочетаниями, но и служат в первую очередь для полноценного раскрытия богатства языка художественного произведения. Употребление образных словосочетаний придает произведению глубокий смысл, точно донося задуманную автором мысль до читателя. И. Юсупов с особым мастерством и присущим только ему узнаваемым стилем использовал фразеологию для передачи психологических состояний своих литературных героев.

Литература

- Айназарова 2015 – *Айназарова Г.* Қарақалпақ тилинде теңлес еки компонентли фразеологизмдердин лексика-семантикалық хәм стильлик өзгешеликтери. Нөкис, 2015. {Aynazarova, G. 2015. *The Lexical, Semantic and Stylistic Characteristics of So-Called Equal Phraseological Units of the Karakalpak Language.* Nukus. (In Karakalpak.)}
- Бердимуратов 1994 – *Бердимуратов Е.* Хәзирги қарақалпақ тили. Лексикология. Нөкис, 1994. {Berdimuratov, Ye. 1994. *The Modern Karakalpak Language. Lexicology.* Nukus. (In Karakalpak.)}
- Ефимов 1954 – *Ефимов А.И.* О языке художественных произведений. М., 1954. {Yefimov, A.I. 1954. *On the Belles-Lettres Language.* Moscow.}
- Йўлдашов – *Йўлдашов Б.* Фразеологик услубият асослари. Самарқанд, 1999. {Yo'ldashov, B. 1999. *The Basics of the Phraseological Stylistics.* Samarkand. (In Uzbek.)}
- Қожахметова 1972 – *Қожахметова Х.* Фразеологизмдердің көркем әдебиетте қолданылуы. Алматы, 1972. {Kozhakhmetova, Kh. 1972. *The Usage of the Phraseological Units in Belles-Lettres.* Almaty. (In Kazakh.)}
- Пахратдинов, Алламбергенов, Бекбергенова 2011 – *Пахратдинов Ә., Алламбергенов К., Бекбергенова М.* XX әсир қарақалпақ әдебияты тарихы. Нөкис, 2011. {Pakhratdinov, A., Allambergenov, K., Bekbergenova, M. 2011. *The History of Karakalpal Literature of the 20th Century.* Nukus. (In Karakalpak.)}
- Пирниязова 2011 – *Пирниязова А.* Қарақалпақ тили фразеологизмдеринин семантикалық өзгешеликтери // Қарақалпақ тили фразеологиясынын актуаль мәселелери. Нөкис, 2011. С. 60–67. {Pirniyazova, A. 2011. *The Features of Phraseological Units of the Karakalpak Language. // Actual Questions on Phraseology of the Karakalpak Language.* PP. 60–67. Nukus. (In Karakalpak.)}
- Юсупова 2014 – *Юсупова Б.* Қарақалпақ тилинин фразеологиясы. Ташкент, 2014. {Yusupova, B. 2014. *Phraseology of the Karakalpak Language.* Tashkent. (In Karakalpak.)}
- Юсупова 2016 – *Юсупова Б.* Қарақалпақ тилинен айырым изертлеўлер. Ташкент, 2016. {Yusupova, B. *Special Research on the Karakalpak Language.* Tashkent. (In Karakalpak.)}

Expression of psychological states through phraseological units in the works of I. Yusupov

Guljaghan Allambergenova

Nukus

Summary: Phraseological units that express emotional conditions of a person in Yusupov's works are numerous and they characterize the manifestations of the inner emotional life of the heroes of his works. The phraseological units in Yusupov's works are not only elegantly constructed phrases, but they also serve to show the richness of the Karakalpak language. With the help of a small number of words, they convey a deep meaning, delivering exactly conceived thought of the author to the reader. The study of such phraseological units, that can be found in the works of the national poet helps to identify the peculiarities of the Karakalpak culture, to reveal its distinctive features.

Key words: phraseologism, psychological, sustainable, stylistics, semantic, language, lexis.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ ТРАГЕДИИ «ГАМЛЕТ» НА УЗБЕКСКИЙ ЯЗЫК

Ж.И. Мизрабова

г. Бухара (Республика Узбекистан)

Резюме: Произведения Шекспира являются классикой мировой литературы и имеют множество переводов. Статья посвящена изучению переводов трагедии «Гамлет» на узбекский и русский языки. Автором проведен сравнительно-сопоставительный анализ особенностей передачи отдельных стилистических приемов трагедии, рассматриваются лексика и синтаксис оригинала и переводов. Анализируются изобразительно-выразительные средства переводов Уильяма Шекспира на русский и узбекский языки. Автор проводит подробный лингвистический анализ языка трагедии Уильяма Шекспира, а также сравнивает между собой переводы Бориса Пастернака, Джамала Камала и Максуда Шейхзаде, отмечая мастерство каждого из переводчиков.

Ключевые слова: особенности перевода, фразеология, переводы трагедии «Гамлет», фразеологические единицы, аналогия, образ, лексика, художественный перевод.

1. Введение

В мировом литературоведении XXI век именуется веком литературного перевода. К этому времени и узбекское переводоведение достигло многого. Глубоко осознавая важность такой работы, узбекские литераторы постоянно знакомятся с достижениями литератур других народов, с произведениями мировой классики и все наиболее значительное, идейно-поэтически ценное переводят на свой родной язык. Переводная литература стала неотъемлемой частью национального духовного богатства узбекского народа, она активно и положительно воздействует на разум и сердца читателей. Перевод позволяет сделать еще более плодотворным взаимное обогащение культур, открыть всем людям еще более широкий доступ ко всему лучшему, что дает культура каждого из народов. Огромную пользу в этом благородном деле приносит переводческая деятельность талантливых служителей муз.

В узбекскую культуру Шекспир вошёл только после 30-х годов XX века. Следует отметить, что и в XX, и XXI веках среди переводов на узбекский язык доминируют переводы именно шекспировских произведений. Среди тех, кто внес большой вклад в эту деятельность, следует назвать имена заслуженных деятелей искусств Узбекской Республики: Абдулхамида Чулпана, Максуда Шейхзаде, Гафура Гуляма, Аскада Мухтара и др. А также особо отметить того, кто первым

Мизрабова Жерен Исмаиловна – докторант, преподаватель кафедры английского языка и литературы Бухарского государственного университета; e-mail: jeren.m@rambler.ru

перевёл его работы непосредственно с оригинала: это Джамал Камал. Его перу принадлежат многие высокохудожественные произведения, переведенные на родной язык с языков других народов, но переводы шекспировских произведений занимают особое место в его деятельности. Среди них можно выделить перевод самой знаменитой трагедии в мировой литературе – «Гамлета».

В узбекской переводческой практике имеются три версии перевода этого гениального произведения. Первым был прозаический перевод, сделанный по заказу для постановки в театре имени Хамзы Абдулхамидом Чулпаном в 1934 году на основе русского перевода П. Каншина. Знаменитый узбекский поэт и переводчик Максуд Шейхзаде выполнил второй (1948, 1960), поэтический перевод трагедии «Гамлет», в его основу был положен перевод Б. Пастернака. Третий перевод был выполнен непосредственно с оригинала видным узбекским поэтом-переводчиком Джамалом Камалом. Дж. Камал (Дж. К.) познакомил узбекских читателей с шедеврами многих авторов. Он поистине крупнейший и талантливый переводчик.

2. Обзор работ, посвященных переводам произведений Шекспира на узбекский язык

Рассмотрим кратко некоторые работы, посвященные узбекским переводам шекспировских произведений. Д. Гулямова освещает историю переводов «Гамлета», «Отелло», «Короля Лира», «Ромео и Джульетты» и «Юлия Цезаря», анализирует способы воспроизведения образов трагедий «Отелло» и «Короля Лира», частично затрагивает вопросы мастерства переводчиков, изучает историю появления шекспировских произведений в Узбекистане, проводит сравнение общего порядка трагедии «Гамлет» в переводах Чулпана (Абдулхамида Сулейманова) и Максуда Шейхзаде, выявляет удачные и неудачные аспекты обоих переводов, но при этом не рассматривает образы главных героев [Гулямова 1971: 175; Гулямова 1975: 39]. Мы же уделяем особое внимание проблеме воссоздания характеров Гамлета, Ромео, Джульетты и других героев трагедий на узбекском языке.

Э.С. Азнаурова анализирует известный монолог Гамлета «Быть или не быть?», сравнивая два перевода Максуда Шейхзаде (издания 1948 г. и 1960 г.) с английским оригиналом и русскими переводами. Автор работы уделяет внимание переводу «Короля Лира», сделанному Гафуром Гулямом, особенно речи шута, его шуткам, игре слов, каламбурам; высказывает свое отношение к некоторым особенностям (больше лингвистическим) перевода. Естественно, что в пределах статьи не было возможности затронуть еще и вопросы, связанные с задачей характера Гамлета.

Перевадам «Гамлета» посвящена монография Гайбуллы Саямова [Азнаурова 1973: 89]. Он исследует трагедию в плоскости исторического опыта художественного перевода, литературных традиций; указывает, что достижения русской шекспириологии оказали положительное влияние на методы и приемы перевода шекспировских произведений национальных переводчиков, рассматривает роль русской культуры и русского языка в становлении духовной зрелости других народов. Автор монографии затрагивает и многие другие вопросы, связанные с общими проблемами переводческого дела. Однако вопросы воссоздания харак-

теров героев в переводном тексте, типичного и индивидуального в процессе перевода не нашли подробного освещения.

Ф. Сулейманова описывает характерные черты эпохи Шекспира, рассказывает о его жизни и деятельности, анализирует постановку переведенных на узбекский язык произведений английского драматурга на сценах театров Узбекистана, сосредоточивает внимание на особенностях влияния Шекспира на творчество Шейхзаде [Сулейманова 1978: 103; Сулейманов 1981: 61]. Однако проблемы типического и индивидуального, воссоздания характеров героев в переводе шекспировских произведений на родной язык затронуты не были.

Исследователь А. Рахимов рассматривает вопросы национального и интернационального, изучает пути развития, взаимовлияния и взаимообогащения литератур, в частности, влияние русской литературы на узбекскую советскую литературу, роль художественного перевода в обогащении национальных литератур. Автор недвусмысленно отводит М. Шейхзаде одно из почетных мест в освоении шекспировского наследия, впервые в науке анализирует переводы некоторых сонетов Шекспира, сделанные Шейхзаде, оценивает их качество [Рахимов 1981: 93].

В последние годы в Узбекистане появился ряд научных работ, посвященных изучению художественного мастерства переводчиков Шекспира, которые анализируют переводы на основе их тщательного филологического сопоставления с оригиналом и пытаются выявить наиболее сильные стороны творческой лаборатории Шейхзаде и Дж. Камала, оценивая их способность передавать содержание и форму подлинника. Для такой работы интересный материал дает трагедия «Гамлет», имеющая больше вариантов переводов, чем другие пьесы английского драматурга. Это открывает больше возможностей исследовать процесс эволюции, становления функционально значимых соответствий, изучить условия создания более совершенных вариантов переводов. Правильное и научное решение поставленных задач позволит проложить дорогу к переводу шекспировского творчества непосредственно с английского языка на узбекский без языка-посредника.

Первый узбекский перевод трагедии «Гамлет», сделанный знаменитым по-этом-переводчиком Чулпаном, был подвергнут жестокой критике. Ее причиной послужило то, что в 20–30-е годы, во времена вульгарного социологизма, Чулпану было предъявлено несправедливое обвинение в национализме. Первый узбекский перевод стал поводом для бурной полемики в литературных кругах того времени. Насколько бы высокохудожественным ни было творение талантливого поэта-переводчика, драматурга, публициста и писателя, оно тем не менее подвергалось несправедливой и безжалостной критике. Критика обращала внимание на архаичность некоторых слов и оборотов, на изобилие старых, арабских, чагатайских и персидских слов. Воспитанный на традициях философской поэзии востока, переводчик не ограничился простой передачей сюжета и содержания произведения, даже в прозаическом переводе ему удалось приблизиться к поэтической сущности подлинника; этому помогало то обстоятельство, что стилистически и лексически узбекская проза довольно близка к поэзии, буквально граничит с ней.

В годы независимости произошла переоценка ценностей. В 1991 году 25 сентября Чулпану была посмертно присуждена Государственная премия Республики

Узбекистан имени Алишера Навои за его высокие заслуги и огромный вклад в литературу страны и его книгу под названием «Яна олдим созимни» («Я снова взял инструмент (музыкальный) в руки»). Впоследствии было создано много произведений, посвящённых его творчеству и жизни. Например, в пьесе «Занжирбанд шер» («Лев, закованный в цепь») Зиё Нажмия сценический герой Чулпан не только мысленно воспроизводит все события своей жизни, но и выражает своё личное отношение к поэту и переводчику. И здесь ему помогает образ Гамлета. Он размышляет о низости вокруг него, о лицемерии «друзей», о врагах, о том, что предательство и бесчестие становятся обычным и нормальным состоянием человеческой жизни, а честь и правосудие всё более стесняется и гнётся. Вдохновляясь шекспировским героем и чувствуя своё бессилие перед несправедливостью мира, он осознаёт, что жизнь – это борьба, и хотя физически он был свергнут, но нравственно одержал победу. Перед зрителем со сцены предстает образ гордого, великодушного человека, борющегося за справедливость, за свободу своей страны и народа. Автор спектакля «Занжирбанд шер» видит в своём герое Гамлета. Благодаря тому, что писатель ассоциирует своего героя с шекспировским, спектакль представляет собой не рядовое развлекательное зрелище, а производит впечатление социально-философской драмы.

3. Перевод трагедии «Гамлет» М. Шейхзаде

Второй перевод трагедии «Гамлет» на узбекский язык был сделан в 1948 году М. Шейхзаде на основе русского перевода Б. Пастернака (Б.П.); местами переводчик использовал азербайджанский перевод Джаббара Джаббаралы. Перевод был сделан в стихах и был намного удачнее предыдущего. В 1960 году в связи с тем, что в тот же период времени выпускался сборник узбекских переводов драматических произведений Шекспира, М. Шейхзаде пересмотрел свой перевод и уже с серьёзными поправками перевёл трагедию заново. Последний перевод был близок уже не к букве, а к духу оригинала. Переводчик стремился максимально приблизиться к оригинальному тексту, поясняя его, как бы расшифровывая его содержание для читателя. Сам переводчик был мастером масштабной исторической драматургии и философской лирики. Максуд Шейхзаде (М.Ш.) отдал наибольшую часть своих творческих сил произведениям В. Шекспира, и это не случайно. Известный английский поэт Джон Драйден, оценивая заслуги Шекспира в истории литературы, подчеркивал, что «Шекспир был Гомером или отцом наших драматических поэтов». Он был им и для М. Шейхзаде [Сидорченко 1987: 38].

Однако и старые переводы, сыгравшие огромную роль в популяризации творчества Шекспира в Узбекистане, и до нынешних дней не потеряли своей ценности и явились подлинной школой узбекской драматургии [Клековкина 1981: 93].

Накоплен очень большой опыт в области узбекского переводоведения на основе русских переводов того времени, и нельзя отрицать того факта, что существуют переводы на очень высоком художественном уровне. Благодаря независимости республики в области художественного перевода происходят значительные сдвиги, и непосредственный перевод получает всё более широкое распро-

странение. В этом отношении нельзя не отметить огромный вклад величайшего узбекского народного поэта – переводчика Джамала Камала. Заслуженный деятель искусств Узбекской республики внёс большой вклад в становление и развитие переводческого дела в Узбекистане. Его переводы произведений Шекспира, сделанные в 1991 году непосредственно с английского, не имеют цены. Джамал Камал – большой, многогранный художник, один из основоположников узбекской школы перевода. Благодаря его переводческой деятельности узбекский читатель впервые имеет возможность познакомиться непосредственно с произведениями Шекспира. Переводческая работа, таким образом, занимает значительное место в творчестве Дж. Камала, который, будучи прекрасным знатоком истории народов Востока, а также мировой художественной литературы, создаёт интересные литературные портреты представителей как отечественной, так и зарубежной классики. Творческие успехи Дж. Камала – переводчика определяются не количеством переведенных им произведений, хотя они имеют значительный объем, а чистотой его «художественной совести», его нравственным отношением к переводимым произведениям. Дж. Камал всегда строг и вдумчив в выборе предмета своей переводческой деятельности. Он никогда не брался за перевод, если автор подлинника не был близок его духовному миру, его нравственной и жизненной позиции. Так что обращение Дж. Камала к Шекспиру – явление отнюдь не стихийное. Не сразу пришёл Дж. Камал к Шекспиру. Этому предшествовали годы упорного изучения творчества английского драматурга и языка переводимых произведений. Знание языка, на котором написан переводимый оригинал, – дело не столько желательное, сколько необходимое.

4. Дж. Камал и его художественный перевод трагедии «Гамлет»

Трагедия Шекспира «Гамлет», к которой Дж. Камал присматривался еще в 70-е годы, буквально «заставила» его взяться за перевод величием своего поэтического и философского содержания. Это случилось в 90-е годы, когда переводчик почувствовал в себе созревшие потенциальные возможности справиться с этой особо ответственной задачей. Так, в 1977 году появился первый вариант перевода трагедии «Гамлет», который спустя 14 лет, т.е. в 1991 году, был переработан заново, что красноречиво указывает на высоко ответственное отношение Дж. Камала к этому бессмертному творению Шекспира. Чрезвычайно трудно понять и истолковать образ главного героя трагедии: он сложен и многогранен, что признают практически все исследователи и переводчики. Одна из трудностей – присутствие мифологических образов, понимание которых отнюдь не однозначно; другая – философская глубина характера героя; и третья – социально-историческая отдаленность действительности, изображенной в трагедии. Именно эти три фактора определяют неоднозначность восприятия Гамлета переводчиками и обуславливают необходимость сносок, комментариев и дополнительных пояснений отдельных моментов трагедии.

И все же художественная совесть Дж. Камала чиста перед узбекским читателем и великим английским драматургом: его переводы и теперь читаются с неослабевающим интересом. Причина тому – самообытный талант переводчика, сумевшего сделать переводы шекспировских произведений во многом достойными

оригинала. И не только в этом. Здесь важную роль сыграли некоторые непреложные правила Дж. Камала, которые он никогда не нарушает, что и обуславливает в значительной мере качество переводов, – стремление к воссозданию характеров и образов произведения, поиск языковых эквивалентов, принципиальное отношение к фактам, деталям, композиционной и смысловой адекватности оригинала. Дж. Камалу удалось воссоздать характеры и образы трагедии «Гамлет» и других произведений Шекспира художественными средствами узбекского языка, воссоздать социально-общественную атмосферу, дух того времени, действительность, которая стала объектом изображения. Глубокая содержательность, изящная, отточенная поэтическая форма шекспировского текста, его образность, философские суждения, ирония, игра слов, фразеологизмы, стилистические приемы – все это верно схвачено и отобразено переводчиком.

Шекспир покоряет своей особенной, отличной от других, манерой письма, точными и ёмкими по мысли афоризмами, крылатыми выражениями, а также необычайно глубокой философской мыслью. Воссозданные в узбекской поэтической речи, мировые шедевры Востока и Запада и теперь звучат естественно и полноценно, являются органическим и полноценным достоянием узбекской литературы. Творческая деятельность Дж. Камала в области художественного перевода составляет отдельное направление – в этой области он создал собственную литературную школу. Обучаясь в этой школе, многие поколения, несомненно, внесут немалый вклад в общую культуру нашей республики.

Из воспоминаний Дж. Камала известно, что, когда весной 1976 года он сдавал свой перевод трагедии «Макбет» в театр имени Хамзы, один великий узбекский актёр, мастерски сыгравший много шекспировских образов не только в республике, но и на зарубежных сценах, сказал, что перевод ему очень понравился. А затем, улыбнувшись, добавил, что коллектив собирается поставить его перевод на сцене театра и попросил заново перевести «Гамлета».

– А как же перевод Максуда Шейхзаде? – спросил переводчик. Дело в том, что перевод М. Шейхзаде в те времена считался непревзойденным.

– Перевод Максуда Шейхзаде тоже хороший, но не очень подходит для сцены, – ответил актёр.

Таким образом, главной причиной появления непосредственного перевода трагедии «Гамлет» на родной язык стала просьба знаменитого актёра Абрара Хидоятова, ныне покойного. Тогда Дж. Камал взялся упорно учить английский язык и перевёл «Гамлета», не ориентируясь ни на чей перевод, а опираясь только на самого Шекспира. Непосредственные переводы Дж. Камала были собраны и напечатаны в сборнике под названием «Отелло» в 1991 году. В него вошли пять драм Шекспира, а именно: «Гамлет», «Отелло», «Макбет», «Антоний и Клеопатра», «Тимон Афинский». А в 2007 году Дж. Камал собрал и издал свои непосредственные переводы в трёхтомнике под названием «Сайланма» («Избранное»). Здесь уже было 12 переводов гениальных произведений великого писателя.

«Гамлет» – первая философская трагедия Шекспира, и эта ее особенность в значительной степени определила поэтику драмы. Истоки многих философских воззрений Гамлета – античность и Возрождение, но Шекспир придал своему герою оригинальность и современное звучание.

5. Сравнительный анализ языковых особенностей переводов трагедии «Гамлет»

Рассмотрим некоторые образные слова, сентенции, метафоры и аллегории в речах Гамлета и некоторых других героев. Их смысл и роль в каждый момент драматического действия рассматриваются безотносительно к источникам. В поэтике трагедии выделены моменты, которые связаны с «вечными» вопросами человеческой жизни – смысл жизни, этическая и гражданская позиция героя, проблемы нравственной оценки, возмездия за преступления.

Долг мести за убийство отца перерастает в глазах Гамлета в задачу исправления человеческого общества, – и эта вторая цель героя в значительной мере воплощена в поэтических образах. Продолжая свою бурную речь в комнате Гертруды, Гамлет, сравнивая Клавдия со своим отцом, говорит о ничтожестве ее второго мужа:

Hamlet:

A murderer and a villain;
A slave that is not twentieth part the tithe
Of your precedent lord; a vice of kings;
A cutpurse of the empire and the rule,
That from a shelf the precious diadem stole,
And put it in his pocket!

Queen Gertrude:
No more!

Hamlet:

A king of shreds and patches.

Гамлет:

... с убийцей и скотом,
Не стоящим одной двухсотой доли
Того, что тот. С петрушкой в королях.
С карманником на царстве. Он завидел
Венец на полке, взял исподтишка
И вынес под полою.

Королева:

Гамлет, сжался!

Гамлет:

Со святочной игрушкой... (Б.П.)

Ҳамлет:

Яна ким билан –
Қотил билан, ҳайвон билан, бир муртад билан,
Падаримнинг тирноғига арзимайдиган
Қирол кийимини кийган қўғирчоқ билан,
Салтанатга човут солган қароқчи билан.
Тожни тоқчада кўрибоқ, қўлтиққа урган,
Уни этак остида сўнг ўғирлаб чиққан –
Ўғри билан.

М а л и к а:

Аясанг-чи!

Х а м л е т:

Бир олчоқ билан! (Дж.К.)

Х а м л е т:

Сизга ҳаместик бўлган қотил ва ҳайвон
Марҳумнинг битта ҳаром тукича эмас.
Сизни қўйнига олган шоҳ эмас – айёр,
У тахт узра ўлтирган битта кисабур,
Токчада тожни кўриб ўғирлаган пес.

М а л и к а:

Ҳамлет, раҳм эт!

Х а м л е т:

Ерингиз бир масҳарабоз... (М.Ш.)

Сравнительно-сопоставительный анализ разных переводов этого диалога представлен в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительно-сопоставительный анализ разговора Гертруды и Гамлета

Текст оригинала	Перевод Б. Пастернака	Перевод Дж. Камала	Перевод М. Шейхзаде
A murderer and a villain	с убийцей и скотом	Қотил билан, ҳайвон билан, бир муртад билан	Сизга ҳаместик бўлган қотил ва ҳайвон
A slave that is not twentieth part the tithe Of your precedent lord	Не стоящим одной двухсотой доли Того, что тот	Падаримнинг тирноғига арзимайдиган	Марҳумнинг битта ҳаром тукича эмас
a vice of kings	С петрушкой в королях	Қирол кийимини кийган кўғирчоқ билан	Сизни қўйнига олган шоҳ эмас – айёр
A cutpurse of the empire and the rule	С карманником на царстве	Салтанатга човут солган кароқчи билан	У тахт узра ўлтирган битта кисабур
That from a shelf the precious diadem stole	[Завидел] венец на полке, взял исподтишка	Тожни токчада кўрибоқ, кўлтиққа урган	Токчада тожни кўриб ўғирлаган пес
And put it in his pocket!	И вынес под полою	Уни этак остида сўнг ўғирлаб чикқан	
No more!	Гамлет, сжался	Аясанг-чи!	Ҳамлет, раҳм эт!
A king of shreds and patches	Со святочной игрушкой...	Бир олчоқ билан!	Ерингиз бир масҳарабоз...

Коммуникативная цель текста оригинала (ТО) очевидна. Драматург в ТО изображает Клавдия подлым мерзавцем и сравнивает его с отцом Гамлета. Исходя из когнитивной функции текста Шекспира, из разговора между королевой и ее сыном можно понять, что «Клавдий убийца и узурпатор, раб мельче в двадцать раз одной десятой отца Гамлета, король из пестрых тряпок». В ТО на фонетическом уровне замечаем обилие звуковых повторов – ассонансов – неопределенного артикля (A): “A murderer”, “A slave”, “A cutpurse”, “a vice of kings”, “And put”. В приведенном примере в основном говорится о Клавдии, и здесь наблюдается синонимический повтор: Клавдий – “murderer and a villain”, “A slave that is not twentieth part the tithe”, “a vice of kings”, “A cutpurse of the empire and the rule”. Можно сказать, что во всех переводах достигнута прагматическая адекватность и переводчики правильно выразили коммуникативную цель автора трагедии.

Число строк (6) в ТО сохранено в тексте перевода Б. Пастернака. В узбекском тексте перевода Дж. Камала 8 строк, в тексте перевода М. Шейхзаде – 5. Рассматривая структурную сторону переводов, можно заметить, что ни в одном переводе не сохранены повторяющиеся ассонансы, потому что такое явление не свойственно языкам переводов. Хотя звуковые повторы ТО не были сохранены в переводах, мы наблюдаем многократное повторение звука [с] в разных местах и в разных строках перевода Б. Пастернака (... с, скотом, стоящим, двухсотой, С, С, на царстве, Исподтишка, вынес). И узбекские переводчики по-своему воспроизвели данный прием ТО. Например, у Дж. Камала наблюдается повторение союза «билан» семь раз, а у М. Шейхзаде можно выделить несколько слов с участием буквы Х (хаместик, хайвон, Мархумнинг, харом, шох), тоже обеспечивающих сохранение рассматриваемого приема из ТО.

Синонимичные повторы, изображающие Клавдия в оригинале, также были воспроизведены во всех переводах. Б. Пастернак “murderer and a villain” переводит как «с убийцей и скотом», и в этом переводе значение слова “villain” из ТО опущено и заменено немного грубым словом «скот», но Клавдий не такой уж глупый, чтобы назвать его безмозглым скотом.

У Дж. Камала “murderer and a villain” переведено как «Қотил билан, хайвон билан, бир муртад билан» (досл. «С убийцей, со скотом, с негодяем»). В рассматриваемой строке союз «билан» использован три раза, а в общем в переводе он используется семь раз, что усиливает впечатление, произведенное образом подлеца Клавдия, и заостряет внимание на индивидуальности черт героя. Есть и расхождения, то есть присутствует лексика, которой нет соответствия в ТО, – это слова «хайвон, муртад», которые призваны более ярко передать образ Клавдия.

Вторая строка “A slave that is not twentieth part the tithe” переведена как «Падаримнинг тирноғига арзимайдиган» (досл. «не стоящий и ногтя моего отца»). Здесь Дж. Камал избегает дословного перевода ТО и переводит это место хорошо знакомой узбекскому читателю перифразой. Точно так же эта же строка переведена и М. Шейхзаде, но грубой перифразой – «Мархумнинг битта харом тукича эмас» (досл. «Не стоит и одного его поганого волоса» (на теле)).

Можно сказать, что в переводах достигнута прагматическая, семантическая и стилистическая адекватность. Для достижения этой цели переводчики воспользовались разными видами трансформации. По мнению Н.А. Автономовой и М.Л. Гаспарова, ни один перевод не передает подлинника полностью: каждый

переводчик выбирает в оригинале только главное, подчиняет ему второстепенное, опускает или заменяет третьестепенное [Гаспаров, Автономова 2001: 389].

В переводе Б. Пастернака 21 знаменательное слово, из них полные лексические соответствия – 5 слов, причем некоторые из них подвергаются лексическим и грамматическим трансформациям, отдельные слова исключаются, заменяются на другие, вводятся новые, которые помогают еще ярче понять образы.

У М. Шейхзаде 27 знаменательных слов, из них полные лексические соответствия – 6 слов, причем некоторые из них подвергаются лексическим и грамматическим трансформациям, в частности, два слова “A murderer and a villain” переведено целым предложением – «Сизга хаместиқ бўлган қотил ва хайвон». Также переводчик вводит слова, отсутствующие в оригинале, а последняя строка “And put it in his pocket!” полностью опущена.

Следующий эпизод: В священное утро при крике петуха Призрак исчезает. Хотя картина прекрасного утра в описании Шекспира полуреальна, она все же мысленно уносит читателя в воображаемый мир. Горацио торжественно описывает утреннюю зарю. После слов Марцелла о волшебном утре Горацио подхватывает:

Horatio:

So have I heard and do in part believe it.
But, look, the morn, in russet mantle clad,
Walks o'er the dew of yon high eastward hill:

Горацио:

Слыхал и я, и тоже частью верю.
Но вот и утро в розовом плаще
Росу пригорков топчет на востоке. (Б.П.)

Хорацио:

Эшитганман, мен ҳам бунга бовар қиламан.
Ана, алвон яктагини судраб субҳидам –
Шабнам босиб, шарқ уфқидан келмоқда илдам. (Дж.К.)

Горацио:

Мен ҳам бундай гапларни эшитган эдим.
Энди қўйинг. Ана тонг алвон либосда
Адирларнинг шабнамин топдайди шарқда. (М.Ш.)

В приведенных строках подразумевается, что друзья Гамлета путают утреннюю зарю с дьяволом Люцифером, который при крике петуха уносит душу Старика Гамлета. Лучи восходящего солнца сначала освещают западную сторону гор и поэтому нечистая сила бежит от света в остатки тьмы в тени восточных гор. А Горацио путает багряный плащ Люцифера с утренней зарей.

Из коммуникативной цели ТО становится ясно, что Горацио тоже верит в то, что ранним утром при первом же крике петуха нечисть теряет силу своего колдовства, а призраки возвращаются в свои могилы. Точно так же описывается, как Люцифер уносит душу покойного отца Гамлета, а друзья принца путают его с утренней зарей.

В переводе Б. Пастернака коммуникативная цель автора трагедии выражена правильно. Переводчик выполнил свой перевод в рамках содержания ТО, здесь

нет добавлений каких-либо понятий. Использование противительного союза «но» вместе с указательным местоимением «вот» в русском переводе показывает удивление и сильное волнение героев произведения.

Нельзя сказать, что коммуникативная цель автора трагедии в переводе Дж. Камала достигнута полностью. Переводчик жертвует близостью к оригиналу, а опущения воспроизводит, добавляя новые образы: «алвон яктагини судраб субхидам» (досл. «ранним утром волочит свой алый халат»). Здесь автор перевода пользуется реалией, свойственной и понятной узбекскому читателю, употребляя слово со значением «летний легкий халат без подкладки».

М. Шейхзаде вводит добавления к ТО: «бундай гапларни» (досл. «такие слухи»), «Энди кўйинг» (досл. «А теперь оставим это...»).

В переводе Б. Пастернака употреблены 14 знаменательных слов, и 10 из них в лексическом плане соответствуют ТО. Применены трансформации, в частности лексические: слово ‘Walk’ заменено контекстуальным антонимом «топчет»; грамматические трансформации: инверсия в настоящем времени в “have I heard” в русском переводе заменена на глагол в прошлом времени ‘слыхал’, глагол ‘look’ в оригинале в повелительном наклонении заменен на указательное местоимение ‘вот’.

В переводе Дж. Камала имеются 16 знаменательных слов, и 7 из них соответствуют ТО. Использование переводчиками разных видов трансформаций при переводе стиха – это нормальное явление. Дж. Камал использует лексические трансформации: слово ‘mantle’ в оригинале заменено на более понятное узбекам «яктагини» (алый); глагол ‘Walk’ заменен контекстуальным антонимом, выраженным в двух словах – «босиб... келмоқда», одно слово Шекспира ‘believe’ на узбекский язык переведено двумя словами «бовар киламан»; грамматические трансформации: инверсия в настоящем времени в “have I heard” в узбекском переводе заменена на глагол в прошедшем времени «Эшитганман», слово ‘clad’ заменено контекстуальным антонимом «судраб».

В переводе М. Шейхзаде 15 знаменательных слов, 6 из них в лексическом плане соответствуют ТО. Также применены лексические трансформации: слово «mantle» заменено генерализацией «либосда» (наряд), слово ‘Walk’ – контекстуальным антонимом «топдайди» (топчет), словосочетание “high hill” заменено метонимией «Адирларнинг» (пригорки); грамматические трансформации: инверсия в настоящем времени в “have I heard” в узбекском переводе заменена на глагол в прошедшем времени «Эшитганман», глагол ‘look’ в тексте оригинала в повелительном наклонении заменен на указательное местоимение «Ана», М. Шейхзаде опустил слово ‘clad’ и восполнил его значение в компрессии «тонг алвон либосда» (досл. «утро в алом плаще»). Точно так же и выражение “in part” компрессировано в узбекском предложении «Мен хам бундай гапларни эшитган эдим» (досл. «Я тоже слышал эти слухи»).

6. Особенности перевода фразеологических единиц

Многие профессионалы-переводчики при передаче образности языка произведения сталкиваются с проблемой перевода фразеологических единиц (ФЕ), поскольку фразеология является наиболее ярким и мощным выразительным сред-

ством языка и требует от них творческого подхода и принятия оригинальных переводческих решений.

Привлечение к работе трёх разных языков даёт возможность выяснить, как преодолеваются типовые трудности перевода, связанные со спецификой каждого из языков, какие элементы оригинала остаются не переданными в переводе. В нашем исследовании мы проанализировали как фразеологические единства, так и фразеологические сращения, фразеологические сочетания и фразеологизмы-предложения. Многие профессионалы-переводчики выделяют 4 способа передачи ФЕ: 1) фразеологический эквивалент 2) аналогия 3) описательный перевод 4) калька. Следует отметить, что ФЕ произведения У. Шекспира являются авторскими и в некоторых случаях ФЕ индивидуально-авторски преобразованы и в английском языке; часть ФЕ известны как шекспиризмы и являются одним из источников пополнения фразеологического фонда английского языка.

Полный эквивалент – это ФЕ на языке перевода, по всем показателям равноценная переводимой единице, обладающая теми же денотативным и коннотативным значениями (3,184).

Hamlet: O, I die, Horatio; The potent poison quite o'er-crows my spirit.

Гамлет: Гораций, я кончаюсь. Сила яда, Глушит меня. (Б.П.)

Хорацио, мен тугаяпман. Захарнинг кучи Карахт қилди. (Дж.К.)

Компоненты 'poison', 'яд' и 'захар' по семантике полностью совпадают в исследуемых ФЕ. В компонентах 'potent', 'могучий' и 'кучи' есть некоторые семантические различия.

Слово 'potent' означает 'сильный, могущественный, сильнодействующий', т.е. средство, оказывающее сильное действие на кого-либо или на что-либо. Слово 'могучий' означает 'влиятельный, сильный, могущественный' (о человеке). «Куч» имеет значение 'сила' (смертельный, смертоносный, убийственный, быстро действующий яд), т.е. средство, которое приводит к летальному исходу и от которого нет противоядия. Значение находит свою реализацию в указанной ФЕ.

Или же другой пример эквивалента:

Ophelia: O, what a noble mind is here o'erthrown!

Офелия: Какого обаянья ум погиб! (Б.П.)

Ҳалок бўлмиш қандай асл, ноёб бир ақл! (Дж.К.)

ФЕ "a noble mind" означает «благородный ум» и компоненты 'mind', 'ум' и 'ақл' полностью совпадают в рассматриваемых ФЕ. Переводчики пользуются относительным эквивалентом, так как компоненты «ноёб» и «обаянья» различаются в плане семантических оттенков. Слово «ноёб» означает 'редкостный, не находимый', а слово «обаянья» означает 'притягательный, обладающий силой притяжения, очаровательный, заманчивый'.

Вышеуказанный пример позволяет нам убедиться в том, что в узбекском варианте перевода намного больше относительных эквивалентов, чем полных эквивалентов.

Относительный эквивалент уступает полному лишь в том, что отличается от исходной ФЕ по какому-либо из показателей: другие, часто синонимические компоненты; небольшие изменения формы; изменение синтаксического построения; иная морфологическая отнесенность, сочетаемость и т.п. В остальном он является полноценным соответствием переводимой исходной единицы, «относительность» которой создается контекстом (3,185).

Hamlet: I am but mad north-north-west: when the wind is southerly I know a hawk from a handsaw.

Гамлет: Я помешан только в норд-норд-вест. При южном ветре я ещё отличу сокола от цапли. (Б.П.)

Хамлет: Менинг жиннилим норд-норд-вест яъни: шимол, шимолу гарб шамоллари эсганда кўзийди. Жануб шамоллари эсганда эса лочинни кўларрадан ажрата оламан. (Дж.К.)

Относительность эквивалента ФЕ “know a hawk from a handsaw” обуславливается тем, что глагольный компонент данной ФЕ различается лишь в английском языке ‘знать – know’, в то время как в русском ‘отличать’ и в узбекском ‘ажрата оламан – уметь отличать’ частично соответствуют. Такое же различие наблюдается и в переводе ФЕ на узбекский язык.

Аналог, как известно – это относительный эквивалент с заменой образа. Причём, как отмечают исследователи, образы могут быть очень близкими, соприкасающимися, а могут быть весьма далёкими, но логически сопоставимыми (3,186).

Ophelia: The glass of fashion and the mould of form, The observed of all observers, quite, quite down!

Офелия: Законодатель вкусов и приличий, Их зеркало... все вдребезги. Все, все... (Б.П.)

Офелия: Ҳаммасига кўзгу эди... Ҳаммаси буткул Чил-чил бўлиб синди, тўзиб тугади (Дж.К.)

ФЕ “the observed of all observers” является авторским и означает центр всеобщего внимания в английском языке (досл. «наблюдаемое всех наблюдателей»), в русском «их зеркало» и в узбекском «хаммасига кўзгу эди» (досл. «был для всех примером») являются близкими по образу.

7. Калька и фразеологические единицы

Калька – это дословный перевод, который предпочитают обычно в тех случаях, когда другими приёмами невозможно передать ФЕ в целостности ее семантико-стилистического и экспрессивно-эмоционального значения.

Hamlet: Rest, rest, perturbed spirit!

Гамлет: Успокойся, Мятежный дух! (Б.П.)

Хамлет: Безовта рух, тиниб, ором олгайсан энди! (Дж.К.)

ФЕ “*perturbed spirit*” является авторским и по компонентному составу в русском и в узбекском языках полностью совпадает. Переводчики воспользовались одним и тем же приёмом – калькой.

Сравнение двух переводов показало, что при переводе ФЕ в большинстве случаев профессионалы-переводчики пользуются разными приёмами. Как, например:

Lord Polonius: Therefore, since brevity is the soul of wit. And tediousness the limbs and outward flourishes, I will be brief:

Полоний: Итак, раз краткость есть душа ума, А многословье – тело и прикрасы, То буду сжат. (Б.П.)

Полоний: Хуллас, сўзда мухтасарлик – фаросатга жон, Ҳа, эзмалик эса – унга тан билан маржон. (Дж.К.)

Переводчики воспользовались калькой «краткость есть душа ума», которая соответствует английскому языку, а в узбекском переводе Дж. Камала ФЕ «сўзда мухтасарлик – фаросатга жон» – досл. «краткость в словах – душа интеллекта».

ФЕ “*very like a whale*” обладает ироническим значением. В «Англо-русском фразеологическом словаре» А.В. Кунина: *very like a whale* *уст. разг. ирон.* переводится: так я и поверил!, ну конечно! как бы не так! Для передачи смысла ФЕ переводчики в русском и узбекском языках воспользовались приёмом кальки [Кунин 1986: 202].

Hamlet: Do you see yonder cloud that's almost in shape of a camel?

Lord Polonius: By the mass, and 'tis like a camel, indeed.

Hamlet: Methinks it is like a weasel.

Lord Polonius: It is backed like a weasel.

Hamlet: Or like a whale?

Lord Polonius: Very like a whale.

Гамлет: Видите вы вон то облако в форме верблюда?

Полоний: Ей-богу, вижу, и действительно, ни дать на взять верблюд.

Гамлет: По-моему, оно смахивает на хорька.

Полоний: Правильно: спинка хорьковая.

Гамлет: Или как у кита.

Полоний: Совершенно как у кита. (Б.П.)

Хамлет: Туя шаклидаги анави булутни кўряписизми?

Полоний: Худо ҳақки, кўряпман, худди туянинг ўзи.

Хамлет: Менингча, сассиқ кўзанга ўхшайди.

Полоний: Орқаси сассиқ кўзаннинг баайни ўзи.

Хамлет: Китга ўхшамайдими?

Полоний: Худди китга ўхшайди. (Дж.К.)

Описательный перевод подразумевает перевод не самой ФЕ, а её смысла. Это могут быть объяснения, сравнения, описания, толкования – средства, передающие в максимально ясной и краткой форме содержание ФЕ, все с тем же неиз-

менным стремлением к фразеологизации или хотя бы с намёком на коннотативные значения [Морозов 1964: 115].

Hamlet: The time is out of joint: O cursed spite that ever I was born to set it right!

Гамлет: ...Порвалась дней связующая нить. Как мне обрывки их соединить! (Б.П.)

Хамлет: Замон издан чикди, о, бу машъум бир алам, Уни изга солмоқ учун туғилгандайман! (Дж.К.)

В русском и узбекском языках переводчики воспользовались одним приёмом – описательным переводом. ФЕ “the time is out of joint” образовано из уже существовавшего ‘out of joint’, и при трансформации и модификации ФЕ Шекспир пользуется приёмом добавления. Переводчикам удалось передать смысл ФЕ [Бочоришвили 1977: 73; Аникст 1993: 94].

ФЕ «замон издан чикди» “the time is out of joint” означает распад связи времен в плане нравственных и моральных отношений, где граница между правильным и плохим нарушена.

Или же другой пример ФЕ из трагедии, которая переведена на русский язык описательным приёмом:

Hamlet: Come, give us a taste of your quality; come, a passionate speech.

Гамлет: ...Пожалуйста, какой-нибудь монолог. Дайте нам образчик вашего искусства. Ну! Какой-нибудь страстный монолог. (Б.П.)

Хамлет: ...Мархамат, бирорта монолог, Бизга санъатингиздан намуна кўрсатинг. Қани бирорта оташин монолог. (Дж.К.)

Переводчикам удалось правильно по смыслу передать ФЕ ‘give smb. a taste of one’s quality’ на русском как «образчик искусства», на узбекском – как «санъатингиздан намуна», но были использованы разные приёмы перевода, как и в других случаях. Б. Пастернак воспользовался описательным переводом, в то время как в узбекском языке Дж. Камал пользуется калькой при переводе ФЕ, калькированная ФЕ соответствует русскому варианту, т.е. ФЕ была калькирована с русского языка.

ФЕ “metal more attractive” является авторским и обладает метафорическим значением.

Queen Gertrude: Come hither, my dear Hamlet, sit by me.

Hamlet: No, good mother, here’s metal more attractive .

Королева: Поди сюда, мой милый Гамлет, сядь возле меня.

Гамлет: Нет, дорогая матушка, здесь есть металл более притягательный. (Ложится к ногам Офелии.)

Малика: Азизим, Ҳамлет, кел, ёнимга ўтир.

Хамлет: Йўқ, ойижон, бу ерда бошқа бир оханграбо бор.

В этом примере переводчики пользуются одним и тем же приёмом – описательным переводом, по компонентному составу наблюдаются различия. Компоненту ‘metal’ соответствует в русском языке «металл», в узбекском языке слово «оханграбо» (приятный мотив, музыка) является близким по смыслу. Также компоненту ‘attractive’ соответствует в русском языке «притягательный», а в узбекском языке «бошқа бир» – что означает «другой, кое-что намного лучше».

Под контекстуальной заменой С. Влахов и С. Флорин понимают такой перевод ФЕ, который, хотя и не соответствует по значению исходной ФЕ, взятой изолированно, но с достаточной точностью (и смысловой, и стилистической) передает её содержание в данном конкретном контексте. Обратимся к примерам:

Hamlet: But I do prophesy the election lights on Fortinbras: he has my dying voice;

Гамлет: ...выбор ваш падет На Фортинбраса. За него мой голос. (Б.П.)

Хамлет: Фортинбрас кирол бўлгуси, Мен ҳам қувватлайман, унга овоз бераман. (Дж.К.)

Приёмом контекстуальной замены воспользовался узбекский переводчик: «қувватлайман, унга овоз бераман»; по структурной классификации ФЕ в английском языке является глагольной, а в русском и узбекском языках – субстантивной.

С. Влахов и С. Флорин выделяют ещё один приём – компенсацию. Данный прием используется в том случае, когда переводчики предпочитают опустить безэквивалентную единицу исходного текста и заменяют ФЕ одним словом или словосочетанием:

Hamlet: So tell him, with the occurrents, more and less, Which have solicited.
The rest is silence.

Гамлет: Скажи ему, как все произошло. И что к чему. Дальнейшее – молчанье (Б.П.)

Хамлет: Бунда нелар кечганини ўзинг айтиб ўт, Тамом, адо бўлдим. Бундан буёғи – сукут. (Дж.К.)

Приёмом компенсации пользуются переводчики и в узбекском варианте, и в русской версии. Дж. Камал переводит ФЕ “The rest is silence” словами «Бундан буёғи-сукут» – («а дальше – молчание»). ФЕ “The rest is silence” означает «всё скрыто во мраке неведения». Слово «сукут» означает ‘молчание’.

8. Заключение

В представленной работе был проведен сравнительно-сопоставительный анализ особенностей передачи отдельных стилистических приемов трагедии и определены художественно-стилистические особенности каждого перевода.

По итогам сравнительно-сопоставительного анализа переводов можно сделать вывод о том, что каждый перевод является своеобразным переосмыслением оригинала. Каждый из них по-своему интересен и в разной степени близок к ори-

гиналу. В наибольшей степени переосмысливают текст оригинала и представляют индивидуальное толкование произведения Борис Пастернак и Джамал Камал.

Также необходимо отметить, что перевод Максуда Шейхзаде имеет много общего с переводом Бориса Пастернака. Это можно объяснить тем, что перевод Бориса Пастернака является эталоном художественного перевода и был взят за основу Максудом Шейхзаде для перевода на узбекский язык.

Литература

- Азнаурова 1973 – *Азнаурова Э.С.* Икки тил оша (Шекспир асарларининг биздаги таржималари) // Таржима санъати. – Ташкент: Издательство «Фан», 1973. – С. 89. {Aznaurova, E.S. *Through the Two Languages (The Works of Shakespeare in our Translations)* // *The Art of Translation*. – Tashkent: “Science” Publishing House, 1973. – P. 89. (In Uzbek.)}
- Аникст 1993 – *Аникст А.* Эволюция стиля поэзии Шекспира. Шекспировские чтения. – Москва: Наука, 1993. – 94 с. {Anikst, A. *The Evolution of Shakespeare’s Poetry Style*. Shakespeare Readings. – Moscow: Science, 1993. – 94 p.}
- Бочоришвили 1977 – *Бочоришвили Н.К.* Игра слов в «Гамлете» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, 1977, № 4. – С. 73. {Bochorishvili, N.K. *The Wordplay in “Hamlet”* // *Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology*, 1977, #4. – P. 73.}
- Гаспаров, Автономова 2001 – *Гаспаров М.Л., Автономова Н.С.* Сонеты Шекспира – переводы Маршака // О русской поэзии. – Санкт-Петербург: Азбука, 2001. – С. 389. {Gasparov, M.L., Avtonomova, N.S. *Shakespeare’s Sonnets – Translations made by Marshak* // *On Russian Poetry*. – Saint-Petersburg: Azbuka, 2001. – P. 389.}
- Гулямова 1971 – *Гулямова Д.* Драматургия Шекспира на узбекском языке (Некоторые вопросы истории и теории перевода). – Ташкент: АКД., 1971. – 314 с. {Gulyamova, D. *Shakespeare’s Plays in Uzbek (On some questions of history and theory of translation)*. – Tashkent: AKD., 1971. – 314 p.}
- Гулямова 1975 – *Гулямова Д.* «Гамлет» на узбекском языке // Мастерство перевода. Сборник девятый. – Москва: Советский писатель, 1975. – С. 39 {Gulyamova, D. *“Hamlet” in Uzbek* // *The Art of Translation. Compendium No. 9*. – Moscow: The Soviet Writer, 1975. – P. 39.}
- Клековкина 1981 – *Клековкина Е.Е.* Об основных путях образования фразеологизмов в англ. языке XVI века // Диахрония и синхрония в словообразовании и фразеологии германских и романских языков: Межвуз. соб науч. тр. Куйбышев, 1981, Т. 258. – С. 93 {Klekovkina, Ye.Ye. *On the Main Ways of Appearance and Development of Idioms in the English Language of the 16th Century* // *Diachrony and Synchrony in Word-Formation and Phraseology of Germanic and Romance Languages: An Interuniversity Compendium of Scientific Research*. Kuybyshev, 1981. Volume 258. – P. 93.}
- Кунин 1986 – *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. – Москва: Высшая школа, 1986. – 381 с. {Kunin, A.V. *The Courses of Modern English Phraseology*. – Moscow: Vysshaya shkola, 1986. – 381 p.}
- Морозов 1964 – *Морозов М.М.* Статьи о Шекспире. – Москва: Советский писатель, 1964. – С. 115. {Morozov, M.M. *Articles of Shakespeare*. – Moscow: The Soviet Writer, 1964. – P. 115.}
- Рахимов 1981 – *Рахимов А.* Национальная литература. – Ташкент: Издательство «Фан», 1981. – 258 с. {Rakhimov, A. *The National Literature*. – Tashkent: “Science” Publishing House, 1981. – 258 p.}
- Сидорченко 1987 – *Сидорченко Л.В.* Драйден в полемике о классическом наследии // Вестник ЛГУ. Серия история, языковедение, литературоведение, 1987, Вып. 1. – С. 38. {Sidorchenko, L.V. *Dryden in Discussion on the Classical Heritage* // *Bulletin of Leningrad State University. Series of History, Linguistics and Literary Studies*, 1987, Edition 1. – P. 38.}
- Сулейманов 1981 – *Сулейманов М.* Опыт научного обобщения проблемы художественного перевода в аспекте сопоставительной стилистики (на примере узбекских переводов английской и американской литературы). – Ташкент: АКД, 1981. – 154 с. {Suleymanov, M. *Consolidated Scientific Experience of the Question on Literary Translation as Considered with the Methods of Comparative Stylistics (Describing Examples of Uzbek Translations of English and American Literature)*. – Tashkent: AKD, 1981. – 154 p.}

Сулейманова 1978 – Сулейманова Ф. Шекспир. – Ташкент: Ўзбекистонда, 1978. – 163 с. {Suleymanova, F. Shakespeare. – Tashkent: O‘zbekistonda, 1978. – 163 p.}

Comparative review of the translations of “The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark” in Uzbek

Jeren I. Mizrabova,

Bukhara (Republic of Uzbekistan)

Summary: The Shakespeare’s works are the classic of world literature and have many translations. The article is devoted to the study of the translations of the “Hamlet” tragedy into Uzbek and Russian. The author has conducted a comparative analysis of the peculiarities of the translation of individual stylistic techniques of the tragedy; the vocabulary and syntax of the original tragedy and its translations are examined. The artwork of William Shakespeare’s translations into Russian and Uzbek are analyzed. The author conducts a detailed linguistic analysis of the tragedy of William Shakespeare in comparing with translations of Boris Pasternak, Jamal Kamal and Maksud Sheikhzade, on the example of which shows the skills of each of the translators in an adequate transmission of the tragedy. Also stylistic tools used by Russian and Uzbek translators to create characters of the tragedy are shown.

Keywords: translation features, phraseology, translations of the tragedy “Hamlet”, phraseological units, analogy, image, dictionary, literary translation.

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

ТАТАРЧА ДИКТАНТ – 2018

*Х.Ч. Алишина
г. Тюмень (Россия)*

*Организация объединенных наций объявила 2019 год
Годом языков коренных народов*

27 октября 2018 года на базе Центра тюркологии Тюменского государственного университета прошла Всемирная акция «Татарча диктант».

Для меня, преподавателя-тюрколога, руководителя Центра тюркологии, нет более высокой миссии, чем работа с населением Тюменской области по изучению, сохранению и развитию родного языка и родной культуры.

При жизни моего научного руководителя Диляры Гарифовны Тумашевой мы ездили с ней в Новосибирский академгородок. Она желала представить меня на-

---

Алишина Ханиса Чавдатовна – доктор филологических наук, профессор, академик АН РТ, директор Центра тюркологии Тюменского государственного университета; e-mail: kaf_tatarlit@utmn.ru

научному сообществу Сибири, познакомить и подружить с учеными Института филологии СО РАН, которые занимаются проблемами «Диалектологического атласа тюркских языков народов Сибири». Был составлен вопросник, утверждена сетка населенных пунктов исследования, разработаны принципы составления атласа. Я должна была не только выступить с сообщением, но еще и выполнить практическое задание – записаться в ЛЭФИ на магнитофонную пленку как носитель тоболо-иртышского диалекта.

В Новосибирске я посетила научную библиотеку университета, сделала выписки из каталога о трудах М.И. Черемисиной, приняла участие в Пленарном заседании, прослушала доклад Диляры Гарифовны. Вечером мы с Дилярой Гарифовной пошли на квартиру к профессору Елизавете Ивановне Убрятовой. Е.И. Убрятова – замечательный человек, ученый, внесший неоценимый вклад в изучение, сохранение, развитие тюркских языков России. Она была в составе Советского комитета тюркологов, до марта 1987 г. являлась членом редакционной коллегии журнала «Советская тюркология». Диляра Гарифовна рассказывала мне о чрезвычайной любви и преданности Елизаветы Ивановны к ставшим ей родными долганам, якутам, чулымским тюркам, шорцам, хакасам, тувинцам, тофаларам, сибирским татарам, алтайцам и их языкам. Е.И. Убрятова принадлежала к плеяде выдающихся тюркологов – летописцев живых тюркских наречий, которые стремились узнать и полюбить жизнь другого народа и увидеть, как она отражается в зеркале его языка. В Новосибирске мне посчастливилось познакомиться также с Н.Н. Ширококовой, Э.Ф. Чиспияковым, А.Т. Тыбыковой, Н.Б. Кошкаревой.

15 лет назад д.ф.н., профессор НГУ Н.Б. Кошкарева выступила инициатором Тотального диктанта по русскому языку. Сегодня она – председатель Экспертного совета Тотального диктанта, заведующая кафедрой общего и русского языкознания Гуманитарного института НГУ.

За два месяца до диктанта по всему миру начинаются курсы по подготовке к Тотальному диктанту. В НГУ они называются «Русский по пятницам», так как на протяжении ряда лет они проходят в пятницу вечером, в Тюмени они проходили

под руководством к.ф.н., доцента кафедры русского языка Елены Вадимовны Тумаковой (сегодня она – проректор по учебной работе ТюмГУ). Каждый день в том или ином уголке земного шара у всех желающих есть возможность прийти на занятия по русскому языку и совершенно бесплатно подготовиться к написанию текста.

Три года назад мои ученики – соискатели и аспиранты – каждую среду приходили на семинары в 605 кабинет. Однажды я рассказала им о своем желании, по примеру Н.Б. Кошкаревой, ввести в Тюмени тотальный диктант по татарскому языку. Сайт Тусмухаметов, Аня Исакова, Эльмира Урамаева, Найля Айнидинова, Азалия Габдрахимова тут же подхватили мою идею, мы написали в Елабугу электронное письмо декану Д.А. Салимовой: «А давайте введем тотальный диктант по татарскому!» Дании Абузаровне идея тоже понравилась, она даже прислала примерный текст.

Идеи витают в воздухе, мечты сбываются! Теперь мы ежегодно получаем из Казани тексты, памятки по методике написания и проверки. «Татарча диктант» в нашем университете прошел в третий раз, нынче он был посвящен 110-летию писателя, Героя Советского Союза Абдуллы Алиша. В Казани – один Алиш, в Тюмени – двое: Абдулла Алиш и Ханиса Алиш, подумала я про себя и пошла на работу, как на праздник...

Пришло более 60 любителей татарского языка. Об их количестве мы узнали по числу розданных фирменных ручек с логотипом КТТО, по числу подаренных книг «Мама» Булата Сулейманова. Пришли корреспонденты татарских СМИ, кандидаты наук, директора школ, учителя, учащиеся, ветераны труда, духовные лидеры, студенты и аспиранты Центра тюркологии. Татары, русские, башкиры, казахи. Возраст – от 10 до 70 лет.

Самая большая, самая любимая наша аудитория № 327, в которой традиционно проходят защиты студенческих дипломных работ, была заполнена до отказа, не осталось ни одного свободного места! Начали в 9.30 утра, а закончили

в 12.30. Полтора часа мы с «учениками» писали, проверяли и сдавали листочки, а потом началось самое интересное – непринужденное общение, диалог с приехавшими и пришедшими участниками тотального диктанта. Татары не могут обойтись без переклички территорий: Татарстан, Апастово, Кайбыч; Башкортостан; Челябинская область, город Копейск; Новоаптула Аромашевского, Чебурга Тобольского, Карбаны, Чечкино, Сеиты, Юртобор Ярковского, Аслана, Новоательялово Ялуторовского, Средние Тарманы Нижнетавдинского, Большие Акияры, Муллаши, Янтык, Чикча Тюменского районов, вся Тюмень, поселок Казарово Центрального района Тюмени...

Разговор пошел о вопросах культурной жизни региона, о том, что волнует присутствующих: о президентском совете по межнациональным отношениям, прошедшем в Ханты-Мансийске, о создании Фонда родных языков народов России, о том, что нам надо подумать о создании областного фонда родных языков имени Якуба Занкиева; говорили о Гаязе Исхаки, Аязе Гилязове, Абдулле Алиш, о великих людях РФ, о переименовании аэропорта Рожино, о Героях Советского Союза и воспитании патриотизма, о памятнике Мусе Джалилю и изготовлении массовым тиражом статуэток – копий знаменитого памятника у Казанского Кремля, о великих земляках – Х.Х. Якине, Х.А. Неатбакове, Т.К. Ишмухамедове, А.М. Калиеве, Ахметрашите Аширбекове, Булате Янтимирове, Раушане Абдуллине, Тимуре Мухутдинове; о знаменитом поэте и прозаике Б.В. Сулейманове, о газете «Хикмет», подписке на бумажную и электронную «Янарыш», о просмотре каналов ТНТ и Домашний, ТНВ Планета и ТНВ Татарстан, о передачах «Татарлар», «Себер йолдызлары», «Яна сулыш», об открытой лекции в Центре тюркологии... Много еще о чем говорили...

Выступали организаторы различных конференций, редакторы газет и телевидения, учителя и библиотекари. Наши бывшие студенты приехали с цветами, прозвучало много слов благодарности. Роза Фастулина из Больших Акияр спела песню Джамили Рахимовой «Әни» («Мама»). Ко мне стали подходить за автографами. Впервые в жизни я, как настоящий писатель, раздавала автографы: надписывала мою любимую книгу «Мама» (переведенный на русский язык рассказ Булата «Әни»). Никто не хотел уходить. Тогда начали фотографироваться на память. Договорились встретиться через год, довести количество пишущих диктант до 100 человек, я сказала, что места в университете всем хватит, ведь это наша историческая родина, наша многонациональная alma-mater, давшая миру выдающихся выпускников. В целом, я считаю, все прошло хорошо, мы сделали большое, нужное, полезное дело!

ПРЕДЛОЖЕНИЯ:

1. Интерес к татарскому языку у молодежи огромен. По просьбе жителей города и области надо возобновить бесплатные курсы. На базе Центра тюркологии в 2015–2016 учебном году с сентября по декабрь мы при поддержке ректората вели бесплатные курсы татарского языка, выдали слушателям 51 сертификат. Нынче в октябре 2018 г. провели бесплатные экспресс-курсы. Центр тюркологии подчиняется ректору, работает на хозрасчетной основе, руководитель не имеет фиксированной зарплаты. Необходимо проработать вопросы об оплате труда руководителя и преподавателей. Как один из вариантов, это могут быть гранты – от Комитета по делам национальностей Тюменской области (Евгений Михайлович Воробьев), от Всемирного конгресса татар (Шайхразиев Василь Гаязович), Конгресса татар Тюменской области (Саттаров Нурулла Гарифуллович).

2. Увеличить число татарских площадок по проведению диктанта за счет районов, крупных школ, где трудятся выпускники ТюмГУ. Тобольский пединститут, центр культуры «Досуг», 15 школа, Вагайский район – Казанка, Тукуз, Ярковский район – Варвара, Ялуторовский район – Аслана, Нижнетавдинский район – Средние Тарманы, Исетский район – Ингал, Аромашевский район – Новоаптула, Уватский район – Уват...

3. «Татарча диктант» ежегодно освещается в СМИ. В рекламных проспектах необходимо давать их логотипы: областная газета «Янарыш», областная газета «Хикмет», ООО «Сибинформбюро», «Тюменское время», «Яна сулыш», «Себер йолдызлары», ТНВ «Планета», ТНВ «Татарстан», ГТРК «Регион-Тюмень» «Дусларга сукмак». Готовить для корреспондентов СМИ Почетные грамоты, Благодарности за подписью республиканских и областных руководителей.

4. 27 октября 2018 г. КТТО подарил всем книгу Сулейманова «Мама» на двух языках. В 2019 г. надо издать и подарить книгу «Мама» на 8 языках (татарский, русский, турецкий, казахский, башкирский, карачаево-балкарский, крымскотатарский, чувашский). Подарить книгу «Исторический ономастикон сибирских татар», «История и культура сибирских татар», «Образцы устного народного творчества тюменских, тобольских, тарских, тевризских, эсколбинских татар» В.В. Радлова. Переиздать и подарить «Словарь диалектов сибирских татар» Д.Г. Тумашевой. Привезти и подарить «Татарско-русский словарь» Ф.А. Ганиева.

5. Создать экспертный совет по проведению «Татарча диктант».

ИСТОРИЯ НАУКИ, ДОКУМЕНТЫ

ИСТОРИЯ СБОРА, ИЗДАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ КАРАКАЛПАКСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

П.Ж. Отениязов

г. Нукус (Узбекистан)

Резюме: Самым широко распространенным жанром устного народного творчества каракалпаков являются сказки. Об этом свидетельствуют их многочисленные образцы, собранные с начала 1930-х по 1980-е гг. прошлого века на территории республики Каракалпакстан и ныне находящиеся в рукописном фонде Фундаментальной библиотеки Научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан.

Ключевые слова: сказка, рукописный фонд, фундаментальная библиотека, экспедиция, этнография, фольклор, каракалпаки, национальный менталитет, Средняя Азия, легенда, предания, эпос.

Самым широко распространенным жанром каракалпакского народного творчества являются сказки. Об этом свидетельствуют их многочисленные образцы, собранные с начала 1930-х годов прошлого столетия на территории Республики Каракалпакстан и ныне хранящиеся в рукописном фонде Фундаментальной библиотеки Научно-исследовательского института гуманитарных наук Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан.

Сбор этнографических и фольклорных материалов в данном регионе начался еще в 40-х годах XVIII века. Осенью 1740 г., в самом конце правления императрицы Анны Иоанновны, была организована специальная экспедиция, которой было поручено собрать материал по географическим и геологическим особенностям региона после присоединения части Средней Азии к Российской империи. В ходе этой экспедиции специалисты-естествоиспытатели наряду с географическими данными собрали материалы по этнографии и фольклору местного населения, которые были необходимы для административных целей, а также для изучения национального менталитета местных жителей.

В 1740-е годы участники первой научной экспедиции Муравин и Гладышев по пути от Орска до Хивы производили первые записи по этнографии и фольк-

---

Отениязов Полат Жуманиязович – младший научный сотрудник Отдела каракалпакского фольклора Каракалпакского научно-исследовательского института Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан; e-mail: polatniyaz1985@mail.ru

лору каракалпаков, обитающих в низовьях Сырдарьи, куда вошли отдельные тексты и несколько каракалпакских легенд и сказок [Ханыков 1851].

Первые записи фольклорных материалов не были опубликованы и введены в научный оборот. В те же годы П.И. Рычковым были записаны несколько легенд, преданий и сказок [Рычков 1759].

Спустя век русский художник, этнограф и писатель Н.Н. Каразин в каракалпакском городе Чимбае из уст одной пожилой женщины записывает полный текст каракалпакской сказки под названием «Сказка о женском царстве». Николай Николаевич подготовил текст данной сказки к изданию и опубликовал его в 1875 году в многотомнике «Древняя и новая Россия» [Древняя и новая Россия 1875].

Впоследствии выдающийся археолог и исследователь Средней Азии С.П. Толстов, видный ученый-этнограф Т.А. Жданко, а позднее каракалпакские ученые Н. Давкараев и К. Максетов, опираясь на результаты многолетних исследований по истории каракалпаков и генезиса фольклорных жанров, сделали научно обоснованное заключение о том, что сюжет данной сказки послужил основой для формирования каракалпакского народного эпоса «Кырк кыз» («Сорок девушек»), который был признан шедевром мирового фольклора.

В 1890 г. А. Россикова, посетив город Петро-Александровск, административный центр Сырдарьинской области в целях сбора статистического материала, произвела запись нескольких каракалпакских сказок и издала «Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области» [Сборник 1891].

В 50-х гг. XIX в. член Русского географического общества, известный ученый-этнограф и фольклорист Ч. Валиханов наряду с этнографическими материалами записал также тексты фольклорных произведений, в том числе несколько каракалпакских народных сказок [Валиханов 1904].

Во второй половине XIX в. в связи с усилением внимания правительства Российской империи и западных ученых к Средней Азии и Казахстану повысился интерес к духовным ценностям проживающих здесь народов. Целью посещения этого региона известным ученым А.Л. Куном стал сбор материалов по фольклору данного региона. Исследователь посещает некоторые каракалпакские города – такие, как Чимбай, Кунград, которые считались тогда крупными культурными центрами, а большей частью их населения были каракалпаки. Тщательное ознакомление с бытом и менталитетом местного населения помогает ему собрать множество материалов по фольклору; им были записаны многие легенды, предания и сказки. Результаты его трудов публикуются в серийном издании «Туркестанские ведомости» [Кун 1874].

С похожей целью изучения быта, обычаев и традиций местных жителей в эти места приезжает иранский посол и ученый Риза Кули Мирза. Посетив Амударьинскую область, он тоже записывает тексты многих фольклорных произведений, в том числе каракалпакских сказок. Его записи были опубликованы в «Кратком очерке Амударьинской области» в 1875 г. [Кули-Мирза 1875].

Хотя первые, наиболее ранние сборники и публикации фольклорных произведений каракалпаков и не носили систематического характера, тем не менее, они имели большую ценность для дальнейшего изучения каракалпакского фольклора.

Систематический сбор, исследование и издание памятников каракалпакского устного народного творчества, в том числе сказок, началось в первой половине прошлого века. После получения статуса автономной республики в политиче-

ской и культурной жизни региона происходят глобальные изменения: совершаются реформы в системе образования, уделяется внимание изучению истории и культуры каракалпаков. По инициативе местных властей и российских ученых в 1930 г. в Каракалпакской республике организуется Комплексный научно-исследовательский институт, в составе которого создается сектор по изучению языка и литературы каракалпакского народа. Научные сотрудники данного института известный ученый Н.А. Баскаков и один из основателей каракалпакской фольклористической науки К. Аимбетов организуют первые фольклорные экспедиции, целью которой является сбор фольклорных и этнографических материалов. Автор первых трудов по изучению каракалпакского языка Н.А. Баскаков в издание своего капитального труда «Каракалпакский язык» включает тексты 50 каракалпакских сказок, записанные в ходе организованных им научных экспедиций. В это научное издание были включены классические образцы каракалпакских сказок – таких, как «Старик, который рассказывал сто небылиц», «Трусливый старик», «Белая кость», «Царь Карахан», «Рожденный от лошади», «Пастух», «Дочь хана», «Крестьянин, нашедший золото», «Белая курица», «Сын богача», «Три друга», «Четыре брата», «Женитьба Жиренше», «Борьба за ханскую дочь», «Рассказы Бухарского и Хорезмского ханов», «Утка и лягушка», «Сирота», «Клоун, перехитривший сатану», «Лгун», «Лысый Алдар», «Рыбак», «Ауезмурат-трус» и др. [Баскаков 1951]. Издание книги «Каракалпакский язык» стало первым крупным результатом в деле изучения и сбора каракалпакских сказок.

Сбор образцов каракалпакского фольклора активно проводился с 1936 по 1950 гг., в этот период наряду с учеными в нём принимали участие ученики средних учебных заведений, студенты техникумов и вузов, преподаватели и грамотные представители местного населения различных возрастов. Наиболее активными участниками сбора были студенты Чимбайского педагогического техникума К. Баймуратов, Р. Бабаназаров, Б. Гаипов, К. Тажимуратов, студент Турткульского музыкального училища К. Палымбетов, студенты Шораханского сельскохозяйственного техникума О. Айтмаганбетов, М. Нурманов и Б. Байдашев. Ими было собрано большое количество образцов различных жанров фольклора и записаны тексты более ста сказок. Члены научных экспедиций, организованных Комплексным научно-исследовательским институтом, К. Аимбетов, О. Кожуров, И. Юсупов и С. Бекназаров собрали свыше 200 образцов каракалпакских сказок на территориях Чимбая, Кунграда, Тахтакупыра и Кегейлинского районов. Наряду с учеными в сборе фольклорных материалов активно принимали участие и члены Союза писателей во главе с А. Бегимовым.

Комплексный научно-исследовательский институт был координационным центром в деле сбора образцов народного творчества. Здесь интенсивно велись научно-исследовательские работы по изучению каракалпакского устного народного творчества. В этот центр науки со всех концов республики пересылались самые ценные материалы по каракалпакскому фольклору. В результате этих широкомасштабных работ в институте был организован рукописный фонд, который стал основным источником в исследовании и издании образцов каракалпакского устного народного творчества.

В 1940 г. выходит первое издание сказок «Каракалпакские народные сказки», которые подготовил к печати К. Аимбетов, известный уже тогда как большой

знаток каракалпакского устного наследия [Каракалпакские народные сказки 1940]. В 1941 г. выходит издание «Народные сказки и песни» [Халык ертеклери менен косыклары 1941]. Данный выпуск был подготовлен Н. Жапаковым, видным каракалпакским ученым-литературоведом. В издание вошли ранее не изданные образцы сказок. В том же году появляется еще одно издание, которое подготовил к печати известный каракалпакский писатель и поэт А. Шамуратов [Шамуратов 1941]. Данное издание было предназначено для учащихся начальной школы в качестве хрестоматии.

Наиболее качественные на то время переводы каракалпакских народных сказок на русский язык были сделаны Н.А. Баскаковым в его работе «Каракалпакский язык». Хотя тексты сказок, вошедших в данное издание, были предназначены для изучения диалектологических особенностей каракалпакского языка, они представляют большой интерес и для изучения жанров каракалпакского фольклора.

Первые научные исследования каракалпакских народных сказок связаны с именем родоначальника каракалпакской литературоведческой науки Н. Давкараева. В начале 50-х гг. ученый работал над вопросами истории каракалпакской литературы и фольклора, которые он позднее изложил в своей монографии «Дореволюционная каракалпакская литература» [Давкараев 1959].

В этой работе ученый впервые отдает должное трудам первопроходцев в деле собирания каракалпакского фольклорного наследия, таких как Д. Гладышев, И. Муравин, Н.М. Карамзин, П.И. Рычков, Н. Муравьев, Ч. Валиханов, Березин, А.Л. Кун, А. Россикова и определяет их место в развитии каракалпакской фольклористики. Автор в своей книге уделяет внимание проблеме систематизации и классификации прозаических жанров каракалпакского фольклора, делает попытку определить основные принципы классификации устной прозы и вырабатывает научные критерии для определения видов каракалпакского повествовательного фольклора, в том числе сказок. Подчеркивая специфические особенности и общность каракалпакских сказок, ученый останавливается на вопросах их поэтики и образной системы.

Плодотворными для исследования и сбора каракалпакских народных сказок были и 60–80-е годы прошлого века. В конце 1959 г. в республике открывается Каракалпакский филиал Академии наук Республики Узбекистан, в состав которого входит научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Вновь организованный институт теперь имел более широкий научный потенциал и финансовые ресурсы. Это дало широкие возможности для исследования литературы и фольклора, организации научных экспедиций. В институте особое внимание было уделено подготовке квалифицированных кадров. При институте был организован специальный сектор, изучающий каракалпакский фольклор. Систематически организовывались фольклорные экспедиции на территории республики.

В эти годы в каракалпакской фольклористической науке появились новые имена. Это такие ученые, как К. Максетов, К. Мамбетназаров, А. Алымов, А. Каримов, О. Ерполатов, М. Низаматдинов, Т. Нийетуллаев и другие, которые заложили прочную основу для исследования и сбора образцов каракалпакского фольклора. Ими были организованы фольклорные экспедиции не только на территории Хорезмского оазиса, где была сосредоточена основная часть каракалпакков, им также удалось собрать богатый фольклорный материал у каракалпаков,

проживающих в Бухарской, Наманганской, Самаркандской и Ферганской областях. В собранные ими материалы вошли более 50 каракалпакских сказок.

К этому периоду Рукописный фонд Фундаментальной библиотеки значительно обогатился записями текстов каракалпакских народных сказок. По подсчетам специалистов, в рукописном фонде имелись рукописи 2500 национальных сказок.

С начала 70-х гг. в секторе Каракалпакского фольклора вышеуказанного научно-исследовательского института начались работы по подготовке многотомника каракалпакского фольклора. В секторе параллельно с научно-исследовательскими работами велись и работы по подготовке I и II тома данного многотомника. Запланированные тома выходят в свет в 1977 г.; в них вошли тексты 154 каракалпакских народных сказок, 128 из которых ранее не издавались. Благодаря данному изданию современным читателям стали известны такие замечательные образцы каракалпакских сказок, как «Абат-богатырь», «Деревянный конь», «Справедливый царь», «Зийба и Зийнеп», «Мальчик, который купил советы», «Горбун», «Братья-близнецы», «Золото не ржавеет, мудрость не оставит в беде», «Сироты», «Сын медведя», «Мальчик и змея», «Настоящая дружба», «Кто сильнее», «Хитрый осел», «Мудрая женщина и глупый царь» и др.

Последнее издание отличается не только количеством включенных в него сказок, но и прежде всего научным подходом: большое внимание в процессе подготовки уделялось выработке принципов фольклорной текстологии. В разработке этих принципов особенно велика заслуга фольклориста К. Мамбетназарова. В результате его тщательного исследования рукописей впервые в наиболее полном виде были подготовлены к печати тексты избранных каракалпакских народных сказок. Издание было снабжено историческими, этнографическими и фольклористическими комментариями, словарем и предисловием, посвященным специфическим особенностям каракалпакской сказки.

В 70–80-е гг. каракалпакская фольклористика достигла немалых успехов и в научно-теоретическом исследовании сказок. Среди таких публикаций можно выделить работу Н. Жапакова «Проблемы реализма в дореволюционной каракалпакской литературе». В данном труде ученый, анализируя специфические особенности национальных сказок, делает заключение о том, что «каракалпакский народ не только получает эстетическое наслаждение от творимых ими сказок, он видит в них свою реальную прошлую историю и получает необходимые уроки жизни» [Жапаков 1972].

В исследовании каракалпакской национальной сказки особое место занимают труды фольклориста К. Мамбетназарова. Ему принадлежит первый монографический труд «О каракалпакских сказках», изданный в 1981 г. [Мамбетназаров 1981]. Ученым было написано более 50 научных статей, посвященных проблемам научно-теоретического исследования каракалпакской сказки. Ему принадлежат первые, затрагивающие многие аспекты исследования по проблемам классификации каракалпакских сказок, уточнение их специфических особенностей, выделение основных направлений идейных и художественных особенностей и образной системы. Результаты его научных трудов по каракалпакским сказкам до сих пор используются в учебниках для высших и средних учебных заведений.

Наряду с научными исследованиями сказок и их изданием велись работы и по представлению их иноязычным читателям. В 1959 г. отдельным изданием вы-

ходит первое собрание каракалпакских народных сказок на русском языке. Переводы были выполнены А.А. Волковым и И.С. Майоровым. В 1968 г. выходит в свет второе издание под названием «Диковины Аму» с переводами М.И. Шевердина и И. Шевердиной. С 1950 г. по 1980 г. многие каракалпакские народные сказки на русском языке были включены в сборники из серии «Сказки народов мира».

К этому периоду издания и популяризации каракалпакских сказок относятся и работы по их публикации в детских и молодежных газетах «Жеткиншек» и «Жас ленинши». В редакции газет их представляли юные энтузиасты сбора народных сказок. Осведомленные о существовании рукописного фонда, где хранятся образцы устного народного творчества, работники редакций сдавали в этот фонд множество текстов еще не изданных сказок.

В годы национальной независимости (с начала 90-х гг.) каракалпакская фольклористика вступила в новый этап своей исследовательской деятельности. Открылись широкие возможности объективной оценки ранее не изученных и игнорировавшихся по идеологическим причинам образцов народного творчества. Всесторонне оценивая научные достижения предыдущих этапов в изучении национального фольклора, нельзя было не учесть и некоторые негативные стороны, обусловленные политическими и идеологическими соображениями того времени. Они оказали свое влияние и на исследование национальных сказок. Почти во всех предыдущих изданиях каракалпакских сказок к печати допускались только те образцы, которые соответствовали критериям политической цензуры. По этой причине многие другие образцы, которые ярко выражали национальный менталитет, остались вне поля зрения специалистов, многие из них были отредактированы по строгому существовавшему тогда шаблону. Все эти негативные факты в исследовании национальных сказок вынудили специалистов пересматривать первые записи текстов уже изданных сказок.

Вооруженное новыми научными методами в исследовании национального фольклора, нынешнее поколение каракалпакских фольклористов приступило к новой работе по изданию образцов каракалпакского устного народного творчества. По инициативе каракалпакских фольклористов во главе с доктором филологических наук С. Бахадыровой был запланирован широкомасштабный проект по изданию 100 томов образцов каракалпакского фольклора. В рамках этого проекта в 2007 г. началась работа по изданию каракалпакских народных сказок. В течение нескольких лет под руководством ведущих фольклористов Ж. Хошниязова и А. Альниязова рабочая группа ученых вела работу по текстологическому анализу рукописей, неизданных образцов каракалпакских народных сказок, которые хранились в рукописном фонде Фундаментальной библиотеки. Из имеющихся в фонде 2500 образцов сказок для издания были выбраны тексты 366 сказок. На втором этапе работы, исходя из результатов по изучению специфических особенностей каракалпакских национальных сказок, была разработана их новая классификация, и они были разделены на группы согласно этой классификации. В издание вошли и ранее изданные сказки, тексты которых были искажены в ходе их текстологического анализа. Для восстановления текста специалисты пользовались первоисточниками. Сборник снабжен словарем, комментариями, которые содержат информацию об источниках издаваемых сказок, и предисловием. Книга издана в издательстве «Илим» в 2014 г.

На современном этапе исследования каракалпакской литературы и устного народного творчества ученые научно-исследовательского института проводят фундаментальное исследование теоретических проблем жанров каракалпакского устного народного творчества и письменной литературы, куда были включены и исследования теоретических проблем каракалпакских народных сказок.

Значительное место в данных исследованиях, посвященных изучению каракалпакской национальной сказки, уделено особенностям генезиса сказок и их типологическому изучению. Результаты этой работы были освещены в научных статьях фольклористов Ж. Хошниязова и П. Утениязова, а также автора данной статьи [Хошниязов, Отениязов 2012; Отениязов 2011а; Отениязов 2011б; Отениязов 2012а; Отениязов 2012б; Отениязов 2012в; Отениязов 2013; Утениязов, Сапарниязов, 2013].

Немалая работа была проведена и по ознакомлению с каракалпакскими сказками европейских читателей. В 1985 г. в Германии вышло в свет первое собрание каракалпакских сказок на немецком языке под названием «Karakalpakische Märchen» («Каракалпакские сказки») [Reichl 1985]. Их перевод был осуществлен известным немецким ученым и знатоком каракалпакского устного народного творчества Карлом Райхлом. В 2005 г. в Канаде в издательстве «Виктория» издано собрание каракалпакских сказок на английском языке в переводе К. Утегенова [Utegenov 2005].

Подводя итоги уже проделанной работы по исследованию и изданию каракалпакских народных сказок, можно сделать вывод о том, что она еще не завершена и перед каракалпакскими фольклористами стоят новые задачи по их изучению.

Литература

- Ханыков 1851 – Гладышев Д., Муравин И. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 гг. Гладышевым и Муравиным. Издана с приобщением современной карты Миллера пути от Орска до Зюнгорских владений и обратно Я.В. Ханыковым. Санкт Петербург, 1851. {Khanikov, Ya.V. *The 1740–1741 Round-Trip Journey from Orsk to Khiva of Gladyshev and Muravin. Edited by Ya.V. Khanikov with addition of a contemporary map of route from Orsk to Zyungor estate and backwards made by Miller. Saint-Petersburg, 1851.*}
- Рычков 1759 – Рычков П.И. История Оренбургской губернии // Сочинения и переводы, 1759, август. {Rychkov, P.I. *History of the Orenburg Governorate // Works and Translations, 1759, August.*}
- Древняя и новая Россия 1875 – Древняя и новая Россия. 1875. Т.III. {The Ancient and New Russia. 1875. Volume 3.}
- Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. Изд. 1891 г. {The Compendium of Data for Statistics of the Syr Darya Region. Edited in 1891.}
- Валиханов 1904 – Валиханов Ч. Сочинения, изданные под редакцией Н.И. Веселовского в записках Русского географического общества по отделению этнографии. – Санкт Петербург, 1904. Том XXIX. {Valikhanov, Ch. *Works, edited and organized by N.I. Veselovsky in the Notes of Russian Geographical Society, Department of Ethnography.* – Saint-Petersburg, 1904. Volume 29.}
- Кун 1874 – Кун А.Л. Культурный оазис Хивинского ханства. Туркестанские ведомости, 1874. № 8 (от Ходжейли до Кунграда), № 9 (от Кунграда до Чимбая). {Kun, A.L. *The Cultural Oasis of the Khanate of Khiva. Turkestanakiye Vedomosti, 1874. #8. (From Khodzheyli to Kungrad); #9. (From Kungrad to Chimbay).*}
- Кули-Мирза 1875 – Риза Кули-Мирза. Краткий очерк Амударьинской области. – Санкт Петербург, 1875. {Riza Kuli-Mirza. *A Concise Review of the Amu Darya Region.* – Saint-Petersburg, 1875.}

- Баскаков 1951 – Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. т. I. – М., 1951. {Baskakov N.A. The Karakalpak Language. Volume I. – Moscow, 1951.}
- Каракалпакские народные сказки 1940 (Қарақалпақ халқ ертеклери). – Турткуль, ҚМБ, 1940 (на каракалп. яз.). {Karakalpak Folk Tales. – Turtkul, KMB, 1940. (In Karakalpak.)}
- Халқ ертеклери менен косықлары 1941 (Народные сказки и песни). – Турткуль, ҚМБ, 1941 (на каракалп. яз.) {Folk Tales and Songs. – Turtkul, KMB, 1941. (In Karakalpak.)}
- Халқ ертеклери 1941 (Народные сказки). – Турткуль, ҚМБ, 1941 (на каракалп. яз.). {Folk Tales. – Turtkul, KMB, 1941. (In Karakalpak.)}
- Давкараев 1959 – Давкараев Н. Очерки по истории дореволюционной каракалпакской литературы. – Ташкент, АН УзССР. 1959. {Davkarayev, N. *Essays on the Pre-Revolution Karakalpak Literature*. – Tashkent, Academy of Sciences of UzSSR. 1959.}
- Жапаков 1972 – Жапақов Н. Революцияға шекемги каракалпақ адебиятында реализм мәселеси. – Нукус, Каракалпакстан, 1972. – С.12 (на каракалп. яз.). {Zhapakov, N. *The Question on Realism in Pre-Revolution Karakalpak Literature*. – Nukus, Karakalpakstan, 1972. – P. 12. (In Karakalpak.)}
- Мамбетназаров 1981 – Мәмбетназаров К. Қаракалпақ ертеклери ҳаққинда. (О каракалпакских сказках.) – Нукус, Каракалпакстан, 1981 (на каракалп. яз.) {Mambetnazarov, K. *On Karakalpak Tales*. – Nukus, Karakalpakstan, 1981. (In Karakalpak.)}
- Отениязов 2011а – Отениязов П.Ж. Қаракалпақ фольклоринда көшпели сюжетлер // Әмиўдәрйя. 2011. № 6. {Oteniyazov P.Zh. *The so-called Nomadic Story-Lines (Plots) in Karakalpak Folklore* // Amu Darya. 2011. #6.}
- Отениязов 2011б – Отениязов П. Қаракалпақ халық ертеклеринде көшпели сюжетлер // Материалы международной конференции Устойчивое развитие Южного Приаралья. Нукус. 4 ноябрь, 2011 г. {Oteniyazov P. *The so-called Nomadic Story-Lines (Plots) in Karakalpak Folklore* // Data of the International Conference: The Stable Development of Southern Aral Region. Nukus. November 4, 2011.}
- Отениязов 2012а – Қаракалпақ халық ертеклериниң жыйналыў, изертлениў хәм жарияланыў мәселелери // ӨзРИА ҚБ Хабаршысы. 2012. № 3. {*The Questions on Collecting, Research and Publication of the Karakalpak Folk Tales* // Bulletin of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of Uzbekistan. 2012. #3.}
- Отениязов 2012б – Отениязов П.Ж. Ертеклерде түлки образы // Материалы XII республиканской научной конференции молодых ученых Каракалпакстана 20 апреля 2012 г. {Oteniyazov, P.Zh. *The Image of Fox in Tales* // Data of the 12th Republican Scientific Conference of Young Researchers of Karakalpakstan, April 20, 2012.}
- Отениязов 2012в – Отениязов П.Ж. Қаракалпақ халық ертеклериниң контекстинде жәмийетлик мотивлер // Материалы XII республиканской научной конференции молодых ученых Каракалпакстана 20 апреля 2012 г. {Oteniyazov, P.Zh. *The Social Motives in the Context of Karakalpak Folk Tales* // Data of the 12th Republican Scientific Conference of Young Researchers of Karakalpakstan, April 20, 2012.}
- Отениязов 2013 – Отениязов П. Қаракалпақ ертеклери хәм дастанларың дүнья жүзилик тиллерге аўдарыў хәм жариялаў мәселелери // ӨзРИА ҚБ Хабаршысы. 2013. № 2. {Oteniyazov, P. *On the Question of Translation of Karakalpak Tales and Poems into the Languages of the World* // Bulletin of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of Uzbekistan. 2013. #2.}
- Отениязов, Сапарниязов 2013 – Отениязов П., Сапарниязов А. Роль исторических источников при определении генезиса каракалпакских народных сказок (На примере научных трудов академика С. Камалова) // ӨзРИА ҚБ Хабаршысы. 2013. № 3. {Oteniyazov, P., Saparniyazov, A. *The Importance of Historical Sources in Determination of Genesis of Karakalpak Folk Tales (Describing Examples of Works of Academician S. Kamalov)* // Bulletin of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of Uzbekistan. 2013. #3.}
- Хошаниязов, Отениязов 2012 – Хошаниязов, Отениязов. Қаракалпақ халық ертеклериниң классификациясы мәселелери // ӨзРИА ҚБ Хабаршысы. 2012. № 4. {Khoshniyazov, Zh.Kh., Oteniyazov, P.Zh. *On the Question of Classification of Karakalpak Folk Tales* // Bulletin of the Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of Uzbekistan. 2012. #4.}
- Reichl 1985 – Reichl Karl. Karakalpakische Märchen. Studienverlag dr. n. Brockmeyer. – Bochum, 1985.
- Utegenov 2005 – Utegenov Quatbay. Karakalpak folk tales. – Victoria, Trafford publishing, Canada. Offices in Canada, USA, Ireland and United Kingdom. 2005. Page 393.

The history of the collection, edition and research of the Karakalpak national fairy tales

Polat Oteniyazov

Nukus (Uzbekistan)

Summary: The most widely widespread genre of the Karakalpak oral national folklore is fairy tale. Numerous samples assembled from the beginning of 1930's till 1980's of the last century in territories of the modern republic testify to this statement. Nowadays most of them are saved in hand-written fund of Fundamental Library of Research Institute of Humanitarian Sciences of the Karakalpak branch of an Academy of Sciences of Republic of Uzbekistan.

Keywords: Fairy tale, hand-written fund fundamental library, expedition, ethnography, folklore, Karakalpaks, national mentality, Central Asia, legend, epos, regular tax, research and editions of monuments Karakalpak of oral national creativity.

ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ В ТУРКЕСТАНЕ НА ПРИМЕРЕ КОМУНИВЕРСИТЕТОВ (1917–1924 гг.)

Б.Т. Мирзаджанов
г. Наманган (Узбекистан)

Резюме: В статье приводится информация о работе по подготовке руководящих кадров в системе управления Туркестана в 1917–1924 гг. Основным механизмом подготовки руководящих кадров в Туркестане и для Туркестана в рассматриваемый период являлись советские партийные школы, а также Коммунистические университеты. Рассматриваются методы набора в учебные заведения, образовательный процесс, структура университетов, количество обучавшихся и выпускников в конкретный период, последующее распределение на ответственные посты в политическом и экономическом управлении Туркестана.

Ключевые слова: партия, система управления, кадры, назначение, структура, советы.

Современный Узбекистан представляет собой сильное и стабильное государство, проводящее свою собственную независимую политику. Реализуя свою тактику развития государства, Узбекистан опирается на многовековые традиции и опыт своей государственности, что, конечно же, проявляется и в кадровой политике. На основе всемерного анализа и учета доступных материалов выяснилось, что в стране проводится гибкая политика в кадровой сфере, учитывающая все нюансы и сложившуюся обстановку в каждом регионе страны. Вопросы кадровой политики – подготовки, учета, подбора и расстановки будущих служащих и сотрудников – являлись и являются одним из основных факторов успешного функционирования любого учреждения, а в более широком масштабе, и государства.

В недалеком, с исторической точки зрения, прошлом нашей страны – в период формирования власти Советов – в данном регионе кадровый вопрос также играл немаловажную роль в сфере государственного строительства.

После принятия 30 апреля 1918 г. Положения «О Туркестанской автономной Советской республике» основным вопросом повестки дня стало формирование механизма руководящих работников в Туркестане. За рассматриваемый период, с 1918 по 1924 г., была организована плановая и системная подготовка кадров посредством механизма учебных и советско-партийных заведений. В ноябре 1918 г. при Народном комиссариате по национальным делам (Наркомнац) Туркестанской республики были открыты двухмесячные организационно-инструкторские

Мирзаджанов Бахтиёр Тулкунович – старший преподаватель Наманганского государственного университета (Узбекистан); e-mail: baht_mir@mail.ru, ilmiy@inbox.ru

курсы с контингентом в 60 человек, а в мае 1919 г. – четырехмесячные организационно-агитационные курсы с контингентом в 80 человек. К октябрю 1919 г. курсы произвели три выпуска, в количестве 99 человек.

Особенно остро стоял вопрос руководящих кадров из «коренных народов» Туркестана. Так, в информационной сводке от 1 июня 1922 г., касающейся соотношения коренных и некоренных работников в краевом комиссариате продовольствия, отмечалось, что на 150 работников интеллектуального труда из коренных национальностей имеется лишь 4 человека.

Впоследствии на основе курсов была создана тюркское отделение партийно-советской школы. А базой для организации Европейской школы партийно-советской работы стали созданные в Ташкенте по линии Наркомпроса¹ Туркестанской Республики в феврале 1919 года трехмесячные «инструкторские» курсы². В письме Наркомнаца Туркеспублики в Наркомпрос от 15 октября 1920 содержалось указание «об отправлении на учебу женщин из коренного населения»³.

20 июля 1919 года Крайком КПТ открыл в Ташкенте Центральную Европейскую школу партийной и советской работы на 75 слушателей, её заведующим был назначен А.Ф. Солькин⁴.

В первые годы советской власти для подготовки военных кадров национальных частей большую роль сыграла школа военных инструкторов, ранее эвакуированная в Ташкент из Оренбурга⁵.

Политотдел Реввоенсовета Туркфронта также сыграл немалую роль в подготовке кадров. В октябре 1919 года в Ташкенте была открыта центральная партшкола Политуправления Туркфронта с четырьмя национальными отделениями: русским, тюркским, венгерским и немецким. Школа готовила агитаторов, пропагандистов, руководителей партизеек Красной Армии, работников по организации библиотечного, клубного, театрального дела⁶. По итогам двух наборов этой школы было выпущено 530 партийных, советских и политических работников⁷. Подготовка политработников проходила в областных партийных школах, где постоянно обучалось около 200 слушателей⁸. Курсы и школы для подготовки кадров были открыты в таких областных и уездных городах, как Пржевальск (декабрь 1918 г.), Пишпек, Верный (1919 г.) и др. На базе этих курсов и школ в конце

¹ Наркомпрос – народный комиссариат просвещения.

² Центральный государственный архив РУз (ЦГА РУз), ф. Р-34, оп. 1, д. 180, л. 68.

³ *Насретдинова Д.* Туркистон маданият хаётида татар аёллари. Тошкент, Yangi nashr. 2015. С. 123.

⁴ Протоколы и доклады ТуркЦИК // Центральный государственный архив РУз (ЦГА РУз), ф. Р-34, оп. 1, д. 172, л. 140.

⁵ *Расулов А.* Туркистон ва Волгабууйи, Уралолди халклари ўртасидаги муносабатлар (1917–1924 йиллар). Тошкент, Университет. 2005. С. 78.

⁶ Инструкт-информационный отдел ЦК КПТ // Архив Аппарата Президента РУз (ААП РУз), ф. 60, оп. 1, д. 816, л. 1.

⁷ *Назаров С. А.* Руководство ЦК РКП(б) партийным строительством в Средней Азии. Ташкент, 1972. С. 277.

⁸ *Азизханов А.* Роль Туркбюро ЦК РКП(б) в организации партийно-политической работы в войсках Туркестанского фронта // Общественные науки Узбекистана. № 01. 1967. С. 12–15.

1920 года решением ЦК КПТ во всех областных центрах были организованы областные партийные школы⁹.

На заседании Кокандского Революционного Комитета от 23 декабря 1920 года ввиду полного отсутствия опытных мусульманских работников и необходимости подготовки таких кадров было принято решение о создании краткосрочных курсов Совработы. Курсы открывались в старгородской части, а райкому партии и бюро профсоюзов было предписано выделить от 20 до 30 способных молодых «работников мусульман», а также разработать элементарную программу курсов и с 5 января следующего года приступить к занятиям¹⁰.

В январе 1919 года при Туркестанском народном университете, созданном ещё в марте 1918 года, был организован рабочий факультет с двумя секциями – европейской и тюркской, т. е. для европейцев и местных народов. В феврале 1919 года на рабфаке обучалось 100 студентов¹¹.

В июле 1919 года в Ташкенте была открыта Центральная школа советской работы, переименованная затем в Центральную европейскую школу партийной и советской работы при крайкоме Компартии Туркестана. Школа имела три отделения: партийное, политико-юридическое и экономическое. В школу принимались в основном лица европейского происхождения. В июне 1920 года состоялся первый выпуск школы из 138 человек, среди которых были 120 мужчин и 18 женщин¹².

В октябре 1919 года на базе организационно-агитационных курсов была создана Центральная тюркская школа партийных и советских работников при Туркестанском краевом Мусбюро. Школа должна была готовить руководящих работников для Туркестанской республики. Она имела такие же три отделения, как и Центральная европейская школа. В школу принимались только представители местных народов. Занятия велись в основном на их языках.

Первый выпуск Центральной тюркской школы в количестве 50 человек состоялся в мае 1920 года. Выпускники были направлены в крайком Компартии Туркестана, в крайком комсомола, в Совнарком республики и другие центральные, областные, уездные партийные и советские органы¹³.

В соответствии с решением крайкома Компартии Туркестана от 28 марта 1920 года партийные школы создавались также в областных центрах – Самарканде, Ашхабаде, Фергане, Оше и других городах.

---

⁹ Великая октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Киргизии. 1917–1920 гг. Документы и материалы, Фрунзе, 1957. С. 31.

¹⁰ Протоколы собраний комячеек Угоркомов европейской секции Кокандского угоркома // Ферганский архив Аппарата Президента РУз (ФГА АПРУз), ф.1, оп. 1а, д. 290, л. 14.

¹¹ Культурное строительство в Туркестанской АССР (1917–1924 гг.) // Сборник документов. Т. 1. Ташкент, 1973. С. 310–311.

¹² *Веряскин В.Г.* Из истории первых школ советских, партийных и военных работников в Туркестане (1918–1920 гг.) // Ученые записки Ташкентского госпединститута, серия обществ. наук, т. 55, вып. 4. Ташкент, 1963. С. 88.

¹³ *Веряскин В.Г.* Из истории первых школ советских, партийных и военных работников в Туркестане (1918–1920 гг.) // Ученые записки Ташкентского госпединститута, серия обществ. наук, т. 55, вып. 4. Ташкент, 1963. С. 89.

В целом партийные и советские школы, действовавшие в одном только городе Ташкенте, в 1918–1920 гг. подготовили свыше 2100 руководящих кадров, всего 600 человек из которых являлись представителями коренных народов¹⁴, что является весьма показательным фактором отношения власти к коренному населению. Это давало вышестоящим органам возможность в значительной степени укомплектовать подготовленными кадрами партийные и иные органы Туркестанской республики.

Таким образом, к началу 1921 года в Туркестане сложилась система партийно-советских школ, в которую входили: Центральная краевая школа в Ташкенте с двумя отделениями – тюркским и русским – по 250 человек на каждом, областные: в Самарканде – на 60 человек, в Фергане – на 100, в Алма-Ате – на 150, в Полторацке – на 40, в Мерве – на 30, а также уездные школы в Ташкенте – на 120¹⁵.

В августе-сентябре 1921 года постановлением Центрального исполнительного комитета Туркестана Центральная тюркская и Центральная европейская совпартшколы были преобразованы в коммунистические университеты. На базе Центральной тюркской совпартшколы был создан рабоче-дехканский коммунистический университет (РДКУ), а на базе Центральной европейской – Рабоче-крестьянский коммунистический университет (РККУ), которые функционировали параллельно до февраля 1922 года. В них были набраны слушатели пятого набора Центральных совпартшкол, которые стали основной кузницей подготовки руководящих кадров в Туркестане.

Как правило, комуниверситеты и совпартшколы строились строго на классовой основе. В них принимались главным образом рабочие, крестьяне, представители других слоев трудящихся, коммунисты и комсомольцы. Классовый подход к приёму абитуриентов, естественно, отрицательно повлиял на состав слушателей и на всю систему подготовки руководящих кадров в целом. Многие талантливые представители других слоев общества не могли поступить в советско-партийные учебные заведения и пополнить ряды руководящих работников республик Средней Азии. Кроме того, изучаемые в комуниверситетах и совпартшколах общественные дисциплины были пронизаны одной господствующей коммунистической идеологией. Все это в конечном итоге, наложило негативный отпечаток на учебно-воспитательный процесс, привело к ограничению мировоззрения и политического кругозора слушателей.

Учебные заведения по подготовке руководящих кадров создавались по всему Туркестану (см. таблицу).

Как видно из таблицы, в сентябре 1921 года в РДКУ обучался 151 человек, по большей части представители коренных народов. По социальному положению это были преимущественно батраки, крестьяне, рабочие и кустари¹⁶.

В РДКУ изучались общеобразовательные дисциплины, такие как родной и русский языки, математика, природоведение, география, а также общественно-

¹⁴ Туркестанский рабоче-дехканский коммунистический университет им. В.И. Ленина. Ташкент, 1922. С. 23.

¹⁵ Айриева Н.А. Деятельность компартии Туркестана по подготовке партийных и советских кадров (1918–1924 гг.): автореф. дис. канд. ист. наук. Ташкент, 1973. С. 13.

¹⁶ Известия (орган ЦК КПТ и ТуркЦИКа). 1922, 29 апреля.

	Наименование	Всего слушателей	В том числе из коренного населения
1	Рабоче-дехканский коммунистический университет	151	151
2	Рабоче-крестьянский коммунистический университет	149	0
3	Лекторские курсы	22	0
	Всего	322	151
Областные совпартшколы			
1	Сырдарьинская	130	130
2	Самаркандская	83	40
3	Семиреченская	64	25
4	Ферганская	40	20
	Всего	317	215
Уездные совпартшколы			
1	Мервская	64	2
2	Ново-Бухарская	39	0
3	Аулие-Атинская	30	30
4	Никольская	28	28
5	Полторацкая	25	0
	Всего	186	60
	Итого	825	426 ¹⁷

политические курсы – исторический материализм, политическая экономия, история и Программа РКП(б), вопросы партийного и советского строительства, история Туркестана и другие.

В Рабоче-крестьянском Комуниверситете (РККУ) в сентябре 1921 года обучалось 149 слушателей из числа русских и других европейцев¹⁸. Учебная программа в РККУ была та же, что и в РДКУ, с той лишь разницей, что в нем изучалось больше общеобразовательных дисциплин. Срок обучения в обоих университетах составлял девять месяцев.

Кроме этих двух университетов, в конце 1921 года в Туркестане функционировали пять областных и четыре уездных совпартшколы, лекторские курсы и четыре вечерние партшколы. Срок обучения был не более четырех месяцев.

РДКУ изначально находился в ведении ЦК КПТ, позднее он переходит в ведение Туркполитпросвета. Согласно Положению «О рабоче-крестьянском и рабоче-дехканском коммунистических университетах» за № 120 от октября 1921 года¹⁹, Рабоче-крестьянский и Рабоче-дехканский коммунистические университеты являлись высшими школами, которые своей основной целью считали теоре-

¹⁷ Отчет агитпропотдела ЦК КПТ // Архив Аппарата Президента РУз (ААП РУз) ф.60, оп. 1, д. 3241, л. 102–103.

¹⁸ Известия (орган ЦК КПТ и ТуркЦИКа). 1922, 29 апреля.

¹⁹ Отчет о деятельности комуниверситета (САКУ) // Архив Аппарата Президента РУз (ААП РУз) ф.103, оп. 1, д. 3, л. 13.

тическую и практическую подготовку сотрудников из числа рабочих, крестьян и дехкан практических работников в краевые и областные партийные, советские и профессиональные учреждения и организации.

Наряду с этим Рабоче-крестьянский и рабоче-дехканский коммунистические университеты должны были выявлять склонность и способность отдельных студентов к дальнейшему углублению знаний.

Оба университета, существуя отдельно и самостоятельно, строились по одинаковым принципам и по одному типу управления и внутреннего распорядка. В обоих университетах занятия проводились на родных языках, исходя из их направлений. Но в рабоче-дехканском университете, ввиду отсутствия лекторов, владеющих тюркскими языками, лекторам-европейцам должны были выделяться переводчики.

Исходя из менталитета коренного населения, в Рабоче-дехканском коммунистическом университете из студенток-мусульманок формировалась отдельная группа, во главе которой должна была стоять женщина-ассистентка.

Общий курс университета разделялся на теоретическую и практическую части, причем для последней отводилось не менее одной трети учебного времени. Практический курс разделялся на два факультета: советский и партийный. Советский факультет состоял из экономического и административно-правового отделения. В свою очередь, экономическое отделение разделялось на следующие секции: 1) орган производства, 2) транспорта, 3) сельского хозяйства, 4) продовольствия, 5) труда и профессионального движения. Административно-правовое отделение состояло из секций: 1) комиссариата внутренних дел, 2) комиссариата юстиции, 3) Рабоче-крестьянской инспекции.

Партийный факультет делился на пять секций: 1) партийной работы (организаторов, инструкторов и агитаторов), 2) политико-просветительного, 3) проф. отдела, 4) Союза молодежи, 5) Красной армии. По мере необходимости предусматривалась возможность открытия и других секций по соглашению с тем или иным комиссариатом.

Заведующие отделениями и секциями, а также лекторы выделялись соответствующими учреждениями и должны были утверждаться на общем основании²⁰.

Выработка программы и плана практических работ в секциях производилась Туркполитпросветом совместно с представителями соответствующих учреждений и коммунистических университетов²¹.

В отношении снабжения продовольствием и обмундированием студенты коммунистических университетов приравнивались к обучающимся в военно-учебных заведениях. Сотрудники и преподаватели приравнивались к работникам рабфаков. Студенты университета получали равные стипендии с рабфаковцами.

Администрация университета имела право самостоятельно распоряжаться средствами, отпущенными на содержание университета.

Следует отметить, что Коммунистический университет находился под идейным руководством ЦК КПГ, который утверждал представленные Туркполит-

---

²⁰ Отчет о деятельности коммунистического университета (САКУ) // Архив Аппарата Президента РУз (ААП РУз) ф.103, оп. 1, д. 3, л. 13.

²¹ Отчет о деятельности коммунистического университета (САКУ) // Архив Аппарата Президента РУз (ААП РУз) ф.103, оп. 1, д. 3, л. 13об.

просветом кандидатуры ректоров, заведующих отделениями, лекторов, ассистентов, а также программы, методики и другие учебные материалы, разработанные Туркполитпросветом совместно с представителями ЦК КПТ. По своему внутреннему устройству университеты представляли собой самостоятельные организации, ответственные за дела в целом, а в лице своих руководителей – перед ЦК КПТ²².

И, самое главное, как указывалось в Положении, университеты являлись милитаризованными учреждениями, студенты университета проходили военное обучение в соответствии с программой Всеобуча, а сам университет как воинская единица подчинялся командованию лишь во время общей тревоги или объявления военного положения. Во главе университета стоял ректор, который был полностью подотчетен перед ЦК КПТ и Туркполитпросветом. Управление университета делилось на два отдела: учебный и административно-хозяйственный.

Студенты принимали активное участие в работе университета, посылая своих представителей во все коллегиальные структуры и организуя коллегиальные комиссии, согласно особому положению, утвержденному советом университета.

Высшим органом университета являлся Совет университета, который имел довольно широкие полномочия: приспособлял программы, утвержденные ЦК КПТ и Туркполитпросветом, применительно к уровню подготовки студентов, утверждал смету и обсуждал все принципиальные вопросы жизни университета. Он состоял из представителей по одному человеку от каждой структуры: ЦК КПТ, Туркполитпросвета, Туркбюро ВЦСПС, Туркпрода, ректора, заведующего учебной частью, заведующего административно-хозяйственной частью и представителей общего собрания студентов. К тому же правом совещательного голоса обладали все преподаватели и студенты университета. Совет собирался по мере необходимости не реже одного раза в месяц.

Ведение текущей административной работы возлагалось на президиум университета в составе ректора, заместителя по академической части, заведующего административно-хозяйственной частью и по одному представителю от студентов²³. Ректор университета каждую неделю представлял сводки о состоянии университета в Туркполитпросвет и ЦК КПТ²⁴.

Порядок комплектования учета и распределения студентов был следующим.

Дело подбора студентов в первую очередь являлось обязанностью партийных органов ЦК КПТ, которые давали определенные задания подчиненным им организациям на основании особой инструкции. Все студенты во время прохождения курса числились за ЦК КПТ и без его ведения никуда откомандировываться и отзываться не могли.

В университеты студенты направлялись по разверстке, данной ЦК КПТ следующими организациями: парткомами (Обком, женотдел, комсомол), Облсоветах, профсоюзами, союзом Кошчи и воинскими организациями. Также в университет направлялись члены РКП и те, кто активно доказал свою преданность

---

²² Нуриддинова Ф. Миллий матбуот фикхристи. Тошкент, Миллий кутубхона. 2010. С. 155.

²³ Отчет о деятельности комуниверситета (САКУ) // Архив Аппарата Президента РУз (ААП РУз) ф.103, оп. 1, д. 3, л. 13об.

²⁴ Отчет о деятельности комуниверситета (САКУ) // Архив Аппарата Президента РУз (ААП РУз) ф.103, оп. 1, д. 3, л. 14.

советской власти. Лица интеллектуальных профессий должны были быть членами или кандидатами в члены РКП.

Все поступающие в университет должны были быть не моложе 17 лет. Основным требованием при приеме являлась достаточная грамотность. Часть студентов направлялась в коммунистические университеты из числа окончивших областные школы, а также самых способных к теоретической и практической работе.

10 августа 1923 года Оргбюро ЦК РКП(б) приняло постановление о преобразовании ТРДКУ в Среднеазиатский Коммунистический университет (САКУ) с трехлетним сроком обучения, который был включен в сеть комуниверситетов, имеющих общегосударственное значение²⁵.

Впоследствии данное учебное заведение стало высшим партийным учебным заведением, так называемой «кузницей» квалифицированных кадров партийных и советских работников для всех среднеазиатских республик. Здесь 80% всех слушателей принимались из среды коренных народов²⁶. Первым ректором САКУ стал Ж.И. Меерзон (1894–1938), который был направлен в Туркестан по решению ЦК РКП(б) из Института красной профессуры²⁷.

В дальнейшем именно САКУ стал первой партийной школой в Средней Азии, которая должна была готовить высокообразованные руководящие партийные и советские кадры. В САКУ было образовано два отделения: основное – с трехлетним и подготовительное – с двухгодичным сроком обучения. Основное отделение было предназначено для подготовки образованных руководящих партийных, советских и комсомольских кадров. Оно имело четыре сектора – узбекский, киргизско-казахский, татаро-уйгурский и русский. На основное отделение принимались преимущественно рабочие и дехкане – члены партии, комсомольцы и беспартийные активисты, имеющие образование в объеме областной совпартшколы.

Как было отмечено раньше, в своем внутреннем управлении университет являлся автономным, но находился в ведении ЦК и Туркполитпросвета. По положению высшим органом управления являлся Совет, состоявший из Президиума, представителя студенческих организаций и представителей ЦК КПТ, Туркполитпросвета, ВЦСПС, Туркпрофобра и др. Позднее к работе Совета помимо лиц, указанных в положении о Совете, начали привлекаться представители райкома ТО КПТ, Наркомзема, Райкома и ЦК КСМТ, Наркомпроса, Ташкентского отдела народного образования и др. В соответствии с этим предполагалось изменить и положение о Совете. Совет собирался ежемесячно, заслушивался доклад ректора о работе за истекший период и выносились те или иные решения и постановления, касавшиеся общей структуры и плана организации РДКУ.

Органом, ведущим текущую административную работу, являлся Президиум, работавший под председательством ректора. С 1 августа 1922 года ректором РДКУ

²⁵ Программы, протоколы и переписка САКУ с советскими органами // Архив Аппарата Президента РУз.: ф. 60, оп. 1, д. 3288, л. 10.

²⁶ Протоколы заседаний Президиума САКУ // Архив Аппарата Президента РУз.: ф. 103, оп. 1, д. 339, л. 1–3.

²⁷ Айриева Н.А. XII съезд партии и подготовка партийно-советских кадров в ТАССР // Общественные науки Узбекистана. № 04, 1973, с. 16–23.

взамен выбывшего в Москву В.М. Познера (1877–1957) стал С.Д. Муравейский (1894–1950). Ректор университета назначался только со стороны ЦК КПТ. Заместителем ректора с 15 ноября 1922 года состоял И. Абдусаттаров. Положение о Президиуме было изменено в августе 1922 года. Вместо «большого» Президиума (около 20 человек) был создан «малый» Президиум в составе ректора, заведующего академическим отделом, заведующего административно-хозяйственным отделом, секретаря, представителя комячейки и представителя старостата. Исходя из отчета ректора было выявлено, что такой «малый» президиум оказался более гибкой организацией и вместе с тем и более работоспособной.

Внутреннее управление, возглавляемое ректором, разделялось на два Отдела – учебный и административно-хозяйственный. Особое внимание уделялось органам студенческого самоуправления – старостату с его отделами: ячейкой содействия, конфликтной комиссией, сантройкой, – а также следственной комиссии и товарищескому суду²⁸.

Кроме того, студенты несли определенные административные обязанности по нарядам, то есть назначались дежурные по университету, кухне, изолятору и караулу. За нарушение внутренней дисциплины студенты карались внеочередными нарядами. Также на территории университета существовали арестные помещения, где содержались провинившиеся студенты. Высшей мерой наказания являлось исключение из университета, к тому же раз в месяц собирался пленум старостата, который координировал работу всех отделов.

Следует отметить и то, что в военном отношении РДКУ представлял из себя роту ЧОН²⁹, имевшую к тому же военного руководителя (он же комендант университета). Студенты были вполне обучены как обычные армейские подразделения, они проходили лагерный сбор и даже несколько раз получали особую благодарность Революционного Военного Совета Туркфронта и являлись кадетской частью ЧОН в военном отношении. В университете имелось огнестрельное оружие, которое хранилось в цейхгаузе. Но караульный состав постоянно был вооружен, для углубленной военной подготовки в университете имелся пулеметный караул-кружок. В подтверждении этого можно привести тот факт, что на партийных съездах и конференциях караулы несли именно студенты РДКУ.

Количество студентов к 1-му декабря составляло 213 человек, из которых на Тюркском отделении было 125, на Европейском – 73 и в Туркменской группе – 15 человек. Пятый выпуск состоялся в мае 1922 года, и тогда же было организованы Отделение Коммунистического университета Трудящихся Востока (КУТВ) и лекторская группа для подготовки преподавателей областной Совпартшколы.

На основании отчета ректора становится известно, что до августа 1922 года дисциплина среди студентов РДКУ была крайне низка: кражи, нарушение внутреннего распорядка были обычным явлением. Вследствие такого положения в сентябре, после возвращения из лагерей, было принято решение ввести военную дисциплину, в результате чего положение начало меняться: так, если процент

---

²⁸ Отчеты ректора Университета в ЦК КПТ // Архив Аппарата Президента РУз.: ф.103, оп. 1, д. 24, л. 11.

²⁹ ЧОН – части особого назначения (использовались в качестве дополнительной военной силы, часто выполняли караульные функции).

посещаемости занятий в августе составлял 70–75%³⁰, то к декабрю он уже составил 95–98%³¹.

Одной из отличительных черт студенчества того периода являлось то, что в большинстве случаев слушатели Совпартшкол в Туркестане состояли в основном из городских жителей³², которые в редких случаях по окончании школы шли работать в сельские районы.

Как упоминалось в вышеуказанном отчете ректора, со стороны университета уделялось большое внимание приобретению учебных пособий и учебников. Но особо трудное положение в этом отношении было у Тюркского отделения, так как соответствующих учебников было очень мало, в результате чего проводилась постоянная работа по «выбиванию» учебников через Центр из Казани и особенно из Турции³³.

Большевики также стали уделять большое внимание подготовке преподавательских кадров, особенно из местных народов, для партийных учебных заведений Туркестана. Такие кадры готовились на Центральных лекторских курсах, функционировавших при ТРДКУ. Только за два выпуска 1921–1922 учебного года лекторские курсы подготовили 46 преподавателей истории РКП(б), философии и политэкономии. Кроме того, лекторские кадры для Туркестана готовились в комуниверситетах Москвы, Петрограда, Украины, а также в Институте красной профессуры.

Не отставал и Туркестанский государственный университет (с 1923 года Среднеазиатский государственный университет – САГУ), в котором для подготовки руководящих работников был организован рабочий факультет (рабфак). В 1921–1922 учебном году на рабфаке обучалось 358, а в 1923–1924 учебном году – 753 человека, в числе которых было 200 коммунистов, 354 комсомолец, 626 рабочих и дехкан.

Подготовка и обучение кадров для Туркестана проводилось также и за его пределами. Основными учебными центрами по подготовке национальных руководящих кадров для Средней Азии являлись Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова, КУТВ, Институт красной профессуры и другие высшие партийные школы.

В 1919 году при Комуниверситете им. Свердлова были созданы специальные краткосрочные курсы по подготовке кадров из Туркестанской республики, на которые ежегодно принимались по 30–35 коммунистов в основном из представителей коренных народов Туркестана. В 1919 году крайком КПТ направил в оба набора Комуниверситета по 5 человек от каждой областной организации. В Комуниверситете им. Свердлова была создана специальная восточная секция, кото-

---

³⁰ Отчеты ректора Университета в ЦК КПТ //Архив Аппарата Президента РУз.: ф.103, оп. 1, д. 24, л. 17.

³¹ Отчеты ректора Университета в ЦК КПТ //Архив Аппарата Президента РУз.: ф.103, оп. 1, д. 24, л. 16.

³² Отчеты ректора Университета в ЦК КПТ //Архив Аппарата Президента РУз.: ф.103, оп. 1, д. 24, л. 17.

³³ Отчеты ректора Университета в ЦК КПТ //Архив Аппарата Президента РУз.: ф.103, оп. 1, д. 24, л. 17.

рую в 1920 году окончили 60 человек, а всего в 1920 году эти курсы подготовили 80 человек, которые потом были направлены для работы в Туркестан.

В 1920 году проходит первый набор на шестимесячные курсы в Коммунистический университет имени Я.М. Свердлова, в котором для Туркестана было выделено всего 36 мест.

В Извещении № 574 от ноября 1920 г. сообщалось о том, что в Коммунистическом университете с 1 декабря 1920 года начинаются занятия на шестимесячных курсах, прием на которые открывался 15 ноября. Были установлены строгие правила приёма, так что все студенты с мандатами, выданными позже 1 декабря, уже не принимались и без всяких исключений возвращались на места.

По требованиям Коммунистического университета, организации, направляющие студентов, обязаны были:

- 1) принять на свой счет все дорожные расходы студентов;
- 2) выплачивать семьям командированных разницу между пятью тысячами рублей и прежним окладом студентов на местах. К тому же семьи студентов, получающих содержание меньше пяти тысяч рублей, должны были обеспечиваться на местах как семьи красноармейцев на общих основаниях;
- 3) обеспечить направляемых студентов одеждой и обувью;
- 4) посылать продовольствие для студентов только на адрес университета с тем, чтобы в дальнейшем оно поступало в общий котел;
- 5) приложить при мандате подробную опись всех вещей студента, которая должна была быть заверена подписью и печатью организации.

Вышеуказанные 36 мест ЦК КПТ и Президиумом ТуркЦИК предписывалось распределить по Туркестану следующим образом: 1) Закаспийской, Семиреченской, Ферганской, Сырдарьинской и Самаркандской областям – по 2 места, Новобухарской – 1 место; 2) Ташкентскому горкому – 3 места; 3) Секретариату ЦК – 3 места; 4) Отделу агитации и пропаганды ЦК КПТ (секции нацменьшинств) – 5 мест; 5) Женскому отделу ЦК – 3 места; 6) ЦК КСМ – 6 мест; 7) ЦСПС – 3 места; 8) Туркестанскому ЦИК – 2 места.

На основании этого ЦК КПТ и Президиум ТуркЦИК предлагали всем организациям командировать в университет главным образом мусульман из числа рабочих и крестьян, в особенности молодежь, грамотных и достигших восемнадцатилетнего возраста. Кстати, лица с высшим образованием в Коммунистический университет не принимались.

Необходимо было командировать только физически здоровых кандидатов. Слушатели, имеющие проблемы со здоровьем, такие как туберкулез, малокровие, и даже слабые на вид ввиду тяжелых условий жизни в университет не принимались.

Преподавание велось только на русском языке.

В декабре 1921 года из окончивших лекторскую группу университета Свердлова в совпартшколы ТАССР были направлены 5 человек; в марте 1923 года с лекторских курсов КУТВ в Туркестан, Бухару и Хорезм были командированы 15 выпускников³⁴.

---

³⁴ Айриева Н.А. Деятельность компартии Туркестана по подготовке партийных и советских кадров (1918–1924 гг.): автореф. дис. канд. ист. наук. Ташкент, 1973.

Кроме того, ежегодно студенты из Туркестана направлялись на учебу на основные трехгодичные курсы Комуниверситета им. Я.М. Свердлова. Так, в 1921 году туда было направлено 40 человек, в Институт красной профессуры – 4 человека; в 1922 году в Комуниверситет им. Я.М. Свердлова – 26 человек, в Украинский комуниверситет – 24 человека, в Институт красной профессуры – 11 человек, в другие вузы РСФСР – 70 человек. Если в 1923 году в одном только Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова обучалось 38 слушателей из Туркестана, то всего в партийные вузы в том году было направлено 105 человек, 91 из которых являлись представителями коренных народов³⁵. В том же году ЦК РКП(б) рекомендовал партийной организации Туркестана использовать предоставленные в центральных комуниверситетах места в первую очередь для направления на учебу только представителей рабочих и крестьян из коренных народов.

Значительную роль в подготовке руководящих кадров для Туркестана сыграл и Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), созданный в апреле 1921 года в г. Москве при Наркомнаце РСФСР. Учебная программа КУТВ была приравнена к программе Комуниверситета им. Я.М. Свердлова. В программе большое место отводилось изучению общеобразовательных предметов и глубокому освоению истории РКП(б), политэкономии, философии, теории научного социализма, истории революционного движения, государственного права, теории и практики партийного и советского строительства и т. д. Срок обучения составлял три года. В 1921 году среди 233 слушателей тюркской группы КУТВ 96 человек были представителями Туркестана. А в 1923 году в КУТВ уже обучалось 185 слушателей из Средней Азии³⁶.

В мае 1922 года в Туркестане было открыто отделение КУТВ на 140 человек. Здесь же, кроме основного ядра, было организовано женское отделение на 30 человек и красноармейское на 120 человек. В положении о Туркестанском отделении КУТВ подчеркивалось: «Отделение КУТВ имеет целью ускоренную подготовку практических партийно-советских работников Туркестана, с одной стороны, и подготовку слушателей для КУТВ, с другой».

Занятия на отделении КУТВ начались в конце мая 1922 года. На нем обучался 261 человек. Обучение велось на языках коренных народов Туркестана. Учебная программа была составлена из расчета трехмесячного срока обучения. Главное внимание уделялось изучению общеобразовательных предметов.

В августе 1922 года состоялся первый выпуск Туркестанского отделения КУТВ в составе 200 человек, большинство из которых было направлено для продолжения учебы в КУТВ и другие вузы Москвы. В 1923 году на Туркестанском отделении КУТВ обучалось более 140 представителей Туркестана.

В дальнейшем на 1923–1924 учебный год для Туркестана и соседних республик (БНСР и ХНСР) было выделено 128 из имевшихся в КУТВ 400 мест. Всего в

---

³⁵ Новиков М.И., Турсунов Х.Т. Идеино-организационное укрепление компартии Туркестана (1921-1924 гг.). Ташкент, 1972. С. 152, 159, 165-166.

³⁶ Кельдиев И. Исторический опыт решения проблемы руководящих кадров в условиях Средней Азии в первые годы Советской власти: автореф. дис. канд. ист. наук. Душанбе, 1996.

данном учебном году в Комуниверситете обучалось 1015 студентов, 200 из которых являлись представителями Туркестана³⁷.

Таким образом, уже с самого раннего периода становления власти большевиков в Туркестане начала формироваться система подготовки руководящих кадров в структуре управления власти в республике.

Список литературы

- Абдуллаев Р.М., Агзамходжаев С.С., Алимов И.А. Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости. Ташкент, Шарк. 2000. 672 с. {Abdullayev, R.M., Agzamkhodzhaev, S.S., Alimov, I.A. *Turkestan in the beginning of the 20th Century: To the History of Roots of Idea of National Independence*. Tashkent, Sharq. 2000. 672 p. (In Russian.)}
- Агзамходжаев С. История Туркестанской автономии. Ташкент, Изд.-полигр. объединение «Тошкент ислом университети». 2006. 268 с. {Agzamkhodzhaev, S. *The History of Turkestan Autonomy*. Tashkent, Publishing-Polygraphic Association "Tashkent Islamic University". 2006. 268 p. (In Russian.)}
- Азизханов А. Роль Туркбюро ЦК РКП(б) в организации партийно-политической работы в войсках Туркестанского фронта // Общественные науки Узбекистана. №01. 1967. С.12–15. {Azizkhanov, A. *The Importance of the Turkbureau of Russian Communist Party (of Bolsheviks) in Organization of Party and Political Activity in the Troops of the Turkestan Frente* // Social Sciences of Uzbekistan. #01. 1967. PP. 12–15. (In Russian.)}
- Айриева Н.А. Деятельность компартии Туркестана по подготовке партийных и советских кадров (1918–1924гг.): автореф. дис. канд. ист. наук. Ташкент, 1973. 23с. {Ayri(y)eva, N.A. *The Activity of Communist Party of Turkestan in the Field of Preparing of Party and Soviet Cadres (1918–1924): an Abstract of the Candidate's Theses on History*. Tashkent, 1973. 23 p. (In Russian.)}
- Айриева Н.А. XII съезд партии и подготовка партийно-советских кадров в ТАССР // Общественные науки Узбекистана. № 04. Ташкент, 1973. С.16–23. {Ayri(y)eva, N.A. *The 13th Party Congress and Preparing of Party-Soviet Cadres in TASSR* // Social Sciences in Uzbekistan. #04. Tashkent, 1973. PP. 16–23. (In Russian.)}
- Великая октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Киргизии. 1917–1920гг. // Документы и материалы, Фрунзе, 1957. С.31. {*The Great Social Revolution of October and the Civil War in Kirgizia. 1917–1920*. // Documents and Data, Frunze, [S.n.]. 1957. P. 31. (In Russian.)}
- Веряскин В.Г. Из истории первых школ советских, партийных и военных работников в Туркестане (1918–1920 гг.) // Ученые записки Ташкентского госпединститута, серия общест.наук, т. 55, вып. 4. Ташкент, 1963. С. 88. {Veryaskin, V.G. *From the History of the First Schools of Soviet, Party and Military Workers in Turkestan (1918 – 1920)* // The Scientific Notes of Tashkent State Pedagogical Institute, Series of Social Sciences, Volume 55, Issue 4. [S.n.]. Tashkent, 1963. P. 88. (In Russian.)}
- Кельдиев И. Исторический опыт решения проблемы руководящих кадров в условиях Средней Азии в первые годы Советской власти: автореф. дис. канд. ист. наук. Душанбе, 1996. С.63. {Kel'diyev, I. *The Historical Experience of Solving the Problem of Leadership in the Reality of Central Asia during the First Years of the Soviet State: an Abstract of the Candidate's Theses on History*. Dushanbe, 1996. P. 63. (In Russian.)}
- Культурное строительство в Туркестанской АССР (1917–1924 гг.) // Сборник документов.т.1. – Ташкент, 1973. С.310–311. {*The Cultural Construction in Turkestan ASSR (1917–1924)* // The Compendium of Documents. Volume 1. [S.n.]. – Tashkent, 1973. PP. 310–311. (In Russian.)}
- Назаров С.А. Руководство ЦК РКП(б) партийным строительством в Средней Азии. Ташкент, Узбекистан. 1972. 298 с. {Nazarov, S.A. *The Administration of Central Committee of Russian Communist Party (of Bolsheviks) in the Party Construction in Central Asia*. Tashkent, Uzbekistan Publishing House. 1972. 298 p. (In Russian.)}

³⁷ Айриева Н.А. XII съезд партии и подготовка партийно-советских кадров в ТАССР // Общественные науки Узбекистана. № 04. 1973. С. 16-23.

- Насретдинова Д.* Туркистон маданий ҳаётида татар аёллари. (Turkiston madaniy hayotida tatar ayollari.) Тошкент, Yangi nashr. 2015. 184 с. (на Узбекском) {Nasretdinova, D. *Tatar Women in the Cultural Life of Turkestan*. Tashkent, Yangi Nashr Publishing House. 2015. 184 p. (In Uzbek.)}
- Новиков М.И., Турсунов Х.Т.* Идеино-организационное укрепление компартии Туркестана (1921–1924 гг.). Ташкент, 1972. С.152, 159, 165–166. {Novikov, M.I., Tursunov, Kh.T. *The Moral and Organizational Consolidation of Communist Party of Turkestan (1921–1924)*. Tashkent, [S.n.], 1972. PP. 152, 159, 165–166. (In Russian.)}
- Нуриддинова Ф.* Миллий матбуот фихристи. (Milliy matbuot fihristi.) Тошкент, Миллий кутубхона. 2010. 260с. {Nuriddinova, F. *The National Press Catalogue*. Tashkent, The National Library. 2010. 260 p. (In Uzbek.)}
- Расулов А.* Туркистон ва Волгабууйи, Уралолди халқлари ўртасидаги муносабатлар (1917–1924 йиллар). (Turkiston va Volgabuuyi, Uraloldi xalqlari o'rtasidagi munosabatlar (1917–1924 yillar).) Тошкент, Университет. 2005. 200 с. (на Узбекском) {Rasulov, A. *The Interaction between the Peoples of the Volga (Povolzhye) and Ural Regions (1917–1924)*. Tashkent, University Publishing House. 2005. 200 p. (In Uzbek.)}
- Туркестанский рабоче-дехканский коммунистический университет им. В.И. Ленина. Ташкент, 1922. 87 p. {The Turkestan Worker and Peasant University named after V.I. Lenin. Tashkent, [S.n.]. 1922. 87 p. (In Russian.)}
- Эшов Б.* Ўзбекистонда давлат ва маҳаллий бошқарув тарихи. (Ўzbekistonda davlat va mahalliy boshqaruv tarixi.) Тошкент, «Янги аср авлоди». 2012. 556 б. (на Узбекском) {Eshov, B. *The History of State and Local Government in Uzbekistan*. Tashkent, The New Age Generation Publishing House. 2012. 556 p. (in Uzbek.)}
- Известия (орган ЦК КПТ и ТуркЦИКа). 1922, 29 апреля. {Izvestiya (the organ of Central Committee of Communist Party of Turkestan and Turkestan Central Executive Committee). April 29, 1922. (In Russian.)}
- Архив Аппарата Президента РУз (ААП РУз) ф.60, 103. оп.1. д.3, 301, 816, 3241. {The Archive of the Office of President of the Republic of Uzbekistan (AAP RUz) f.60, 103. op.1. d.3, 301, 816, 3241. (In Russian.)}
- Ферганский архив Аппарата Президента РУз (ФГА АПРУз) ф.1.оп.1а.д.290. {The Fergana Archive of the Office of President of the Republic of Uzbekistan (FGA APRUz) f.1.op.1a.d.290. (In Russian.)}
- Центральный государственный архив РУз (ЦГА РУз) ф.Р-34. оп.1. д.172,180. {The Central State Archive of the Republic of Uzbekistan (TsGA RUz) f.R-34. op.1. d.172, 180. (In Russian.)}

Organization of the system of preparation of administrating personnel in Turkestan based on Communist universities (1917–1924)

Bakhtiyor Mirzadjanov

Namangan

Annotation: In article is given a piece of information on system of preparation of administrating personnel in government system of Turkestan in 1917–1924. The Main mechanisms of preparation of administrating personnel in and for Turkestan in considered period were shown by Soviet Party schools as well as by Communist universities.

As it is indicated in the article, communist universities and Soviet Party schools were built strictly on the class base. That's why many talented people of non-worker social classes, for example, had to join the ranks of proletariat in the new republic. Besides, the whole educational process was penetrated by one dominating communist ideology. Finally, all this facts have imposed the negative imprint on the educational process. The restriction of outlook of students was undoubtedly brought about by this system.

Keywords: the party, administrative system, personnel, Orgotdel, designation, the structure, soviets.

ПЕРСОНАЛИИ

ЗЕЙНЕП КОРКМАЗ (К 95-летнему юбилею)

Доктор филологических наук, профессор Зейнеп Коркмаз в этом году перешагнула свой 96-летний рубеж. По традиции вот уже который год в июле в ее честь проводятся праздничные мероприятия. Особенно значительным был 95-летний юбилей, отмеченный в прошлом году торжественной церемонией в Анкаре, в Научно-исследовательском институте тюркской культуры с участием ее учеников, коллег, студентов и поклонников ее трудов. На церемонии всеобщему вниманию был представлен научный сборник, подготовленный к юбилею. В него вошли сведения из биографии Зейнеп Коркмаз, список ее научных трудов и статьи ее коллег, которые они посвятили известному ученому.

Директор института, д.ф.н., проф. Дурсун Йылдырым выступил с речью, в которой отметил существенный вклад Зейнеп Коркмаз в отечественную тюрко-

логию. Д.ф.н., проф. Лейла Карахан, редактор научного сборника, в своем поздравительном слове коснулась процесса подготовки этой книги объемом в 446 страниц, в которую вошли 37 тюркологических статей ее коллег, призванных ознакомить читателей с жизнью и научной деятельностью уважаемого юбиляра.

По завершении оглашения поздравительного послания, которое направил д.ф.н., проф. Мустафа Синан Качалин, являвшийся на тот момент председателем Турецкого лингвистического общества (ТЛО), выступили предыдущие председатели ТЛО: д.ф.н., проф. Шюкрю Халюк Акалын и д.ф.н., проф. Ахмет Биджан Эрджиласун, которые отметили весомый вклад уважаемого юбиляра в изучение и развитие отечественной тюркологической науки.

Сегодня в связи с уже 96-летним рубежом Зейнеп Коркмаз, я хотел бы познакомить читателей журнала «Российская тюркология» с этим ученым, из научных статей и докладов которого я почерпнул для себя очень много полезного. К счастью, во времена моего членства и председательства в ТЛО судьба подарила мне возможность познакомиться с этим человеком очень близко. Общаясь с Зейнеп Коркмаз, я всегда чувствовал ее теплое отношение ко мне, к моей супруге и детям, которых она одаривала поистине материнской любовью.

Зейнеп Коркмаз, посвятившая всю свою жизнь служению тюркологической науке, родилась в городе Невшехир 5 июля 1922 года. Ее предки под фамилией Денги ведут свою родословную от кочевых туркменов-ёрюков. В начале XIX в. в одном из районов Невшехира поселился Хаджи Осман, их великий дед, который был известен по прозвищу «тюркмен». В 1905 г. его сын Юсуф Хюсю со всей семьей переехал из Невшехира в Измир. Однако некоторое время спустя, в 1919 г. им пришлось вернуться обратно в Невшехир из-за оккупации Измира греческими войсками. В 1922 г. в Невшехире у них родилась дочь Зейнеп, ставшая третьим ребенком в семье. В 1928 г. после победы национально-освободительного движения и окончания оккупации семья вновь обосновалась в Измире. Через год маленькая Зейнеп поступает на обучение в начальную школу провинции Урла в губернии Измир.

После успешного окончания начальной школы Зейнеп Денги с матерью пришлось переехать в Измир, чтобы продолжить образование в средней школе для девочек, поскольку в Урле средней школы не было. По завершении обучения в средней школе Зейнеп Денги приезжает в Анкару для поступления в вуз.

Зейнеп Денги хотела продолжить учебу в Анкарском государственном университете на факультете языка, истории и географии, который был создан под личным патронажем самого Ататюрка, поскольку данный факультет имел при себе кафедры по археологии, синологии, венгерологии, хеттологии и шумерологии, которые, как считалось, должны были стать подспорьем для тюркологических исследований. В год ее поступления на факультет известный немецкий архитектор Брун Дж. Ф. Таут завершил строительство нового здания факультета – и Зейнеп Денги оказалась одним из первых студентов, учившихся в нем.

Во время обучения в Анкарском университете Зейнеп Денги посещает лекции таких известных тюркологов, как Абдулкадир Инан, Тахсин Бангоглу, Саадет Чагатай, Неджип Учок, Суат Кемаль Йеткин, Бесим Аталай, Абдулбаки Гельпынарлы, Ибрагим Неджми Дильмен, Ферит Кам, Фуат Кёпрюлю, Кенан Акюз, Энвер Зия Карал, Пертев Наили Боратав, Акдес Нимет Курат. Ее сокурсниками были

Хасибе Мазыюглу, Мелиха Анбарджюглу, Ильхан Башгёз, которые в дальнейшем, как и она, продолжили свои исследования в различных областях тюркологии.

В 1941 г. по просьбе Ибрахима Неджми Дилмена, ее научного руководителя и председателя ТЛЮ, она стала его членом (тогда общество называлось ассоциацией). В эти же годы выходят в свет ее первые научные работы: так, в мае 1942 г. в журнале «Юджель» был опубликован ее доклад «Мысли молодежи», посвященный творчеству Халиде Эдип.

Зейнеп Денги окончила факультет языка, истории и географии в сентябре 1944 г., а уже в конце 1948 г. была принята на работу на том же факультете в должности ассистента по турецкому языку: ее прикрепили к д.ф.н, проф. Саадету Чагатаю. Спустя год она выходит замуж за Мехмеда Коркмаза, историка, который являлся на тот момент заместителем директора Анкарской государственной консерватории, и берет фамилию мужа.

В 1950 г., защитив диссертацию на тему «Юго-западные анатолийские диалекты (фонетика)», подготовленную под руководством С. Чагатая, она удостоилась звания доктора филологических наук по тюркологии. В 1954 г. Кормаз направляют в Германию к известному в то время исследователю старотюркского языка Анне Марии фон Габейн для прохождения у нее курса старотюркской письменности. Помимо этих занятий, Коркмаз посещала уроки немецкого языка, слушала лекции по алтаистике, фонетике таких признанных в своей сфере ученых, как О.И. Прицак и О. фон Эссен.

По возвращении в Турцию в 1957 г. за свою научную работу «Аффикс *-ca* и именные формы, образованные с его помощью» она удостоилась звания доцента. К тому времени Коркмаз уже начала преподавать в своем вузе достаточно большое количество предметов по тюркологии, и, благодаря научным статьям и докладам, опубликованным и представленным ею на зарубежных научных конференциях, в научном сообществе о ней заговорили как о серьезном ученом.

С другой стороны, Коркмаз продолжала участвовать в работе ТЛЮ, а вскоре в 1963 г. она уже была избрана членом исполнительного совета общества. В 1964 г. она успешно защитила диссертацию «Местные диалекты Невшехира» и получила звание профессора тюркологии.

С 1971 по 1983 г. З. Коркмаз вела занятия в аспирантуре на кафедре турецкого языка и литературы в недавно созданном университете Хаджеттепе. В 1991–1993 гг. она также вела занятия в аспирантуре университета Гази. Одновременно З. Коркмаз вела активную деятельность в ТЛЮ, входя в его ученый и исполнительный совет и до 2004 г. выполняя обязанности заведующего сектором по грамматике и прикладной лингвистике.

Кроме многих руководящих должностей в университете, в период с 1984 по 1988 г. она была членом совета директоров государственной телерадиокомпании ТРТ, в период с 1983 по 1990 г. – членом Совета по высшему образованию (YÖK), в период с 1988 по 1990 г. работала в качестве вице-президента Совета по высшему образованию. После выхода на пенсию с этой должности по возрастному цензу З. Коркмаз никогда не прекращала свою научную деятельность. Она продолжала писать статьи, отчеты, книги по многим областям турецкой лингвистики.

Всего З. Коркмаз опубликовала пятнадцать книг, многие из которых неоднократно переиздавались. Это такие труды, как «Фонетика юго-западных анато-

лийских диалектов» (1956, 1994), «Заметки о языке Физули» (совместно с С. Олджай, 1956), «Формы использования аффиксов и явления аффиксальной фиксации в турецком языке» (1962, 1969, 1994), «Ататюрк и кардинальные реформы языка в свете исторического развития турецкого языка» (1963), «Местные диалекты Невшехира» (1963, 1977, 1994), «Перевод Садруддина Шейхоглу Марзубаннаме. Введение, Анализ, Текст, Словарь, Факсимиле» (1973, 2017), «Мустафа Кемаль Ататюрк. Речь» (1984, 1991, 1994, 1995, 1998, 2000, 2001, 2004, 2008, 2009, 2010, 2017), «Грамматический глоссарий» (1992, 2003, 2007, 2010, 2017), «Ататюрк и турецкий язык», I часть (1992 год), «Ататюрк и турецкий язык», II часть (совместно с А.Б. Эрджиласун, К. Етиш, С. Сакаоглу, З. Керман, 1997), «Грамматика турецкого языка и составление текста» (совместно с И. Парлатыр, А.Б. Эрджиласун, Х. Зулфикар, Т. Гюленсой, Н. Биринджи, 1990, 2003, 2005, 2007), «Местные диалекты Бартына» (1994), «Исследования по турецкому языку» в четырех томах (1995, 2005, 2007, 2015, 2017), «Грамматика турецкого языка: морфология» (2003, 2007, 2009, 2014), «Фундаментальное значение огузского языка в сложении турецкого языка» (2013).

Статьи, доклады известного ученого исчисляются сотнями – только для их перечисления потребуется множество страниц. З. Коркмаз и по сей день поражает своим неиссякаемым интересом к науке: не зная покоя и не покладая рук, она продолжает вести свои научные изыскания, писать статьи, книги, готовить доклады по тюркологии.

Некоторые из ее статей по объему можно сопоставить с небольшой книгой. В период моей работы в должности председателя ТЛЮ она принесла к нам в журнал «Тюркский язык» длинную статью о языке огузов. Прочитав текст, я предложил ей следующее: «Уважаемая госпожа Коркмаз, общий объем нашего журнала «Тюркский язык» – 96 страниц. Ваша же статья слишком длинна для него, но недостаточна по объему для того, чтобы быть изданной в виде монографии. Если бы Вы ее расширили, мы смогли бы опубликовать ее уже в виде полноценной книги. В таком труде есть значительная необходимость». Приняв мое предложение, она доработала свой труд, и в итоге появилась книга «Фундаментальное значение огузского языка в сложении турецкого языка». Монография Коркмаз – важная и ценная работа, которая в новом ракурсе объясняет развитие и распространение огузского языка, а также его фундаментальную роль в сложении турецкого письменного языка.

Ее ценный труд «Грамматика турецкого языка: морфология», на настоящий момент уже четырежды изданный, представляет собой учебник по морфологии совершенно нового формата. Каждый раздел учебника содержит подробный анализ морфологических категорий с сотнями примеров, в результате чего данный труд стал первоисточником для многих статей и докладов ученых как в Турции, так и за ее пределами.

Зейнеп Коркмаз интересно все, что связано с тюркологией. Она постоянно носит с собой блокнот, куда записывает все, что привлекает ее внимание: тема доклада, форма речи, слово. На научных симпозиумах она всегда тщательно фиксирует в своей записной книжке те или иные заинтересовавшие ее идеи докладчиков, непременно задает вопросы. Для того, чтобы найти необходимые источники по исследуемым ею темам, она обходит все книжные магазины, всех

букинистов, просит коллег раздобыть для нее ту или иную книгу. В настоящее время она пишет монографию по фонетике турецкого языка. Услышав о намечаемой мной в апреле 2017 г. поездке в Баку, она попросила меня: «У Агамуса Ахундова есть книги по фонетике. Привези их мне, они мне пригодятся для моей книги». С большим удовольствием доставив ей книги уже покойного ныне Ахундова, я тем самым внес свою лепту в ее работу по данной теме.

Помимо научного сборника, выпущенного в предыдущие годы ТЛО и Научно-исследовательским институтом турецкой культуры, недавно были опубликованы еще две книги в честь З. Коркмаз. Первая из них под названием «Выдающийся тюрколог – Зейнеп Коркмаз» – это научный сборник, подготовленный Научно-исследовательским институтом турецкой культуры в 2017 г. в честь 95-летнего юбилея ученого. Вторая книга, изданная в 2018 г., называется «Жить турецким языком – книга о Зейнеп Коркмаз». Книга, подготовленная Лейлой Карахан, рассказывает о значительных событиях в жизни Зейнеп Коркмаз, ее научной деятельности, работах и взглядах. Через призму этих событий в книге описывается почти вся столетняя история тюркологии в Турции.

С уважаемым профессором Зейнеп Коркмаз мне повезло в одно время работать вместе в ТЛО по очень важным проектам. Мы принимали участие во многих научных симпозиумах как в Турции, так и за рубежом. Мне посчастливилось узнать для себя очень много полезного из ее научного и жизненного опыта. Но особо я дорожу близким личным знакомством с великим ученым. Уважаемая Зейнеп Коркмаз своими выдающимися человеческими качествами, отношением к людям, дружелюбием, тактичностью, работоспособностью и строго научным подходом является лучшим примером для наших молодых коллег. Пользуясь случаем, мы хотели бы выразить доктору наук, профессору Зейнеп Коркмаз свою глубокую признательность, искренне пожелать ей здоровья, долгих и счастливых лет жизни, благополучия и мира, новых трудов на поприще тюркологической науки, появления которых мы с нетерпением ждем.

Доктор филологических наук, профессор Шюкрю Халюк Акалын

ПРОФЕССОРУ П.А. СЛЕПЦОВУ – 90 ЛЕТ

Доктору филологических наук, профессору, академику Академии наук Республики Саха (Якутия), лауреату Государственной премии Республики Саха (Якутия) в области науки (1993 г.), заслуженному деятелю науки РС (Я) и РФ, заслуженному ветерану Сибирского отделения АН СССР, лауреату премии имени П.А. Ойунского в области науки (2016 г.), главному научному сотруднику отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, главному редактору Большого толкового словаря якутского языка Петру Алексеевичу Слепцову исполнилось 90 лет.

Видный тюрколог страны проф. П.А. Слепцов родился 12 июля 1929 г. в Арылахском наслеге Верхнеколымского района Якутской АССР. В 1938 г. он впервые переступил порог школы в родном селе, затем продолжал учебу в Среднеколымской и Зырянской школах. Во время Великой Отечественной войны ему пришлось прервать учебу и в течение двух лет работать в колхозе. С 1949 по 1952 г. после окончания 9 класса он работал воспитателем, учителем в Родчевской, Орловской, Среднеколымской школах Верхнеколымского района. В 1952 г., сдав экзамены экстерном за 10 класс, сразу поступил на отделение русского языка и литературы для якутских школ Якутского пединститута. С учебой в инсти-

туте он легко справлялся, получал Сталинскую стипендию. Окончив пединститут с красным дипломом в 1956 г., работал учителем, завучем, директором в родной Арылахской школе, потом заведующим райпедкабинетом Верхнеколымского районного отдела народного образования. В 1960–1963 гг. успешно прошел очную аспирантуру Якутского филиала СО АН СССР и работал в должности младшего научного сотрудника. С 1968 г. – старший научный сотрудник; с 1972 г. – заведующий отделом языкознания; с 1998 г. – главный научный сотрудник.

В 1965 г. в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР (г. Новосибирск) под руководством выдающегося лингвиста-якутоведа, доктора филологических наук, профессора Л.Н. Харитоновой Петр Алексеевич блестяще защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Русские лексические заимствования в якутском языке». В работе впервые на большом языковом материале исследованы особенности лексико-семантического и фонетико-морфологического освоения русских и интернациональных слов в различные периоды развития якутского литературного языка, место заимствованной лексики и особенности его терминологической системы. Кандидатская диссертация П.А. Слепцова получила высокую оценку специалистов, были отмечены новаторство, оригинальность темы, тщательность анализа огромного материала, обоснованность выводов и обобщений.

Многое в жизни Петра Алексеевича определила Москва. Докторская работа «Якутский литературный язык (истоки, становление норм)», вышедшая отдельной книгой (Новосибирск, 1986), была блестяще защищена в Институте языкознания АН СССР. По глубине исследования, всесторонней обоснованности обобщений и фундаментальности выводов, уровню выявления общих и частных закономерностей в развитии исследованных им явлений, докторская работа П.А. Слепцова совершенно справедливо оценена специалистами как выдающийся научный вклад не только в якутское языкознание, но и в тюркологическую науку в целом. Оппонентами выступили известные филологи – главный научный сотрудник Института языкознания РАН, д. ф. н. М.К. Мусаев, проф. Якутского госуниверситета, д. ф. н. Н.Е. Петров. Неофициальным оппонентом, отметившим чрезвычайно высокий уровень научного труда, выступила известный тюрколог Елизавета Ивановна Убрятова.

Продолжением докторской работы явилась монография Петра Алексеевича «Якутский литературный язык: Формирование и развитие общенародных норм», которая была опубликована в 1990 г. в издательстве «Наука» СО РАН. Данное монографическое исследование охватывает период с конца 1930-х – начала 1940-х гг., со времени перехода якутской письменности на новый алфавит на основе русского, до конца XX века. Именно это событие явилось началом нового периода развития якутского языка как литературного языка национального типа. В работе последовательно освещается процесс зарождения, становления, формирования и дальнейшего развития норм современного якутского литературного языка от его дореволюционных истоков до конца XX века. Ввиду дискуссионности круга проблем, связанных со становлением и развитием якутского литературного языка, автор исследует также основные вопросы взаимоотношения младописьменного литературного языка на различных этапах его развития с языком художественной литературы и устного народного творчества. Эти фундаментальные работы

являются итогом многолетних исследований автором вопросов литературного языка, в том числе прикладных, практических.

П.А. Слепцов – лингвист необычайно широкого диапазона. Трудно перечислить те области якутского языкознания, в которых Петр Алексеевич не оставил бы заметный след. Из-под пера П.А. Слепцова вышло более 290 научных статей, свыше 40 отредактированных работ, учебных пособий, словарей. Он автор 8 монографий: «Русские лексические заимствования в якутском языке (дореволюционный период)» (Якутск, 1964), «Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период)» (М., 1975), «Якутский литературный язык (истоки, становление норм)» (Новосибирск, 1986), «Якутский литературный язык (формирование и развитие общенациональных норм)» (Новосибирск, 1990), «Сахалыы саҥа» («Якутская речь») (Дьокуускай, 1993), «История якутского языка. Ч. I.» (Якутск, 2007), «Төлкөнү түстүүр төрүт тылым» («Судьба наша – родной язык») (Дьокуускай, 1999), «Ступени и проблемы якутского языкознания» (Якутск, 2008), соавтор таких крупных научных изданий, как «Очерк развития якутского литературного языка в советскую эпоху» (Якутск, 1971), «Грамматика якутского литературного языка» (М.: Наука, 1982), «Ойунский П.А. Сочинения. Т. III. Научные труды» (Якутск, 1993), «Кулаковский А.Е. и время» (М., 2003). Под его редакцией изданы «Якутско-русский словарь» (М., 1972), «Современные языковые процессы в Республике Саха (Якутия)» (Новосибирск, 2003), в соавторстве «Поговорим по-якутски» (Якутск, 1976), «Краткий толковый словарь якутского языка» (Якутск, 1994), тома «Большого толкового словаря якутского языка» (Новосибирск, 2004–2017) и т.д.

Его научные труды всегда отличаются глубоко продуманной теорией и методологией, обоснованными выводами и обобщениями, новыми идеями в области исследуемых явлений и тончайшим анализом огромного языкового материала. Ученый внес значительный вклад в теорию изучения якутского литературного языка, в изучение истории якутского языка, в создание двуязычных и толковых словарей, учебных пособий по якутскому языку для студентов вузов.

Петр Алексеевич Слепцов – талантливый организатор науки. Традиционный устойчивый интерес лингвистов к проблемам родного языка и двуязычия стал для П.А. Слепцова стимулом к основанию новых направлений в якутском языкознании – социолингвистики и лингвофольклористики. Теоретическое обоснование важности исследования отношений «человек – общество» и долгая упорная деятельность совместно с коллегами-филологами и педагогами, направленная на формирование мнения о необходимости научно обоснованного языкового строительства и языковой политики, позволили создать отдельное направление социолингвистических исследований в институте, а также способствовали образованию Совета по языковой политике при Главе Республики Саха (Якутия). Труды П.А. Слепцова, посвященные исследованию языка героического эпоса *олонхо*, заложили основы для дальнейшего развития лингвофольклористики, что, несомненно, способствовало признанию научным сообществом *олонхо* мировым шедевром.

В настоящее время П.А. Слепцов является главным редактором многотомного «Большого академического Толкового словаря якутского языка», последний 15 том которого находится в печати в издательской фирме «Наука» в г. Новоси-

бирске. Словарь рассчитан на самые широкие слои населения. С этой целью академик П.А. Слепцов определил основную линию в составлении толкового словаря, а именно принципы отбора лексических единиц для словаря с учетом нормативности в лексике и отражение в словаре различных грамматических классов слов и их разграничение. И, самое главное, толкование значений слов и устойчивых словесных комплексов раскрывается в словаре на двух государственных языках нашей республики – якутском и русском. Данное обстоятельство, безусловно, расширяет научно-филологический уровень и доступность «Большого толкового словаря якутского языка», продолжает совершенно новое направление в области лексикографии тюркских языков, и вызвано оно потребностями современного общества. Здесь следует отметить, что именно благодаря многолетнему, неустанному труду Петра Алексеевича с 1972 г. по настоящее время собран исходный картотечный фонд лексикона якутского языка, который насчитывает более 3 миллионов цитатных карточек из лучших произведений классиков якутской литературы, народных писателей Якутии, писателей старшего, среднего и молодого поколения и из других источников на якутском языке.

Большое значение для развития якутского языкознания имеют труды П.А. Слепцова, посвященные истории фонетических, морфологических, лексических и синтаксических изменений якутского языка. В I части учебного пособия «История якутского языка», которая признана одним из лучших учебных пособий на V межрегиональной книжной выставке-ярмарке «Печатный двор Якутии – 2007», с привлечением огромного материала проводится диахроническое сравнение якутского языка с тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками в области фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики. Большое внимание уделено вопросам историографии, в том числе современным взглядам на происхождение якутского народа и его языка. В заключение автор предлагает свою периодизацию истории якутского языка с древнейших времен до настоящего времени.

Важной частью научной деятельности П.А. Слепцова являются разработка проектов нормативных правовых актов по развитию якутского языка как государственного языка республики, составление концепции и программы обучения якутскому языку, изучение языка писателей. Большое внимание он уделяет разработке и становлению прикладных направлений якутского языкознания, включая вопросы официальной кодификации принципов орфографии, свода орфографических правил, повышения качества учебников по якутскому языку.

Наряду с исследовательской работой П.А. Слепцов отдает много сил подготовке научно-педагогических кадров якутоведов – вот уже много лет профессор является научным руководителем и консультантом при написании кандидатских и докторских диссертаций. Под его руководством защитилось 22 кандидатских и 4 докторских диссертации по филологическим наукам. Сегодня можно с уверенностью сказать, что создана целая школа – школа П.А. Слепцова, которая единым духом плодотворно работает на ниве якутской филологии.

Петр Алексеевич принимает самое активное участие в жизни лингвистического сообщества нашей страны. Он один из наиболее востребованных оппонентов при защите докторских диссертаций. Сами его рецензии на работы отечественных и зарубежных ученых представляют собой оригинальные научные про-

---

изведения. Он организатор и участник многих всероссийских и международных конференций, симпозиумов по тюркологии, по проблемам социолингвистики. Петр Алексеевич – постоянный член объединенного Научного совета по гуманитарным наукам АН РС (Я), заместитель главного редактора научного и общественно-политического журнала «Наука и образование» АН РС (Я).

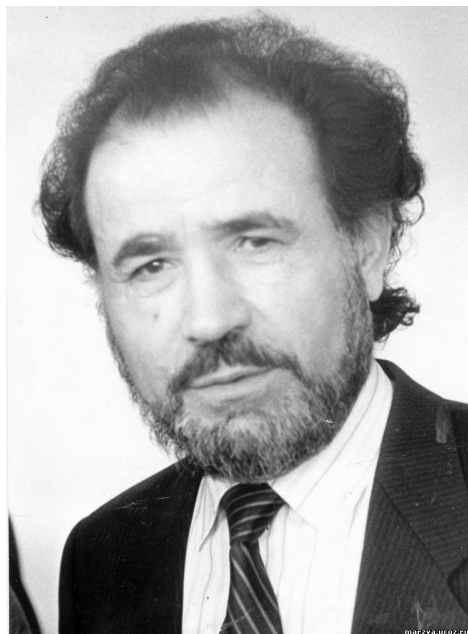
Большой заслугой П.А. Слепцова является создание при институте специализированного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальности 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (якутский язык)», председателем которого он являлся до 2008 г.

П.А. Слепцов – признанный лидер якутоведов, продолжатель лучших традиций отечественной тюркологии. Он первым из якутских лингвистов был избран действительным членом АН РС (Я) и Нью-Йоркской академии, ему присвоено звание «Заслуженного деятеля науки Российской Федерации и Республики Саха (Якутия)» – всё это явилось признанием его научных заслуг.

Нельзя не сказать несколько слов о человеческих качествах Петра Алексеевича. Талантливого ученого всегда отличает исключительное трудолюбие и скромность, высокая требовательность к себе, внутренняя культура, доброжелательность и корректность в обращении с коллегами. Академик Петр Алексеевич Слепцов представляет собой живой образец настоящего ученого-мыслителя, основателя научной лингвистической школы в республике.

Ф.Н. Дьячковский, Н.И. Иванова

РАВИЛЬ ТУХВАТОВИЧ БИКБАЕВ
(К 80-летию писателя, поэта и ученого)

Правительство Республики Башкортостан и общественность широко отметили 80-летие известного российского и башкирского ученого, литературоведа-тюрколога, доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента Академии наук Республики Башкортостан, заслуженного деятеля науки Республики Башкортостан, народного поэта Башкортостана, общественного деятеля, публициста и педагога Равиля Тухватовича Бикбаева.

Равиль Тухватович Бикбаев (башк. *Рауил Тәхвәт улы Бикбаев*) родился 12 декабря 1938 г. в деревне Верхний Кунакбай Покровского района нынешней Оренбургской области. В 1953 г. окончил семилетнюю школу в родной деревне. Затем в 1953–1957 гг. учился в Акбулакском педагогическом училище. После получения в 1957 г. средне-специального педагогического образования поступает на филологический факультет Башкирского государственного университета имени 40-летия Октября, обучение в котором завершает в 1962 г. В 1962–1965 гг. обучается в очной аспирантуре Ордена «Знак Почета» Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР (ныне – Уфимского федерального исследовательского центра РАН).

В 1966 г. защищает кандидатскую диссертацию на тему «Современная башкирская поэма» и становится кандидатом филологических наук. С 1965 до 1995 г.

Р.Т. Бикбаев трудится в отделе литературы ИИЯЛ УНЦ РАН в должности старшего научного сотрудника.

В 1995 г. избирается председателем Правления Союза писателей Башкортостана, параллельно – секретарем и заместителем председателя Правления Союза писателей России. В 2008 г. становится депутатом Государственного собрания – Курултая Республики Башкортостан, где в течение всего срока, т.е. до 2013 г., трудится председателем Комитета по образованию, науке, культуре, спорту и делам молодежи. При этом он плодотворно сочетает занятие наукой с многогранной литературной и общественной деятельностью.

Сегодня Равиль Бикбаев – не только крупный мастер словесного искусства, но и один из ведущих литературоведов, определяющих пути развития башкирской поэзии и башкирского литературоведения начиная с 80-х гг. прошлого столетия. Как ученого-исследователя его всегда интересовали поэтический и духовный мир своих современников и предшественников, а также философские аспекты башкирской лирики.

Изыскания юбиляра по перечисленным проблемам были всесторонне представлены в его монографиях «Поэтическая летопись времени» («Замандың шиғри йылъязмаһы») [Уфа: Башкнигоиздат, 1980], «Время. Поэт. Народ» [М.: Современник, 1986], «Эволюция современной башкирской поэзии» [М.: Наука, 1991], «Шайхзада Бабич: Жизнь и творчество» [Уфа: Башкнигоиздат, 1995], «Слово поэта – совесть поэта («Шағир һүзе – шағир намысы»)» [Уфа: Башкнигоиздат, 1997].

Монография Р.Т. Бикбаева «Поэтическая летопись времени» представляет собой анализ развития башкирской поэзии 60–70 гг. XX столетия. В первой главе автор обращается к национальным истокам поэзии, традициям народного творчества. Автор в своей работе убедительно показывает тематическое своеобразие поэзии с учетом исторических факторов того времени. Аналитическое освещение проблемы в сравнительном аспекте позволяет автору раскрыть процесс жанрового мышления поэтов и выявить стилевые доминанты их творчества в контексте развития башкирской поэзии 60–70-х годов. Все это в конечном итоге помогло существенно обогатить научное представление о творчестве, закономерностях историко-литературного процесса данного периода.

В монографии «Эволюция современной башкирской поэзии» исследуются своеобразие современного поэтического мышления, развитие традиций и новаторские поиски, многообразие жанров и форм. Поэтический процесс 1960–1980-х годов анализируется уже как накопление нового эстетического опыта.

Как отмечает ученый, эволюция современной башкирской поэзии, ее потери и достижения – это сложный творческий процесс. Своеобразие поэтического мышления находит выражение в различных аспектах – в связи поэзии с жизнью, в гражданственности творчества, в постижении сложного духовного мира человека, в новой концепции личности. При этом автор считает, что развитие традиционных образов, новаторские поиски, изменения в поэтическом мироощущении заметно обновляют систему жанров и форм.

Р.Т. Бикбаев свою литературоведческую деятельность начал с изучения жизни и творчества башкирского поэта начала XX в. Шайхзады Бабича (1895–1919). Поставив перед собой задачу полного и объективного описания жизненного пути

поэта, исследователь находит и изучает большое количество источников и архивных документов. Ему удалось полностью восстановить поэтическое наследие Ш. Бабича, в результате чего в 1994 г. вышла книга «Мы – башкиры: Стихи, поэмы, фельетоны, статьи, письма, дневники». Другая книга Р.Т. Бикбаева «Шайхзада Бабич. Жизнь и творчество» состоит из трех частей, где представлены биография и творческий путь легендарного башкирского поэта. Исследователю поэтического наследия Ш. Бабича удалось отметить высокую гражданственность, публицистическую остроту, национальную самобытность его произведений. Особое внимание уделено системе стихосложения Ш. Бабича.

В 1996 г. Р.Т. Бикбаев защищает докторскую диссертацию на тему «Современная башкирская поэзия: Проблемы эволюции» и утверждается в ученой степени доктора филологических наук.

В 2007 г. Р.Т. Бикбаев публикует книгу «Рами Гарипов. Книга о поэте» («Рәми Гарипов. Шағир тураһында китап») [Уфа: Гилем, 2007], представляющую собой научно-популярное издание. Автору на основе богатого фактического материала удалось описать многогранный духовный мир народного поэта Башкортостана, личности с трагической судьбой Рами Гарипова (1932–1977). Автор точно подмечает, что поэтическое творчество Рами Гарипова представляет собой самобытную художественно-эстетическую систему, в которой отражаются традиции, культура, национальный характер, духовный опыт башкирского народа в определенный исторический период. В 2009 г. в том же издательстве «Гилем» увидел свет русский перевод этой книги.

Равиль Тухватович известен в Республике Башкортостан как составитель «Библиографии по башкирской литературе и литературоведению» на башкирском языке [Уфа, 1969]. Он является главным редактором и одним из составителей «Антологии башкирской поэзии («Башкорт поэзияһы антологияһы»)» [Уфа: Китап, 2001], а также его переводного издания «Антология поэзии Башкортостана. Голос веков» [Уфа: Китап, 2007].

Р.Т. Бикбаев принял самое активное участие в подготовке и издании капитального академического труда «История башкирской литературы: в 6 томах» («Башкорт әҙәбиәте тарихы: 6 томда») [Уфа: Китап, 1990–1996].

В 2009 г. он избирается членом-корреспондентом Академии наук Республики Башкортостан по Отделению гуманитарных наук. В настоящее время состоит в Отделении социально-гуманитарных наук Академии наук Республики Башкортостан.

Литературно-художественным творчеством Р.Т. Бикбаев начал заниматься еще в студенческие годы. Его первые стихотворения и статьи увидели свет на страницах республиканской периодической печати в конце 50-х годов прошлого века. В 1962 г. в журнале «Агидель» была опубликована поэма «Вокзал». В образе железнодорожного вокзала поэту удалось одновременно воплотить и судьбу страны, и судьбу малой родины – деревни, родного очага, семьи, соседей, своего поколения, вынесшего все тяготы военного и послевоенного времени. Данное произведение стало большим дебютом поэта в башкирской литературе.

В 1964 г. вышел первый сборник его стихов «Степные горизонты» («Дала офоктары») [1964]. Воспоминания о босоногом детстве, тоска по родному краю, любовные чувства, мечты о будущем, восхищение красотой природы Башкортостана, воспевание людей труда являются главными мотивами книги.

В 1966 г. поэт был принят в Союз писателей СССР.

В последующие годы увидели свет поэтические сборники Р.Т. Бикбаева на башкирском языке: «Млечный путь» («Кош юлы») [1967], «Автобиография» [196], «Лирика» [1971], «Середина жизни» («Ғүмер уртаһы») [1976], «Радостная весть» («Һөйөнсө») [1979], «Блеск моей земли» («Ерем балкышы») [1982], «Борозды» («Буразналар») [1985], «Судьба моя» («Язымышым») [1988], «Избранные сочинения: в 5 томах» [2008-2012]. В Москве были изданы книги «Поющие скалы» [М.: Современник, 1978], «Заря» [М.: Советская Россия, 1982], «Звездный дом» [М.: Советский писатель, 1985].

В 1970 г. поэт был удостоен Республиканской премии Башкирского комсомола имени Г. Саяма за поэтический сборник «Автобиография».

Социально-экономические и политические преобразования в жизни страны, начатые в середине 80-х гг., внесли в поэзию Р.Т. Бикбаева новые темы и проблемы, существенно расширили его творческий диапазон. Подтверждением тому являются поэтические сборники «Все на совести нашей. Письмо моему народу» [1991], «Жажду – дайте воды!» [1991], «Под солнцем и луной» [1998], «Последнее сокровище» [2017].

Р.Т. Бикбаев в 1989 г. заслуженно стал лауреатом Государственной премии Республики Башкортостан имени Салавата Юлаева за книгу стихов «Судьба моя» и поэму «Жажду – дайте воды!».

В поэтический сборник Р.Т. Бикбаева «Полет одинокой птицы» [2003] включены произведения, написанные на стыке двух столетий. Стремление понять суть человеческого бытия, смысл жизни на Земле приводит поэта к изучению духовной литературы. Результатом этих изысканий становится новое направление его творческой деятельности: в 2001 г. Р.Т. Бикбаев приступает к очень ответственному и благородному делу – поэтическому переложению хадисов о пророке Мухаммеде. На данный момент изданы следующие книги: в 2001-2003 гг. он издает 3 книги под названием «Сто и один хадис», в 2008 г. – «Триста три хадиса», в 2018 г. – «Семьсот семьдесят семь хадисов», отличающихся глубоким философским смыслом и образным языком.

В 1993 г. за большие заслуги в области башкирской литературы Р.Т. Бикбаев удостоился высокого звания «Народный поэт Башкортостана».

С начала 70-х гг. поэт берется за написание путевых очерков – *саяхатнаме*. Заметным явлением в жизни творческой интеллигенции Башкортостана стал выход из печати в 2002 г. книги поэта «На заре выезжаю в путь» («Сәфәрҙәргә сығам сәхәрҙәрҙән») [Уфа: Китап, 2002], представляющей собой первый саяхатнаме в башкирской публицистике.

Равиль Тухватович на сегодня является автором более 50 поэтических, литературоведческих и научно-исследовательских книг. За заслуги в развитии отечественной литературы и активную общественную деятельность Равиль Тухватович Бикбаев награжден орденами Почета (2009), Дружбы (2000), Салавата Юлаева (2003), «За заслуги перед Республикой Башкортостан» (2009), ему присвоены почетные звания «Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан» (1992), «Заслуженный работник культуры Чувашской Республики» (2003). Является почетным гражданином г. Уфы (1999) и одним из авторов Гимна Республики Башкортостан.

Информация о жизни и творчестве Р.Т. Бикбаева представлена в русском [Уфа, 1996] и башкирском [Уфа, 1997] вариантах краткой энциклопедии «Башкортостан», в «Башкирской энциклопедии» – также на русском [т. 1, 2005] и башкирском [т. 1, 2014] языках, в издании «Писатели земли башкирской. Справочник» [Уфа, 2006; Уфа, 2015].

Г.Б. Хусаинов, Ю.В. Псянчин, З.А. Алибаев

ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА ТУГУЖЕКОВА – ИЗВЕСТНЫЙ РОССИЙСКИЙ ТЮРКОЛОГ

11 ноября 2018 г. исполнилось 70 лет со дня рождения известного тюрколога, доктора исторических наук, профессора В.Н. Тугужековой.

Впервые Валентину Николаевну я увидела в Москве на годовичном Пленуме РКТ в Институте языкознания РАН 4 февраля 2010 г. Сохранилось фото, на котором мы запечатлены со старейшим членом РКТ, ученым-языковедом, профессором МГУ, главным редактором журнала «Российская тюркология» Д.М. Насиловым. Я сама подошла к коллеге, представилась и стала расспрашивать о Пете Белоглазове, с которым училась в очной аспирантуре КГУ у академика Д.Г. Тумашевой. Оказалось, что Петр Егорович работал и до сих пор работает в руководимом ею Институте.

Валентина Николаевна Тугужекова – известный в России и за ее пределами ученый, доктор исторических наук, профессор, директор Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, заслуженный деятель науки Республики Хакасия, основатель научной школы по проблемам новейшей истории Южной Сибири.

Валентина Тугужекова родилась в с. Фыркал Ширинского района Хакасской автономной области 10 ноября 1948 г. По окончании Абаканского государственного педагогического института (АГПИ), в 1972–1974 гг. работала лаборанткой в гистологической лаборатории областной больницы. В течение 10 лет возглавляла лекторскую группу Хакасского обкома комсомола.

В.Н. Тугужекова начала свою научно-педагогическую деятельность в 1984 г. ассистентом кафедры истории КПСС и научного коммунизма. В этом же году она поступила в аспирантуру Ленинградского педагогического института

Слева направо: В.Н. Тугужекова, Д.М. Насилов, Х.Ч. Алишина, Л.И.Чебодаева.
Годичное собрание Российского комитета тюркологов, Москва, 2010 г.

им. А.И. Герцена (ЛГПИ) по специальности «История» и досрочно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Научным наставником был известный в России специалист по отечественной истории, историографии, социальной истории, профессор ЛГПИ им. Герцена Аркадий Яковлевич Лейкин.

После окончания аспирантуры, с 1987 г. по 1992 г. В.Н. Тугужекова работала старшим преподавателем кафедры истории КПСС и научного коммунизма Абаканского государственного педагогического института. Через 5 лет после защиты кандидатской диссертации В.Н. Тугужекова опубликовала монографию «Южная Сибирь: послевоенная. 1945–1965 гг.», а в 1993 г. успешно защитила докторскую диссертацию по теме «Социально-экономическое и культурное развитие автономий Южной Сибири в послевоенные годы (1945 – 1965 гг.)».

В этих работах рассмотрены проблемы формирования местной промышленности Хакасии, Тувы и Горного Алтая, изменение структуры промышленного производства в Сибири, формирование национальных кадров в ведущих отраслях народного хозяйства Южной Сибири, выявлены особенности развития национальной культуры.

После окончания докторантуры Гуманитарного центра Российской академии управления В.Н. Тугужекова продолжила работу в АГПИ (с 1994 г. – ХГУ им. Н.Ф. Катанова) доцентом кафедры истории и политологии, заведующей кафедрой, профессором кафедры отечественной истории, государства и права, проректором по научной работе. По инициативе В.Н. Тугужековой в 1995 г. была создана аспирантура ХГУ им. Н.Ф. Катанова.

Большая часть творческих и жизненных устремлений Валентины Николаевны воплотилась в научной школе по проблемам новейшей истории Южной Сибири. Под ее научным руководством защитили диссертации на соискание степени кан-

дидатов исторических наук 24 аспиранта и соискателя по специальности «Отечественная история», докторантуру окончили 3 человека. В 2017 г. под научным руководством В.Н. Тугужековой была защищена докторская диссертация.

В.Н. Тугужекова является профессором кафедры истории России ХГУ им. Н.Ф. Катанова, преподает дисциплины «Актуальные проблемы новейшей истории Хакасии», «Этнополитические процессы в Республике Хакасия», руководит дипломными и курсовыми работами. Под ее руководством защитили дипломные работы более 100 выпускников ХГУ им. Н.Ф. Катанова. Профессором В.Н. Тугужековой опубликовано более 300 научных и 300 научно-популярных статей. Она является автором свыше 40 монографий, брошюр и учебных пособий.

С 1998 г. Валентина Николаевна возглавляет Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Благодаря ее деятельности институт успешно работает и развивается. Это Об этом свидетельствует, прежде всего, высокий научный потенциал сотрудников института, широкая тематика научных направлений, глубина исследования.

Валентине Николаевне принадлежит заслуга в организации совместных исследований института с ведущими российскими и зарубежными гуманитарными центрами: Институтом востоковедения РАН, Институтом этнологии и этнографии РАН, Институтом языкознания РАН, Институтом истории СО РАН, Институтом археологии и этнографии СО РАН, Институтом филологии СО РАН, Казанским государственным университетом, Финским обществом по изучению первобытного искусства, Тюркологическим институтом Стамбульского государственного университета, Анкарским университетом, Культурным фондом гималайских исследований, Институтом этнической литературы Академии общественных наук Китая, Музеем доисторической антропологии Княжества Монако и др. Благодаря инициативе В.Н. Тугужековой институт является коллективным членом Российского общества востоковедов, Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства.

Много сил и времени В.Н. Тугужекова отдает научно-организационной деятельности. Она была членом диссертационного совета по защите диссертаций при Красноярском государственном педагогическом университете по специальности «Отечественная история», регионального совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук при ХГУ им. Н.Ф. Катанова по специальности «Отечественная история».

В сферу научных интересов В.Н. Тугужековой входит широкий спектр проблем по отечественной истории: современное развитие коренных этносов России, социально-экономическая и политическая история национальных регионов Южной Сибири, адаптация народов Сибири к природным, техногенным и социальным трансформациям, межнациональные отношения, сохранение, развитие и изучение культурно-исторического наследия Саяно-Алтайского региона.

В.Н. Тугужекова участвует в проектах Российской академии наук по проблемам адаптации народов Южной Сибири к новым реалиям жизни, этнорегиональных моделей адаптации населения в условиях трансформирующего общества. Основываясь на материалах этносоциологического исследования, она приняла участие в ряде коллективных трудов, информационных бюллетеней о степени адаптации и факторах адаптационного поведения основных этнических групп

Х.Ч. Алишина, Ф.Г. Хисамитдинова, В.Н. Тугужекова., М.В. Бавуу-Сюрюн.
Пленум РКТ в Москве, 2016 г.

Республик Тыва, Хакасия, Горный Алтай к новым условиям жизни. В своих исследованиях она обращает внимание на роль миграции в формировании населения Южной Сибири, а также на процессы адаптации населения Хакасии в постсоветский период. В.Н. Тугужекова исследует демографические проблемы Хакасии: численность населения, его занятость, социальные болезни, материальное положение.

В последние годы Валентина Николаевна уделяет большое внимание проблемам хакасского народа, национальной культуры, межнациональных отношений в Хакасии, родовому движению. Она первой в регионе стала изучать вопросы здоровья хакасского этноса, первой подняла проблему суицида среди представителей коренного населения Южной Сибири.

Большое место в жизни профессора В.Н. Тугужековой занимает и общественная деятельность, она является действительным членом Академии социальных наук Российской Федерации, членом Избирательной комиссии Республики Хакасия, ряда общественных организаций. Она участник научно-просветительских экспедиций по Горной Шории, Тыве, Алтаю и Монголии. Неоднократно избиралась членом «Чон чоби» (исполнительный орган съезда хакасского народа), была делегатом съездов хакасского народа, Конгресса тюркских народов России, съезда народов Южной Сибири, делегатом Российского сибирского народного собрания.

За вклад в развитие науки в Хакасии и подготовку научных и научно-педагогических кадров Республики Хакасия и Тывы Валентина Николаевна награждена Почетной грамотой законодательной палаты Великого Хурала Республики Тыва и медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. В 2010 г. Правительством Республики Хакасия научной школе профессора В.Н. Тугужековой присвоен статус «Научная школа Республики Хакасия».

В декабре 2010 г. правление Международного общественного фонда «Российского фонда мира» наградило В.Н. Тугужекову золотой медалью «За выда-

---

ющий вклад в деятельность фонда» и «За миротворческую и благотворительную деятельность». В 2013 г. награждена медалью Н.Ф. Катанова. В 2015 г. ей была вручена международная медаль памяти 130-летия великого хакасского сказителя Семена Кадышева. Постановлением Президиума Правительства Республики Хакасия от 12 апреля 2016 г. № 37-П В.Н. Тугужековой была вручена Государственная премия Республики Хакасия имени Н.Ф. Катанова.

Валентина Николаевна обладает высокими человеческими качествами. Я была приятно удивлена, когда неожиданно получила бандероль со сборником статей на английском языке из... Индии. В сборник была включена и моя статья о Н.Ф. Катанове! Такой великолепный подарок сделала моя коллега за мою любовь и уважение к личности тюрколога Николая Федоровича Катанова. Я благодарна Валентине Николаевне и за ее научные труды, и за все книжные новинки об этом ученом, имеющем мировую известность, и за хакасско-русские и русско-хакасские словари, и за ее безграничную доброту!

Свое 70-летие наша коллега Валентина Николаевна Тугужекова встречает полная сил, энергии, творческих планов и замыслов. Пусть все, о чем мечтает талантливый, авторитетный, уважаемый ученый, воплотится в жизнь. Счастья, здоровья, успехов, благополучия, пусть не иссякнет источник мудрости и знаний!!!

Ханиса Алишина

**ОКСАНА НИКОЛАЕВНА ПУСТОГАЧЕВА
(К 60-летию со дня рождения)**

Коллектив научно-исследовательской группы языка Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова сердечно поздравляет Оксану Николаевну с юбилейным днем рождения!

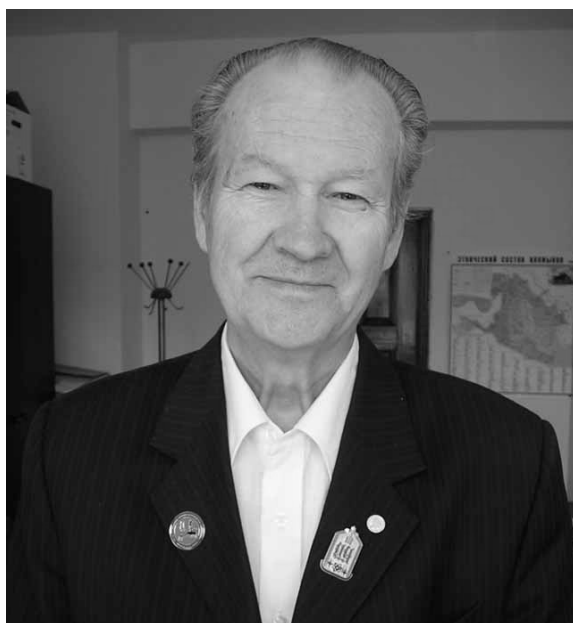
Мы знаем и высоко ценим Вас как методиста, исследователя родного чалканского и алтайского языков. В науке широко известны Ваши работы по методике преподавания алтайского языка в школе, по этнолингвистике, по лексикологии и диалектологии алтайского языка. Неоценим Ваш вклад в дело сохранения и развития родного чалканского языка.

От всей души желаем крепкого здоровья, благополучия Вам и Вашим близким, неиссякаемой энергии и больших творческих успехов во всех начинаниях.

Редакция журнала «Российская тюркология» присоединяется к поздравлениям и желает коллеге долгих лет счастливой, творческой жизни на благо отечественной науки.

Коллектив научно-исследовательской группы языка НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, редакция журнала «Российская тюркология»

**ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ РАССАДИН
(1939–2017)
ПАМЯТИ УЧЕНОГО**

Нет, я не уйду в небытие
Пока не выполню всего
предназначенья.
Нет, я в вечность не уйду,
Пока не выполню своё предназначенье.
Глухая полночь, ни огонька, ни звука,
Всё в мире спит, упав в объятья сна.
Один лишь только я сижу, не сплю
И сотни дум теснятся в голове.
Сижу и размышляю я о том, как краток этот век, опущенный судьбой.
Как быстр текущий дым земного бытия.
Жизнь прожита, и вечность впереди.
И высший суд оценит все твои дела.
Всегда ли прав ты был, а может быть не прав?
Всегда ль твои поступки были верны?

В.И. Рассадин
апрель 2017 г.

В 2017 году ушел из жизни Валентин Иванович Рассадин – доктор филологических наук, профессор, академик РАН, член Российского комитета тюркологов, иностранный член-корреспондент Международного финно-угорского научного общества (г. Хельсинки), заслуженный деятель науки Бурятской АССР, РСФСР и МНР. Он признан мировым научным сообществом как крупнейший специалист в области сравнительно-исторического, монгольского и тюрко-монгольского языкознания. Это ученый-подвижник, талантливый исследователь языков и диалектов малочисленных народов Саяно-Алтайского региона России и Монголии, создатель письменности для тофаларского и сойотского языков, ветеран войны и труда, кавалер ордена Дружбы.

В.И. Рассадин родился в 12 ноября 1939 г. в г. Пскове в ижорской семье. Прекрасное знание ижорского и финского языков Валентин Иванович пронёс через всю свою жизнь. Он прекрасно был знаком и с богатым ижорским фольклором. Во время Великой Отечественной войны его мама с ним, трехлетним ребенком, была интернирована в Литву. После войны семья Рассадиных часто переезжала, так как отец мальчика был военнослужащим. В 1957 г. Валентин окончил среднюю школу № 1 в г. Холмске на Сахалине. Общение с представителями разных народов и языков, память о своем родном, ижорском, языке развили в нем интерес к лингвистике. Он поступил в Ленинградский государственный университет на кафедру монгольской филологии Восточного факультета. Здесь во время учебы и особенно на каникулах во время работы на целине возникло духовное братство: Валентин Рассадин, Игорь Кормушин, Дмитрий Насилов.

В 1962 г. после окончания университета В.И. Рассадин был направлен в г. Дархан МНР. Он работал переводчиком на промышленных объектах, свободно владел монгольским языком. У Валентина Ивановича был природный дар полиглота, прекрасный музыкальный слух. За свою жизнь он свободно овладел несколькими языками.

Валентин Иванович мечтал заняться научным описанием языков. В Ленинграде он был знаком с Владимиром Михайловичем Надеяевым, который очень поддерживал это стремление. В.М. Надеяев переехал в Новосибирск и пригласил В.И. Рассадина в аспирантуру. В 1963 г. В.И. Рассадин поступил в аспирантуру Новосибирского государственного университета. Под руководством сотрудников Института истории, филологии и философии СО АН СССР д. филол. н., проф. Елизаветы Ивановны Убрятовой и Владимира Михайловича Надеяева он работал над кандидатской диссертацией «Лексика современного тофаларского языка».

Несколько лет Валентин Иванович ездил в «Тофаларию» – горно-таежный район Красноярского края. Он жил жизнью народа, стал полностью своим, здесь же он обрел свою семью. В 1966 г. В.И. Рассадин защитил кандидатскую диссертацию и переехал с семьей в Улан-Удэ. Около 40 лет он проработал в Бурятском институте общественных наук СО АН СССР. С 1992 по 2006 г. В.И. Рассадин возглавлял по совместительству кафедру филологии Центральной Азии Восточного факультета Бурятского государственного университета, где им была создана научная школа «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание».

Основным направлением деятельности В.И. Рассадина в это время было, конечно, монголоведение, но он очень много сделал и для тюркологии, особенно в области разработки письменности для малочисленных тюркских языков – тофаларского и сойотского, подготовки и издания букварей, словарей, учебных пособий («Тофаларский букварь», 1989, 2005; «Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь», 1994; «Сойотско-бурятско-русский словарь», 2003), подготовки учителей для преподавания языков в национальных школах. Совместно с Электроном Федоровичем Чиспияковым он написал «Шорско-русский словарь» (который не был издан). В.И. Рассадин подготовил том тофаларского фольклора для серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Докторскую диссертацию В.И. Рассадин защитил по тюркологии: «Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков» (1983 г.)

Важные работы этого периода: «Фонетика и лексика тофаларского языка» (Улан-Удэ, 1972), «Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках» (М., 1980), «Очерки по исторической фонетике бурятского языка» (М.: Наука, 1982). Огромным вкладом в науку явился перевод В.И. Рассадиным фундаментального труда О. Бетлингга «Über die Sprache der Jakuten», 600 страниц текста, на русский язык.

В 2006 г. В.И. Рассадин стал директором «Научного центра монголоведных и алтаистических исследований» Калмыцкого государственного университета в г. Элиста, профессором кафедры калмыцкого языка и монголистики. К этому времени изменилась и его личная жизнь, он овдовел.

До конца своих дней В.И. Рассадин плодотворно работал над темой взаимодействия тюркских и монгольских языков. В «элистинский период» он завершил написание и издал свое фундаментальное исследование «Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Часть 1. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Часть 2. Монгольское влияние на лексику тюркских языков. Часть 3. О соотношении монгольских и тюркских грамматических элементов в составе тюрко-монгольской языковой общности» (Элиста, 2007, 2009, 2012). Он продолжал описание своего любимого тофаларского языка и издал работу «Современный тофаларский язык и его место в системе тюркских языков» (Элиста, 2014).

В последние годы Валентин Иванович занимался также описанием турецко-месхетинского языка, отстаивая его самостоятельность; составил двуязычный «Краткий турецко-месхетинско-русский словарь» с использованием кириллической графики для турецко-месхетинского языка. (Элиста, 2011).

Жизнь и работа В.И. Рассадина в Элисте связана со Светланой Менкеновной Трофимовой, доктором филологических наук. Это его коллега, друг, супруга. По инициативе Светланы Менкеновны Калмыцкий госуниверситет издал книгу памяти Валентина Ивановича «Вспоминая Валентина Ивановича Рассадина...» [Элиста: ФГБОУ ВО «КГУ имени Б.Б. Городовикова», 2018]. Теперь, когда Валентина Ивановича не стало (он умер 15 августа 2017 г.), С.М. Трофимова продолжает его дело, работает над архивом, издает работы.

В этой книге мы находим самые теплые и искренние слова восхищения и благодарности в адрес Валентина Ивановича, написанные ответственными руководителями научных учреждений, его коллегами, учениками. Перед нами пред-

стает не только большой ученый, но и настоящий, замечательный человек. Книга начинается стихотворением Валентина Ивановича, написанным им за два месяца до кончины. Сделав так много для науки и людей, он выражает сомнение, все ли он сделал и все ли сделал правильно. Сомнение – качество настоящего исследователя.

Выше мы осветили лишь одну из сторон научной деятельности В.И. Рассадина – ведь он не только тюрколог, но и ведущий монголист. В упомянутой книге много интересных фактов из жизни ученого, в ней и анализ его работ, и оценка его деятельности. Перечень его наград составляет почти целую страницу текста (с. 14).

В.И. Рассадин всегда был компетентным и независимым исследователем-лингвистом, продолжающим традиции великих ученых XIX–XX вв. Имя В.И. Рассадина внесено в энциклопедию ведущих языковедов мира: O.Molchanova. Rassadin, Valentine Ivanovich (b. 1939) // *The Encyclopedia of Language and Linguistics*, (ell 2), 2005. Editor-in-chief Keith Brown. University of Cambridge, UK. N 5227, vol. 10, p. 361 (с. 41).

Специалисты в области алтайских языков из разных стран неизменно обращаются к трудам Валентина Ивановича – а их более 450, – получая из них ценнейшую информацию, богатейший материал, глубокий анализ языковых, фольклорных, этнографических и исторических фактов. Им подготовлено 50 кандидатов наук и 6 докторов (с. 13).

Валентин Иванович – человек необыкновенной душевной щедрости, образец высочайших человеческих качеств, в числе которых мудрость и желание всегда прийти на помощь; его жизнь – пример бескорыстного служения науке и людям.

Уход Валентина Ивановича Рассадина – наша общая невосполнимая утрата. Мы навсегда сохраним в наших сердцах светлую память о нем. Дело Валентина Ивановича продолжат его многочисленные ученики, работающие не только в России, но и в различных странах мира.

И.В Шенцова
по просьбе Российского комитета тюркологов

ПАМЯТИ ЧУРГУЙ-ООЛА МИХАЙЛОВИЧА ДОРЖУ (1949–2018)

Уважаемые коллеги, с глубоким прискорбием сообщаем, что 9 октября 2018 года после непродолжительной болезни скончался Доржу Чургуй-оол Михайлович – тувиновед-тюрколог, Заслуженный деятель науки Республики Тыва, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языка и монголоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, член Союза писателей Республики Тыва.

Чургуй-оол Михайлович Доржу родился 16 октября 1949 г. в селе Торгалыг Овюрского района Тувинской АССР. В 1973 г. окончил филологический факультет Кызылского государственного педагогического института по специальности «учитель русского языка и литературы, тувинского языка и литературы». С 1976 г. принят на работу в Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, где прошел путь от младшего до ведущего научного сотрудника. Ч.М. Доржу занимался исследованием тувинского языка, разрабатывал проблемы исторического и сопоставительного языкознания, языковых контактов и взаимодействий.

Ч.М. Доржу с 1979 по 1982 г. учился в аспирантуре Института языкознания АН СССР ТНИИЯЛИ и в 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Древнеуйгурские элементы в современном тувинском языке» под руководством доктора филологических наук, члена-корреспондента АН СССР Эдгема Рахимовича Тенишева. Сопоставляя разные пласты древнеуйгурского, а также современных тувинского, сарыг-югурского и саларского языков, он выявляет характерные особенности, исторически связывающие их звуковой строй, морфологию и лексику. По его мнению, эти особенности объясняются историческим родством носителей данных языков. Опираясь на данные археологических, исторических и других источников, Чургуй-оол Михайлович убедительно доказывает, что предки тувинцев имели в целом древнеуйгурские историко-этнические корни. По мнению ученого, преобладающая часть современных тувинцев по языку и этногенезу является прямыми потомками «он уйгуров», создавших некогда на территории Тувы и Северо-Западной Монголии известное государство – Уйгурский каганат. С тех пор Чургуй-оол Михайлович в своих исследованиях обращался главным образом к вопросам и проблемам истории формирования тувинского языка.

С 1986 по 1991 г. Чургуй-оол Михайлович работал заведующим сектором языка и письменности ТНИИЯЛИ. В 1991 г. Ч.М. Доржу поступает в докторантуру Института языкознания АН СССР. Будучи докторантом, он по приглашению на два года уезжает в столицу Турции, г. Анкару, работать преподавателем тувинского языка, литературы и фольклора для студентов Анкарского университета.

В 1994 г. Ч. М. Доржу был назначен директором ТНИИЯЛИ. В годы, которые он возглавлял институт, коллективом ученых были подготовлены к изданию та-

кие капитальные труды, как «История Тувы» (I том), «Толковый словарь тувинского языка» (I том), «Сокровенное сказание монголов» (перевод на тувинский язык), было возобновлено издание «Ученых записок» ТНИИЯЛИ.

Ч.М. Доржу – автор многочисленных статей в отечественных и зарубежных изданиях, он был участником многих международных научных конференций. Он является соавтором «Русско-тувинского словаря общественно-политических терминов», редактором отдельных научных изданий ТИГИ (ТНИИЯЛИ), в том числе I тома «Истории Тувы», I тома «Толкового словаря тувинского языка», «Сокровенного сказания монголов» (редактор издания, автор предисловия и вводной статьи). В 2004 г. Ч.М. Доржу опубликовал книгу «Тыва улустуң хуу аттарының төөгүзү» («История личных имен тувинцев»).

За заслуги в области организации и развития тувинской гуманитарной науки в 1999 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Тыва». В 2007 г. он был награжден нагрудным знаком «За вклад в развитие Тувинского государственного университета».

Светлая память о видном тувинском ученом, поэте и переводчике, замечательном человеке с доброй и открытой душой навсегда сохранится в наших сердцах.

А.В. Дыбо, И.В. Кормушин, Н.Ч. Серээдар, П.С. Серен,
К-М.А. Симчит, О.М. Саая, М.В. Бавуу-Сюрюн

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>И.В. Кормушин.</i> Какому тюркоязычному народу могли принадлежать енисейские рунические надписи с территории Хакасии? (Енисейские страдания-2).....	5
<i>И.А. Невская, Л.Н. Тыбыкова.</i> Фонологические особенности карачаево-балкарских диалектов на общетюркском фоне	11
<i>Мехмет Ольмез.</i> Предварительное чтение и примечания к древнетюркской надписи из местности Киргизское обоо в Монголии.....	24
<i>Н.С. Уртегешев.</i> Звукотипы «ө», «э» северо-западного диалекта башкирского языка по данным МРТ в сопоставительном аспекте	31

ОНОМАСТИКА

<i>Г.М. Абишов.</i> Происхождение топонима «Чимбай» в Каракалпакстане.....	39
--	----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Х.Ч. Алишина.</i> Я.К. Занкиев и А.М. Гилязов. Эпистолярные памятники жизни и творчества	46
--	----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Г.А. Алламбергенова.</i> Выражение психологических состояний посредством фразеологизмов в произведениях И. Юсупова	58
<i>Ж.И. Мизрабова.</i> Сравнительный анализ переводов трагедии «Гамлет» на узбекский язык.....	65

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

<i>Х.Ч. Алишина.</i> Татарча диктант – 2018	83
---	----

ИСТОРИЯ НАУКИ, ДОКУМЕНТЫ

<i>П.Ж. Отениязов.</i> История сбора, издания и исследования каракалпакских народных сказок	89
<i>Б.Т. Мирзаджанов.</i> Организация системы подготовки руководящих кадров в Туркестане на примере комуниверситетов (1917–1924 гг.)	98

ПЕРСОНАЛИИ

Зейнеп Коркмаз (К 95-летнему юбилею).....	112
Профессору П.А. Слепцову – 90 лет	117
Равиль Тухватович Бикбаев (к 80-летию писателя, поэта и ученого).....	122
Валентина Николаевна Тугужекова – известный российский тюрколог.....	127
Оксана Николаевна Пустогачева (к 60-летию со дня рождения)	132
Валентин Иванович Рассадин (1939–2017). Памяти ученого	133
Памяти Чургуй-оола Михайловича Доржу (1949–2018)	137

CONTENTS

LANGUAGE STRUCTURE AND HISTORY

<i>Igor Kormushin</i> . To which Turkic-speaking population could belong the Yenissei runic inscriptions from the territory of Khakassia?.....	5
<i>Irina Nevskaya, Larisa Tybykova</i> . The new way of reading of the Ancient Turkic inscription Bichiktu-Boom-III according to the 3d fixation data	16
<i>Mehmet Ölmez</i> . Preliminary readings and notes on the Ancient Turkic inscription from the <i>Hirgisiyn Ovoo</i> area in Mongolia	24
<i>Nikolay Urtegeshev</i> . “Ө” and “e” sound types of the north-western dialect of the Bashkir language by the MRI data in the comparative aspect.....	31

ONOMASTICS

<i>Genzhebay Abishov</i> . The Origins of Chimbay – toponym in Karakalpakstan	39
---	----

CULTURAL STUDIES

<i>Khanisa Alishina</i> . Ya.K. Zankiev and A.M. Gilyazov: the epistolary monuments of life and work	46
--	----

LITERARY CRITICS

<i>Guljakhan Allambergenova</i> . Expression of psychological states through phraseological units in the works of I. Yusupov	58
<i>Jeren I. Mizrabova</i> . Comparative review of the translations of “The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark” in Uzbek.....	65

MESSAGES AND REVIEWS

<i>Kh. Alishina</i> . Dictation on the Tatar language	83
---	----

HISTORY OF SCIENCE, DOCUMENTS

<i>Polat Oteniyazov</i> . The history of the collection, edition and research of the Karakalpak national fairy tales.....	89
<i>Bakhtiyor Mirzadjanov</i> . Organization of the system of preparation of administrating personnel in Turkestan based on Communist universities (1917–1924).....	98

PERSONALIA

<i>Zeynep Korkmaz</i> (to her 95 th birthday).....	112
<i>Professor P.A. Sleptsov</i> (to his 90 th birthday)	117
<i>Ravil’ Bikbayev</i> (to scientist’s, writer’s and poet’s 80 th birthday).....	122
<i>Valentina Tuguzhekova</i> – famous Russian turkologist.....	127
<i>Oksana Pustogacheva</i> (to her 60 th birthday).....	132
<i>Valentin I. Rassadin</i> (1939–2017) – in memory of the scientist	133
<i>Memory of Churguy-ool Dorzhu</i> (1949–2018).....	137

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Российская тюркология» просит авторов руководствоваться приведенными ниже правилами. Статьи, оформленные по иным техническим параметрам, к публикации не принимаются и возвращаются авторам без рассмотрения.

Общие положения

Журнал «Российская тюркология» выходит 4 раза в год и печатает материалы, основанные на результатах неопубликованных (авторы гарантируют) гуманитарных исследований. Исключение может составить идентичная статья автора, опубликованная: а) в нецентральной научной печати (не Москва и Санкт-Петербург, а также не в журналах, аттестованных в системах Scopus, WoS и подобных – Новосибирск, Томск), б) за границей на иностранном языке. При этом автор обязан дать полную ссылку на эту первичную статью. Статьи в журнал «Российская тюркология» принимаются по рубрикам:

- ◆ Структура и история языка
- ◆ Дискуссии и обсуждения
- ◆ Языковые связи
- ◆ Ономастика
- ◆ Культурология
- ◆ Литературоведение
- ◆ Фольклористика
- ◆ Сообщения и обзоры
- ◆ История науки, документы
- ◆ Рецензии и аннотации

Основным требованием к публикуемым материалам является их соответствие научным критериям:

- ◆ актуальности
- ◆ проблемности
- ◆ научной новизны
- ◆ доказательности
- ◆ фактологической обоснованности.

Редакционная коллегия оставляет право отбора материалов для публикации. Все статьи проходят двойное слепое рецензирование. Журнал не является гонорарным.

Журнал издается в двух версиях – бумажной и электронной. 120 печатных экземпляров предназначены для предоставления обязательных экземпляров в Книжную палату, библиотекам ряда родственных институтов и журналов, а также для бесплатной раздачи по

одному экземпляру членам Российского комитета тюркологов, авторам напечатанных в данном номере материалов и членам редколлегии. Журнал индексируется в РИНЦ и находится там в открытом доступе, также, как он находится в открытом доступе на сайте Российского комитета тюркологов: <http://www.turcologica.org>.

Представление статей

Авторские оригиналы – текст статьи на русском языке, краткая аннотация к нему и ключевые слова (не более 10) на русском и английском языках, название статьи на английском языке – должны быть отправлены в электронном варианте по адресу: gosturcology@yandex.ru с безличным обращением «Уважаемая редакция».

Объем статьи – от 0,7 до 1 а.л. (28 тыс. – 40 тыс знаков с пробелами), включая список литературы, аннотации и постраничные сноски.

Файл со статьей должен быть назван следующим образом: «**Иванов И.И. Статья для РТ**»

Текст должен отвечать следующим требованиям

Нумерация страниц сквозная. Номер страницы указывается внизу страницы по центру.

Параметры страницы – А4, поля для всех сторон – 2 см, ориентация – книжная.

Шрифт – **Times New Roman (14 пт)**, межстрочный интервал – полуторный, абзацный отступ – 0,75 см по всему тексту. Все заголовки (название статьи, список литературы, аннотации и пр.) вводятся полужирным шрифтом и располагаются по центру. Дополнительные буквы к стандартным алфавитам русского и английского языков берутся из касс Юникода.

Тире среднее (не заменять дефисом!), с двух сторон отделяется пробелами: –

Между числами (для обозначения временного периода, страниц в издании и т.п.) ставится среднее тире без пробелов, например: 1941–1945 гг. Века обозначаются римскими цифрами, например: XIX–XXI вв. Кавычки внешние – «ёлочки», внутренние – “лапки”. Пропуски в цитатах обозначаются многоточием в угловых скобках: <...>.

Букву «ё» использовать только в смыслообразительных случаях.

При применении другого оригинального шрифта для написания текста на национальном языке примеры необходимо давать курсивом, а шрифт должен быть прислан вместе со статьей.

Все примеры на национальных языках должны иметь переводы на русский язык. Значения слов, словосочетаний и переводы даются в марровских кавычках (‘марровские кавычки’).

Заголовок статьи набирается прописными буквами с выравниванием по центру.

Фамилия автора набирается после заголовка по центру полужирным курсивом (инициалы стоят впереди).

На следующей строке после фамилии светлым курсивом указывается город.

К заголовку статьи, если требуется для отчетности, дается ссылка в конце страницы, где можно указать о финансовой поддержке исследования.

К фамилии автора дается еще одна ссылка в конце страницы со сведениями об авторе: ФИО – полностью, должность и место работы, ученая степень и звание, личный e-mail.

Специальные символы набираются шрифтом **Symbol**. При употреблении сложных или авторских символов, статью необходимо прислать также и в формате **pdf**, а также, возможно, и нестандартный шрифт. *Ссылка* приводится внутри текста в квадратных скобках; напр.: [Малов 1951: 430]; в случае необходимости *постраничные сноски* должны вводиться в виде верхнего индекса и иметь сквозную нумерацию по всему тексту.

Список литературы дается в конце статьи и оформляется по приведенным ниже образцам.

Итак, еще раз кратко о порядке расположения материала статьи:

Название на русском языке

ФИО автора; нижняя ссылка – сведения об авторе на русском языке: фамилия имя отчество – полностью, место работы и должность, ученое звание

Город

Резюме на русском языке

Ключевые слова на русском языке

Текст статьи

Литература

Название на английском языке

Имя, фамилия автора, город на английском языке

Резюме на английском языке (Summary)

Ключевые слова на английском языке (Key words)

Сведения об авторе (авторах) на английском языке

Список литературы

Вводится заголовком *Литература* – полужирным курсивом. Приводится без нумерации в алфавитном порядке сокращенного обозначения источников по названию или фамилии автора и году издания прямым шрифтом; далее через **среднее тире** курсивом фамилия и инициалы автора, затем прямым шрифтом полное название труда и выходные данные.

Для книг – фамилии и инициалы всех авторов, полное название книги, через среднее тире место издания, двоеточие, издательство, год издания, том или выпуск.

Для периодических изданий – фамилии и инициалы автора (всех авторов), название статьи, через две косые линии – название журнала (или сборника), через среднее тире год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

ВНИМАНИЕ: С 2019 года вводятся дополнительные правила по оформлению литературы согласно европейским требованиям: литература на русском языке остается на первом месте по отношению к иностранной; в фигурных скобках дается транслитерация латинскими буквами каждого компонента – фамилии автора/авторов, названия – причем сразу после транслитерации названия в квадратных скобках дается перевод этого названия на английский язык, названия конференции, - также необходимо перевести на английский, места и года издания. Например:

Дыбо 2018 – *Дыбо А.В.* Фонологические особенности карачаево-балкарских диалектов на общетюркском фоне // Российская тюркология. – 2018. – №1–2 (18–19). С. 16–28. {The phonologic features of the Karachai-Balkar language on the Common Turkic background // Russian Turcology. 2018. – №1–2 (18–19). P. 16–26.

Ондар 2004 – *Ондар Б.К.* Топонимический словарь Тувы. Абакан, 2004. {*Ondar B.K.* A toponymical dictionary of Tuva. Abakan, 2004.}

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧЕСТВУ С ВАМИ!

Данный номер журнала
подготовлен редакторской группой в составе:

Выпускающий редактор: *З.Н. Экба*
Технический редактор: *С.И. Переверзева*
Редактор-переводчик: *А.В. Шаров*
Компьютерная верстка: *В.Ю. Гусев*
Дизайн обложки: *Ф.Н. Латыпова*

ООО «Издательство МБА»
Москва, ул. Озёрная, д. 46 тел.: (495) 726-31-69;
(495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.
e-mail: izmba@yandex.ru
Генеральный директор С.Г. Жвирбо

Печать офсетная. Бумага офсетная 80 г/м². Формат 70×108¹/₁₆.
Усл.печ.л.14,0. Тираж 120 экз. Заказ № 1026

С готового оригинал-макета
Подписано в печать 28.12.2018